

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

Том 17 № 4 (2020)

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4

<http://journals.rudn.ru/education-languages>

Научный журнал

Издается с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73496 от 17.08.2018 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Почетный редактор

Стивен Дж. Келлман, PhD, профессор, Техасский университет Сан-Антонио, США

Главный редактор

Бахтикireeva У.М., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

Заместитель главного редактора, ответственный секретарь

Валикова О.А., доктор философии (PhD), научный сотрудник НУ, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: valikova-o@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Аминова Венера Рудалева — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан, Россия

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан

Евдокимова Светлана — доктор филологических наук, профессор, профессор славистики и компаративной литературы, кафедра славянских языков, Университет Браун, Провиденс, США

Жаркынбекова Шолпан Кузаровна — доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Астана, Казахстан

Канасгараджа Суреш — доктор филологии, профессор, кафедра прикладной лингвистики и английского языка; директор Центра миграционных исследований, Пенсильванский университет, США

Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Кулибина Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

Куриленко Виктория Борисовна — доктор педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Лебедько Мария Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Дальневосточный федеральный университет, Москва, Россия

Маслова Валентина Авраамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Муди Эндрю — PhD, профессор, доцент, кафедра английского языка, Университет Макао, КНР

Муранска Наталия — доктор филологических наук, профессор, профессор русистики и компаративной литературы, факультет философии, Университет Константина Философа, Нитра, Словакия

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Хельсинки, Финляндия

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Сулейменова Элеонора Дюсеновна — доктор филологических наук, профессор, вице-президент МАПРЯЛ, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Тюстанова Мадина Владимировна — доктор филологических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Линчепингский Университет, Линчепинг, Швеция

Фирман Уильям — доктор политических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Университет Индианы, Блумингтон, США

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 выпуска в год

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Индексирование: РИНЦ (НЭБ), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, WorldCat, Dimensions.

Полные тексты: Cyberleninka, East View, Mendeley

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы билингвального образования, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социалингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентовал стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 года журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству специалистов в области русофонной и транслингвальной литературы, культурологов, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделяется краеугольным вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения второго языка в когнитивном и прагматическом аспектах и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редколлегия журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия журнала, решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик в рамках билингвального образования;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Редактор: *И.В. Успенская*

Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Подписано в печать 26.11.2020. Выход в свет 03.12.2020. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 12,58. Тираж 500 экз. Заказ № 1049. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

VOLUME 17 No. 4 (2020)

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4

<http://journals.rudn.ru/education-languages>

Founded in 2004

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

Honorary Editor

Steven G. Kellman, PhD, Professor, University of Texas at San-Antonio, USA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Uldanai Bakhtikireeva

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

VICE-EDITOR, EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga Valikova

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

E-mail: valikova-o@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Prof. Suresh Canagarajah — Pennsylvania State University, USA

Prof. Mahanbet Dzhusupov — Uzbekistan State University of World Languages, Tashkent, Uzbekistan

Prof. Svetlana Evdokimova — Brown University, Providens, USA

Prof. Sholpan Zharkynbekova — Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan

Prof. Sergey Kibalnik — the Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

Prof. Natalya Kulibina — The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Dr. Viktoriya Kurilenko — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Prof. Lebedko Maria Grigorievna — Far Eastern Federal University, Moscow, Russia

Prof. Valentina Maslova — Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Belarus

Prof. Andrew Moody — University of Macau, China

Prof. Natalia Muranska — Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovak

Prof. Ekaterina Protassova — University of Helsinki, Helsinki, Finland

Prof. Zoya Proshina — Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Prof. Madina Tlostanova — Linkoping University, Linkoping, Sweden

Prof. Wiliam Firman — Indiana University, Blumington, USA

Prof. Dr. Venera Amineva — Kazan Federal University, Kazan, Russia

Prof. Dr. Eleonora Suleimenova — Kazakh National University of Al-Farabi, Almaty, Kazakhstan

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES
Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 issues per year

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Indexed by Russian Science Citation Index (eLibrary.ru), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, WorldCat, Dimensions.

Cyberleninka, East View, Mendeley.

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of translingual literature, bilingual education, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, crosscultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of L2 in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation specialists in the field of translingual literature, culture experts, philosophers, and other representatives of the Humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- publication of the results of experimental methods of teaching and learning of second language;
- the study of language processes in multicultural environment;
- the study of bi- and translingual practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at: [://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions](http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions)

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru.

Editor *I.V. Uspenskaya*
Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:
3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:
3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ПЕРСОНАЛИИ / PERSONALITIES

Аэд и рапсод, вещей, мудрец и учитель, хранитель «Закона Обратной Связи» — «Чүү-да чүве долуглуг» / A Scientist, a Magical Guardian of the Eternal Earthly Law “Chyy-da chyyve doluglug” — “The Law of Feedback” 452

Кужугет А.К. Культурологический аспект научного творчества М.Б. Кенин-Лопсана / **Kuzhuget A.K.** The Cultural Aspect of M.B. Kenin-Lopsan Scientific Work 454

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ / LITERARY DIMENSION

Донгак У.А. Новаторство писателя-билингва Э. Мижита (тувинская поэзия) / **Dongak U.A.** New Poetic Methods in the Literary Imagination of the Bilingual Writer Eduard Mizhit (Tuvan Poetry) 462

Калиева А.К. Стилиевые доминанты прозы Дидара Амантая / **Kalieveva A.K.** Style Dominants of Didar Amantay Prose 475

Керимова Р.А. Поэтическое творчество транслингвальных писателей (на материале поэзии карачаево-балкарских авторов) / **Kerimova R.A.** Poetry by Translingual Authors (Karachay-Balkarian Sample) 482

Кулиева Ш.А., Синячкин В.П. «Нерусское в русском»: заметки о транслингвальной литературе и поэзии И. Хугаева / **Kulieva Sh.A., Sinyachkin V.P.** “Non-Russian in Russian”: Notes on Translingual Literature and Poetry by I. Khugaev 495

Мулахи С.С. Северная Африка сквозь призму восприятия русских путешественников: Алжир, Тунис, Египет в русских травелогах / **Mulakhi S.S.** North Africa in Russian Travelers Perception: Algeria, Tunisia, Egypt in Russian Travelogues 505

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ / LANGUAGES IN CONTACT

Болотина Т.С., Данилова О.А. Результаты опроса школьников и студентов профессиональных образовательных организаций о состоянии, сохранении и развитии родных языков народов России / **Bolotina T.S., Danilova O.A.** Results of a Survey of Schoolchildren and Students of Professional Educational Organizations on the State, Preservation and Development of Native Languages of the Peoples of Russia 514

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ / LANGUAGE CONSCIOUSNESS

Башиева С.К., Дохова З.Р., Шогенова М.Ч. Формирование языковой личности в поликультурной среде / **Bashieva S.K., Dohova Z.R., Shogenova M.Ch.** Formation Specifics of Language Personality in a Multicultural Environment 525

АРСЕНАЛ / ARSENAL

Lebedeva I.L. Teaching Russian Culture via English: Implications, Objectives and Challenges / **Лебедева И.Л.** Преподавание русской культуры на английском языке: цели, задачи и трудности 535

Кадим М.М., Хуссейн Х.А. Принципы и приемы формирования компетенции в русской диалогической речи у иракских студентов в Багдадском университете / **Kadhim M.M., Hisham A.H.** Principles and Techniques for Competence Formation in Russian Dialogical Speech among Iraqi University of Baghdad Students 542

Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилёва И.Б. Адаптированная художественная литература в обучении иностранных студентов и студентов-билингвов русскому языку / **Afanasieva N.D., Zakharchenko S.S., Mogileva I.B.** Adapted Fiction in Teaching Russian to Foreign and Bilingual Students 553

ESSE EST

Kellman S.G. Reflections on *Nimble Tongues* / **Келлман С.Г.** Размышления о книге *Nimble Tongues* 562

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

Никитин О.В. Рецензия на книгу: Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 440 с. (Язык. Семиотика. Культура) / **Nikitin O.V.** Book Review: Valentinova O.I., Denisenko V.N., Preobrazhenskij S.Yu., Rybakov M.A. Sistemnyj vzglyad kak osnova filologicheskoy mysli. M.: Izdatel'skij Dom YaSK, 2016. 440 s. (Yazyk. Semiotika. Kul'tura) 566

Жучкова А.В. Посмотри в глаза чудовищ. Рецензия на книгу: Яхина Г.Ш. Зулейха открывает глаза. Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 512 с. / **Zhuchkova A.V.** Look into the Eyes of the Beasts. Book Review: Yakhina G.Sh. Zuleikha Opens Her Eyes. Moscow: AST: Redakciya Eleny Shubinoi, 2015. 512 p. 571

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-452-453

**Аэд и рапсод, вещий, мудрец и учитель,
хранитель «Закона Обратной Связи» —
«Чүү-да чүве долуглуг»**

В этом году люди из разных уголков земного шара отмечали 95-летие великого сына тувинского народа — Монгуша Бораховича Кенин-Лопсана. Из разных частей света в легендарную избушку в столице Тувы стекались поздравления от людей, представляющих разные сферы деятельности, занимающих разные социальные позиции.

В мировой истории год 2020 с его чувствительными катаклизмами в природе и обществе остается годом 95-летия этого уникального человека. Идею раскрыть все грани личности Монгуша Бораховича можно сравнить с попыткой объять многоликое необъятное: славный сын своего народа, медиум между мирами тувинского происхождения, аэд и рапсод, мудрец и вещий — ученый, магический страж вечного земного закона — «Чүү-да чүве долуглуг», который мы переведем как «Закон Обратной Связи».

От имени редколлегии журнала, всех авторов и читателей, наших коллег из Российского университета дружбы народов поздравляем Вас, Монгуш Борахович, с юбилеем, искренне и тепло желаем Вам доброго здоровья! Мы выражаем надежду на встречи с Вами и уверены, что наши авторы продолжат подвергать осмыслению Ваш Космо-Психо-Логос!

С юбилеем, глубокоуважаемый Монгуш Борахович!

Главный редактор *Улданай М. Бахтикиреева*
Заместитель главного редактора *Ольга А. Валикова*

A Scientist, a Magical Guardian of the Eternal Earthly Law “Chyy-da chyye doluglug” — “The Law of Feedback”

This year, people from all over the world celebrated the 95th anniversary of the great son of the Tuvan people — Mongush Borakhovich Kenin-Lopsan. Congratulations from people representing different spheres of activity and occupying different social positions flocked to the legendary izbushka in the capital of Tuva from different parts of the world.

The year 2020 with its sensitive cataclysms in nature and society remains the year of the 95th anniversary of a unique person — Mongush Borakhovich Kenin-Lopsan. The idea to reveal all the facets of Mongush Borakhovich can be compared to an attempt to grasp the many-sided immensity. A glorious son of his people, a medium between the worlds of Tuvan origin, aedea and a rhapsodes, a sage and a prophetic one, a scientist, a magical guardian of the eternal earthly law “Chyy-da chyye doluglug”, which we will translate as “The Law of Feedback”.

The editorial board of the journal, all authors and readers, our colleagues from the Peoples’ Friendship University of Russia greet you and wish you good health!

We hope to meet with you and are confident that our authors will continue to reflect on your Cosmo-Psycho-Logos!

Happy anniversary, dear Mongush Borakhovich!

Editor-in-Chief *Uldanai M. Bakhtikireeva*
Deputy Editor-in-Chief *Olga A. Valikova*

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-454-461

Научная статья

Культурологический аспект научного творчества М.Б. Кенин-Лопсана

А.К. Кужугет

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва
Российская Федерация, 667000, Кызыл, ул. Кочетова, д. 4

Статья посвящена некоторым аспектам научного творчества выдающегося тувинского писателя Монгуша Бораховича Кенин-Лопсана, доктора исторических наук, Народного писателя Республики Тыва, заслуженного работника культуры Тувинской АССР и РСФСР, заслуженного деятеля науки Республики Тыва, действительного члена Нью-Йоркской Академии наук, обладателя международного звания «Живое сокровище шаманизма». Являясь бессменным президентом республиканского общества шаманов «Дунгур» и единственным на настоящий момент специалистом в области тайных знаний древней религии, он раскрывает для читателя ее базовые мировоззренческие понятия, объясняет суть обрядовой практики и атрибутов шаманов. Научные труды М. Кенин-Лопсана приобретают все большую ценность в связи с новыми явлениями неошаманизма, включениями в традиционную систему новшеств, искажающих представления о национальной религии тувинцев. Исследование его трудов приводит к выводу, что ученый раскрывает общие черты древней культуры тюрков Саяно-Алтая, домонгольского периода Тувы. Он зафиксировал уникальные рассказы лучших знатоков фольклора и традиций тувинцев в советское время, когда интерес к традиционной культуре считался проявлением национализма.

Ключевые слова: шаманизм, традиционная культура, мировоззрение тувинцев, фольклор, обрядовая практика, народные праздники

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 17.09.2020

Дата принятия к печати: 07.10.2020

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Кужугет А.К. Культурологический аспект научного творчества М. Б. Кенин-Лопсана // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 4. С. 454–461. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-454-461

© Кужугет А.К., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The Cultural Aspect of M.B. Kenin-Lopsan Scientific Work

A.K. Kuzhuget

Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under
the Government of the Republic of Tuva
4, Str. Kochetova, Kyzyl, 667000, Russian Federation

The article is devoted to some aspects of the scientific work of the outstanding Tuvan writer Mongush Borakhovich Kenin-Lopsan, Doctor of Historical Sciences, People's Writer of the Republic of Tyva, Honored Worker of Culture of the Tuva Autonomous Soviet Socialist Republic, Honored Scientist of the Republic of Tuva, Full Member of the New York Academy of Sciences, holder of the international title "Living Treasure of Shamanism". Being the permanent president of the republican society of shamans "Dungur" and the only connoisseur of the secret knowledge of the ancient religion at the moment, he reveals to the reader its basic ideological concepts, explains the essence of ritual practice and attributes of shamans. The scientific works of M. Kenin-Lopsan are gaining more and more value in connection with the new phenomena of neoshamanism, the inclusion in the traditional system of innovations that distort the understanding of the national religion of Tuvans. A study of his works leads us to the conclusion that the scientist reveals the general features of the ancient culture of the Sayan-Altai Turks of the pre-Mongol period of Tuva. He recorded the unique stories of the best connoisseurs of folklore and traditions of Tuvans during the Soviet era, when interest in traditional culture was considered as a manifestation of nationalism

Key words: shamanism, traditional culture, worldview of Tuvans, folklore, ritual practice, folk holidays

Article history:

Received: 17.09.2020

Accepted: 07.10.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Kuzhuget, A.K. 2020. "The Cultural Aspect of M.B. Kenin-Lopsan Scientific Work". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (4), 454—461. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-454-461

Введение

Творчество известного в России и за рубежом Монгуша Бораховича Кенин-Лопсана многогранно: писатель, шаман, ученый; по сути, он проживает три жизни, каждая из которых плодотворна и осмысленна.

М.Б. Кенин-Лопсан является старейшим ученым Тувы, его вклад в развитие таких гуманитарных наук, как история, этнография, религиоведение, культурология, фольклористика неоченим. Научные труды Монгуша Бораховича повлия-

яли на формирование мировоззрения тувинцев нескольких поколений, их отношения к современному миру и к прошлому своего народа.

В его работах по фольклористике в полной мере проявился талант выдающегося народного писателя и ученого: это и «Дыхание Черного Неба. Мифологическое наследие тувинского шаманства», «Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства», «Алгыши тувинских шаманов», «Мифы тувинских шаманов», и «Классические образцы любовной лирики тувинского народа» в книге, посвященной празднику Ойтулааш; а в романе «Судьба шаманки», изданном в 2016 году, переплелись воедино писательское воображение автора и мифологическое наследие тувинского народа.

Обсуждение

Труды М.Б. Кенин-Лопсана с точки зрения современной гуманитарной науки отличаются от работ других авторов тем, что обычно научными сотрудниками изучается предмет исследования несколько отстраненно, а Монгуш Борахович пишет о традиционной культуре тувинцев, не просто будучи исследователем и носителем знаний о ней, но и являясь важной ее частью.

Читать его работы довольно сложно, поскольку он не расчленяет культуру на отдельные составляющие ее компоненты, а преподносит ее читателю одним пластом, целиком, как, впрочем, она и существует в реальности. Реципиент должен сам выявлять новые знания, сопоставлять с уже имеющимися своими представлениями о культурном явлении, что предполагает определенную подготовленность читателя и подлинную заинтересованность. Далеко не всем становятся доступны эти знания, в этом заключается магия его научных работ. Надо также понять его язык, это скорее научно-поэтический язык, поэтому читать его произведения и понимать довольно сложно.

Одним из самых главных достоинств его научных работ является огромное количество собранного полевого материала, причем, что очень ценно, собранного в 1950—1980-х годах, когда были живы знатоки традиционной культуры, фольклора, когда этим уникальным богатством тувинского народа мало кто глубоко интересовался.

И еще об одном чрезвычайно важном аспекте его научной собирательской работы хотелось бы сразу сказать: он работал в советский период, когда идеология коммунистической партии была довлеющей и существовал негласный запрет на изучение и тем более популяризацию традиционной культуры. Поэтому большинство его научных трудов начали издаваться с конца 80-х годов XX века, когда в стране появилась возможность писать о традиционной культуре во всей ее многогранности, а не по отдельным областям. Монгуш Борахович уже тогда был твердо убежден, что рассказы его информантов будут интересны следующим поколениям, что знания эти будут бесценны в XXI веке, и собирал он материалы в советское время, что называется, «в стол».

Думаю, в настоящее время молодым ученым трудно понять, как сложно было собирать по крупицам информацию о тех традициях, которые руководители республики признавали пережитками, считали, что о них следует забыть навсегда,

когда первый секретарь Тувинского обкома партии С.К. Тока в своих выступлениях неустанно повторял фразу: «С прошлым покончено навсегда!» [1. С. 41], исключая из научно-исследовательской сферы не только осмысление тяжелого прошлого маньчжурского ига, но и всю традиционную культуру тувинцев. Вслед за ним повсеместно, на всех уровнях провозглашалась идея о ненужности и ничемности религии, обрядов и праздников, этических правил и норм этикета, музыки и народных музыкальных инструментов и многого другого. Эти идеи не подвергались сомнению, во всяком случае, публично. Юрта, традиционная одежда и пища, длинные косы у женщин стали в советский период символами старой жизни, от них надо было отказаться навсегда.

Монгуш Борахович во всех своих книгах непременно указывает своих информантов; о них хочется сказать отдельно, поскольку он находил лучших знатоков тувинских традиций и фольклора, а благодаря тому, что автор часто записывал их высказывания дословно, у читателя создается впечатление, что происходит общение с ними через столетие. Алдын-Херел Ондар родился в 1892 г., Сат Сотпа Ойдуу оглу в 1901 г., Куулар Сенгил Давындаевич в 1903 г., Баир Алексей Ширинмеевич в 1904 г., Кок-оол Виктор Шогжапович в 1906 г., Самбуу Саая Чувурекович в 1908 г., Балган Кужугет Ленчаевич в 1913 г. Перечислены и многие другие, к которым автор проникновенно обратился в книге «Ойтулааш»: «Вы, мои дорогие информаторы, спите вечным сном, однако я слышу ваши голоса, и, я надеюсь, их будут слышать и наши потомки... Дорогие, милые и волшебные мои современники!.. Я плачу от того, что получил от вас золотой подарок души народа... Я плачу от радости, что когда-то запрещенные песни моего тувинского народа сызнова приобретают новую жизнь» [2. С. 382—383].

О традиционной культуре тувинцев больше, чем М. Кенин-Лопсан, не писал никто. Шаманизм был табуированной темой. Исследования Монгуша Бораховича по шаманизму становятся в настоящее время еще ценнее, поскольку появляется много «знатоков» и практиков тувинских обрядов, выдумывающих и популяризирующих псевдотрадиции, которых никогда не было у тувинцев, формируется своеобразная «неотрадиционная» культура.

Даже костюм и все атрибуты камлания современных шаманов: бесчисленные украшения — кольца, подвески, шкуры животных, головные уборы, тексты алгышей — вызывают вопросы и не имеют ничего общего с культурой традиционного служителя культа, в которой каждая ее часть несла большое смысловое значение и была понятна каждому тувинцу.

Шаманизм стал главной темой его научной деятельности, особенно важны для современного читателя тщательные этнографические описания обрядов шаманов, их костюмов и назначение атрибутов камлания. В настоящее время эти материалы уже невозможно собрать, потому что практически не осталось знатоков шаманских традиций и фольклора. Суть камлания М. Б. Кенин-Лопсан описал одним предложением: «...как и у других тюркоязычных народов Сибири, основной функцией тувинских шаманов было лечение, а в более широком плане — предотвращение вмешательства злых, враждебных духов в жизнь людей» [3. С. 34].

Значительное место занимает в научных исследованиях автора и обрядовая и праздничная культура тувинцев, а молодежному празднику Ойтулааш он посвя-

тил отдельную книгу. Он писал: «Я лично полагаю, что ойтулааш — самая древняя игра в духовной культуре тувинского народа. В 1929 году она оказалось совсем ненужной, а после 1933 года — была запрещена как пережиток старины. На молодежь вели охоту, наказывали самым жестоким образом, судили» [2. С. 30]. Даже в 1984 году, в канун перестройки его информант Бегзи Монгуш Сурунович с опасением говорил: «Уважаемый писатель! Игра ойтулааш ведь запрещена. Если я расскажу об этой игре, не стану ли я жертвой жестокости? Если я приму тяжелый удар, он будет направлен и на вас. Ведь дурное всегда заразительно. Но я в одном ряду с уважаемым писателем, и это меня чуть-чуть вдохновляет. Имя дороже золота, — так говорят» [2. С. 30].

Интересны сравнения автора: «...каждый шаман или шаманка для тувинцев являлись как бы артистом или актрисой. Для тувинцев — кочевников Центра Азии шаманская мистерия — это искусство. Почему? Перед началом каждой мистерии любой шаман, как это было заведено с давних времен, в песенной форме сообщает о своем происхождении. Там, где происходит шаманская мистерия, собираются люди ближних и дальних стоянок, чтобы слышать про родословную шамана-артиста или шаманки-артистки. Да. Да. Пролог к камланию — это знакомство с родом действующего шамана или шаманки» [4. С. 41]. Мы привели цитату из романа «Судьба шаманки». Это литературное произведение, но у него есть второе название: «Мифологическое наследие тувинского народа». Культурологический аспект романа как научной работы также представляет интерес. В частности, автор возвращается к теме отношения тувинцев к Луне, о которой он писал в книге «Традиционная культура тувинцев»: «...в древней Туве неграмотные старики, увидев “молодую” луну в первых числах месяца по лунному календарю, точно говорили, когда будут жаркие или дождливые дни летом, когда будут бури, снегопады зимой и каковы будут последствия такой погоды» [5. С. 64]. В романе же сказано: «Древние тувинцы всегда поклонялись Луне. И современные тувинцы, живущие на белом свете, всегда поклоняются Луне. Предки современных тувинцев нарекли Луну отцом, потому что отец-тувинец часто бывает в разъездах, редко бывает в собственной юрте. И луна тоже не каждый день появляется на небе. Луна то светит на небосклоне, то исчезает с небосклона. Да. Да. Древние тувинцы не даром нарекли Луну отцом и потому поклонялись ей» [4. С. 42].

По представлениям тувинских шаманов, «Луна оказывала, оказывает и будет оказывать таинственное влияние на здоровье человека в каждый день, в каждый сезон года. Лучи Луны, по убеждению самих тувинцев-язычников, оказывают более сильное влияние на поведение человека, чем лучи Солнца. Движение Луны для тувинцев-язычников — самое наглядное зеркало, показывающее прогноз погоды и психическое состояние человека. Словом, от излучения Луны зависят и бодрость, и слабость, и веселость человека, так говорили наши предки» [4. С. 82].

Большей сохранностью знаний о лунном календаре отличаются алтайцы. Очевидно, часть знаний утеряна тувинцами на протяжении XX века, поэтому приводим материал алтайских исследователей. «Счет дней вели по фазам луны. Выделяют два основных периода лунного месяца — новой (айдын жанызы) и старой (айдын эскизи) луны. Первый начинается днем рождения луны и продолжа-

ется до полнолуния (айдын толууны). Алтайцы различают “Белое полнолуние” (айдын ак толууны) — это первый день полной луны, “желтое полнолуние” (айдын сары толууны) — второй день, “красное полнолуние” (айдын кызыл толууны) — третий день, после которого луна начинает “стареть”, убывать. Второй, т.е. период “старой луны” (айдын эскизи), длится до того, как станет невидимым диск луны. Это происходит при наступлении “третьей старой луны”, за которой следуют невидимые вторая и первая “старая луна”, после чего луна “переворачивается”...

Дни новой луны от третьего до пятнадцатого считаются благоприятными для проведения различных благостных мероприятий (когда можно, как говорят алтайцы, “испрашивать благодать” — быян сураар) и важных начинаний. В эти дни рекомендуется отправляться в дальний путь, посещать целебные источники, обращаться к лекарям, проводить свадьбы и праздники, важной составной частью которых являются религиозные церемонии» [6. С. 453].

Ни один праздник на Алтае не начинается в полнолуние, не только свадьбы, но и официальные торжества на государственном уровне. К сожалению, в современной Туве при составлении календаря торжеств, как правительственных, так и семейных, фазы луны практически не учитываются. Известно только, что молодежный праздник Ойтулааш проводился только ночью в полнолуние, но это вполне объяснимо, поскольку у молодых людей, знакомящихся друг с другом, играющих в игры, поющих частушки, никакого освящения не было: «К Земле обращается Полнолуние. И, кажется, вся Земля освещена древним, мудрым и загадочным светом Луны, которую издревле тувинцы-язычники называли аи Адам или Луна-Отец мой. Какое красивое зрелище, когда и горы, и леса, и реки, и полянки освещены нежнейшим светом Полнолуния. Да, были времена, когда совершеннолетние мальчишки и девушки в Полнолуние играли в Ойтулааш» [4. С. 88].

Итак, месяц для тюркских народов начинался от новой луны: «восход Луны и заход Луны для тувинцев как бы является реальной величиной ... и длится она от новолуния до новолуния» [4. С. 79].

Однако и год начинался по лунному календарю весной: «тувинцы рассматривали уход старого и приход нового года в тесной связи с фазами луны. И обращались к луне с такими словами молитвы:

Старый год уходит, как старый верблюд-самец,
Новый год приходит, как верблюжонок молоденький,
Совершим обряд окуривания
Путем сжигания можжевельника
В честь Нового года и молодой Луны!
Светлая Луна, мы тебе молимся!
Светлая Луна, тебе низкий поклон!

Так тувинцы молились луне, но не освящали ее» [5. С. 64].

У тюрков Южной Сибири Новый год называется Началом года, так «у хакасов, — пишет В.Я. Бутанаев, — сложился особый цикл хозяйствования, ход которого определялся по лунному календарю. Начало этого цикла связано с насту-

плением весны, что и стало отмечаться как праздник Нового года. Название праздника “Чыл пазы” буквально означает “начало года” ...Празднование Чыл пазы начинали с прилета первых птиц, первого кукования кукушки и растягивали до первых раскатов грома... Люди обращались друг к другу со словами: “Чыл пазы чылды, чылан кибі сойылды!” (“Пришел Новый год, снялась змеиная шкура”)» [7. С. 613].

У тувинцев сохранилось также свое название Нового года: Чыл бажы, однако под влиянием монголов, с которыми они жили на протяжении семи столетий в одних государственных образованиях, тюркское название праздника встречи Нового года было заменено на Шагаа от монгольского Цагаан-Сар (Белый месяц).

Заключение

Таким образом, исторические работы М.Б. Кенин-Лопсана раскрывают мировоззрение и базовые черты общетюркской культуры народов Южной Сибири домонгольского периода Тувы, когда шаманизм был единственной религией населения Саяно-Алтая.

Научные труды М.Б. Кенин-Лопсана содержат огромное количество уникальной информации о традиционной культуре тувинцев, транслируют неповторимый колорит высказываний информантов, родившихся в конце XIX — начале XX века, и поэтику самого автора. Книги Монгуша Бораховича хранят много тайн и загадок, которые еще предстоит понять будущим поколениям.

Список литературы

1. Тока С.К. Навеки вместе // Слава Октябрю!: Сб. статей / отв. ред А.К. Канзай. Кызыл : Тувинское книжное издательство, 1987.
2. Кенин-Лопсан М.Б. Ойтүлааш. Классические образцы любовной лирики тувинского народа. Кызыл // Новости Тувы: Сб. трудов. 2004.
3. Кенин-Лопсан М.Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Новосибирск : Наука, 1987.
4. Кенин-Лопсан М.Б. Судьба шаманки. Мифологическое наследие тувинского народа. Абакан : Журналист, 2016.
5. Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство, 2006.
6. Тюхтенева С.П., Халемба А., Шерстова Л.И., Добжанская О.Е. Алтайцы. Духовная культура // Тюркские народы Сибири: монография. М. : Наука, 2006.
7. Бутанаев В.Я., Харитонов В.И. Хакасы. Духовная культура // Тюркские народы Сибири: монография. М. : Наука, 2006.

References

1. Toka, S.K. 1987. “Naveki vmeste” in Slava Oktyabryu! Ed. by A.K. Kanzaj. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. Print. (In Russ.)
2. Kenin-Lopsan, M.B. 2004. Ojtulaash. Klassicheskie obrazcy lyubovnoj liriki tuvinskogo naroda. Kyzyl: Novosti Tuvy. Print. (In Russ.)
3. Kenin-Lopsan, M.B. 1987. Obryadovaya praktika i fol'klor tuvinskogo shamanstva. Novosibirsk: Nauka. Print. (In Russ.)

4. Kenin-Lopsan, M.B. 2016. Sud'ba shamanki. Mifologicheskoe nasledie tuvinskogo naroda. Abakan: Zhurnalist. Print. (In Russ.)
5. Kenin-Lopsan, M.B. 2006. Tradicionnaya kul'tura tuvincev. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. Print. (In Russ.)
6. Tyuhteneva, S.P., A. Halemba, Sherstova L.I., and O.E. Dobzhanskaya. 2006. "Altajcy. Duhovnaya kul'tura" in Tyurkskie narody Sibiri. Ed. By D.A. Funk, N.A. Tomilov. Moscow: Nauka. Print. (In Russ.)
7. Butanaev, V.Ya., and V.I. Haritonova. 2006. "Nakasy. Duhovnaya kul'tura" in Tyurkskie narody Sibiri. Ed. By D.A. Funk, N.A. Tomilov. Moscow: Nauka. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Кужугет Айлана Калиновна — доктор культурологии, кандидат искусствоведения, главный научный сотрудник Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. E-mail: akumin@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-6092-661X DOI: 10.25178/nit.2020.3.7

Bio Notes:

Ailana K. Kuzhuget is a Doctor of Cultural Studies, Chief Research Fellow, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. E-mail: akumin@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-6092-661X DOI: 10.25178/nit.2020.3.7

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-462-474

Научная статья

Новаторство писателя-билингва Эдуарда Мижита (тувинская поэзия)

У.А. Донгак

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва
Республика Тыва, 667000, Кызыл, ул. Кочетова, д. 4

В статье рассматривается феномен билингвизма и новаторство поэта-билингва Эдуарда Мижита. Исследование проводится на основе произведений Э. Мижита (род. в 1961 г.), созданных им на родном тувинском и русском языках, а также самоперевода на русский язык. Становление Э. Мижита как поэта проходило в перестроечное время, творческая зрелость пришлось на постперестроечную и новую эпохи тувинской литературы. Его сочинения стали явлением в современной литературе Тувы: публикации в Антологии русского верлибра (1991), сборники верлибров на тувинском и русском языках («Бузундулар» («Осколки»), 1992; «Расколотый миг», 2011), сборник стихов в прозе «Казыргылыг кудуктуң кыйгызы» («Зов взвиренного колодца», 2002), многочисленные публикации его русскоязычных текстов в разных журналах и на литературных сайтах, творческое осмысление вечных образов и сюжетов мировой художественной культуры в контексте тувинской эстетики позволяют говорить о новаторской линии творчества писателя-билингва Э. Мижита.

Ключевые слова: тувинская литература, писатели-билингвы, поэзия, верлибр, стихи в прозе, диалог культур

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27.02.2020

Дата принятия к печати: 29.05.2020

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Донгак У.А. Новаторство писателя-билингва Эдуарда Мижита (тувинская поэзия) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 4. С. 462–474. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-462-474

© Донгак У.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

New Poetic Methods in the Literary Imagination of the Bilingual Writer Eduard Mizhit (Tuvan Poetry)

U.A. Dongak

Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva
4, Kochetova Str., Kyzyl, 667000, Republic of Tuva

In this paper we are trying to comprehend the phenomenon of bilingualism translingual methods of the bilingual poet Eduard Mizhit in modern Tuvan poetry. The research is carried out on the basis of the works of the national writer of Tuva E.B. Mizhit (born in 1961), created by him in his native Tuvan and Russian languages, as well as his self-translation into Russian. E.B. Mizhit has started writing since the “rebuilding” Soviet period, his creative imagination is connected with the new era of Tuvan literature. His works have become a phenomenon in modern literature of Tuva: publications in the Anthology of Russian vers libre (1991), Collections of vers libre in Tuvan and Russian (Buzundular (Oskolki, 1992; Split Moment, 2011), Collection of verses in prose “Kazyrgylig kuduktuң kygyzy” (Call of a Whirling Well, 2002), publications of his Russian-language texts in various magazines and on literary sites, creative comprehension of eternal images and plots of world artistic culture in the context of Tuvan aesthetics allow us to speak about the innovative line of creativity of the bilingual writer E.B. Mizhit.

Key words: Tuvan literature, bilingual writers, poetry, vers libre, prose poetry, dialogue of cultures

Article history:

Received: 27.02.2020

Accepted: 29.05.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Dongak, U.A. 2020. “New Poetic Methods in the Literary Imagination of the Bilingual Writer Eduard Mizhit (Tuvan Poetry)”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (4), 462—474. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-462-474

Введение

Наряду с такими феноменами тувинской культуры, как шаманизм, горловое пение хоомей, агальмотолитовые скульптуры малой формы, тувинская литература в контексте мировой художественной литературы представляет собой сложное синкретичное искусство, посредством которого происходит интенсивное развитие тувинского литературного языка.

Тувинская литература, как и все национальные литературы, входившие в многонациональную советскую литературу, с 1980—1990-х годов вплоть до начала 2000-х развивалась в условиях перестроечных изменений [1. С. 6]. В период

пересмотра многих идеологических позиций, в дни непростых, значимых для будущего общественно-политических, культурно-исторических перемен тувинская советская литература также оказалась на перепутье. Отказ от идеологического диктата советской цензуры, безоговорочное отрицание тувинской советской классики, тематическое обновление, введение новых художественно-образительных средств, новые имена, массовая литература — все метаморфозы обновления пережила в те дни тувинская художественная литература. В конце 1980-х годов в нее вошли новые имена, молодые авторы: Роман Лудуп, Эдуард Мижит, Артур Хертек, Борис Куулар, Сайлыкмаа Комбу, Урана Куулар. Ранее заявили о себе талантливые поэты нового поколения, свободные от идеологического диктата: Игорь Иргит, Антон Уержаа, Николай Куулар. В их творчестве рождалась новая эстетика, уже не принадлежащая полностью к соцреалистическому искусству. Среди новых авторов перестрочного времени смело и решительно выступил Эдуард Мижит. В его первых двух поэтических сборниках «Кезерниц балдызы» («Палица Гэсэра» (вошедший в поэтический сборник «Ростки», 1989) и «Бузундулар» («Осколки», 1992) перед читателями предстал поэт, отличающийся широким диапазоном поэтической лексики, набором традиционных и ранее не отмечаемых исследователями тувинской литературы поэтических средств и, что самое главное, необычной для тувинского читателя усложненностью поэтического дискурса.

Произведения Э. Мижита громко заявили о возможности освобождения тувинского художественного слова от тоталитарного, ограничивающего диктата вульгарного социологизма; о поэзии «чистого искусства», отличной от тенденциозности и привязанности к социально-историческим задачам общества; о введении новых форм художественного самовыражения, об отказе от эстетики соцреалистического искусства и открытии новых возможностей художественной парадигмы. К этим программным заявлениям, выраженным в творчестве молодого поэта, добавляется новое для того периода явление в тувинской литературе — художественное двуязычие, возможность самовыражения на двух языках — родном тувинском и русском. Владение обоими языками на высоком уровне позволяет писателю обращаться напрямую, без авторского перевода к таким формам поэтической саморефлексии, как философская лирика, где важнейшей составляющей является «настойчивое требование поэзии мысли» [2]. (На русском языке, в частности, пишут и другие авторы: С. Пюрбю, А. Даржай, М. Кенин-Лопсан, А. Ламажаа.)

В данной статье мы анализируем произведения Э. Мижита раннего периода его творчества, поднимая вопрос о новаторстве автора, сумевшего разработать собственный художественный метод.

Теоретической основой для исследования являются работы А.С. Арутюнова «Билингвизм и бикультурализм», Ш.А. Мазанаева «Двуязычное художественное творчество», статьи К.К. Султанова, С.Ж. Балданова, У.М. Бахтикиревой и др. Анализ произведений Э. Мижита (М.А. Хадаханэ, Л.С. Дампилова, А.Л. Кошелева, А.М. Соян, Л.С. Мижит и Ш.А. Монгуш) обнаруживает в творчестве этого писателя новаторский подход к выбору тематики, стиля, формы. «Пыталась по-

нять ускользящий от меня смысл, сравнивать со всем, что читала прежде...» — так пишет о своем первом впечатлении известный тувинский литературовед М.А. Хадаханэ. Опираясь на его рукопись еще не изданной книги, она так излагает в статье 1994 г. программное заявление Э.Б. Мижита: «...автор говорит о кризисе литературы, угасании лирики, сумерках культуры. Констатирует, что полностью отработаны все приемы, жанры, темы; колодец исчерпан — все написано, нам идеально подходит состояние человека в момент смерти, когда перед взором проносится вся жизнь — свободная игра метафор, попытка сжать время в один миг. Каждое слово у Э. Мижита — букет ассоциаций, он хочет сказать миру свое неведомое миру слово, он готовит нам маленькое чудо — переход в иное высокое качество. Стихи его летучи, легкокрылы, но в них много второго-третьего смысла — бесконечный увлекательный кроссворд» [3. С. 4].

Л.С. Дампилова, обращаясь в сравнительном плане к теме писателей-билингвов в тувинской и бурятской литературах и обнаруживая здесь определенные структурно-смысловые особенности поэзии Э. Мижита и А. Улзытуева, пишет, что Э. Мижит создает свои произведения на русском и родном тувинском. А. Улзытуев, прекрасно владея родным бурятским, пишет в настоящее время только на русском. Л.С. Дампилова рассуждает о «поисках единства с русской литературой», о «сложном пути этнического самосознания» [4. С. 201] и о том, что у Э. Мижита «иначе кодируется весь мир носителя “азиатского” сознания и естественной становится утеря национальных художественных образов», что он, «возможно, изыскивая новые формы стихосложения, близкие к национальным структурам», обратился к верлибру [4. С. 198]. Л.С. Дампилова резюмирует, что в творчестве двух поэтов-билингвов происходит генерация «новых оригинальных художественных образов» [2. С. 201].

Л.С. Мижит, исследуя творчество Э. Мижита, подчеркивает, что поэт «предлагает видеть в каждом, даже самых маленьких — вещи, явлении, событии что-то большее, значительное. Каждое явление одновременно является и уникальным в своем роде, и частью единого целого на основе всеобщей взаимосвязанности всего мира» [5. С. 30].

Продолжая линию исследований наших коллег, мы намерены рассмотреть, в чем же проявилось новаторство поэта Э. Мижита.

Методологию изучаемого вопроса составляют положения исследователей, посвятивших свои работы феномену билингвизма в национальных литературах России. С.А. Арутюнов, изучая равноценное владение двумя языковыми системами как в лингвистическом, так и в культурном плане, вводит в исследовательский дискурс понятие «аккультурация» — явление, отличное от ассимиляции и свидетельствующее об усвоении новой культуры и языка без сколько-нибудь существенного ущерба для родной [6. С. 8]. Для исследования творчества писателя-билингва Э. Мижита, на наш взгляд, не менее важен взгляд Ш.А. Мазанаева на данную проблему в контексте советской многонациональной литературы: широкое развитие национально-русского двуязычного литературного творчества — явление вполне закономерное в системе национальных литератур, возникшее как результат тесного взаимодействия литератур разных народов, «исторически

имеющих общую судьбу» [2. С. 43]. Необходимо подчеркнуть, что именно двуязычное художественное творчество способствует сохранению единого литературного и культурного пространства, о чем пишет С.Ж. Балданов [7. С. 4]. И если, как пишет Мазанаев, двуязычное творчество на территории бывшего СССР получило широкое распространение в 1960—1980-е годы, то в творчестве Э. Мижита, судя по его публикациям, художественный билингвизм активизируется с начала 1990-х.

Принципально важны для исследования творчества тувинских писателей-билингвов выводы К.К. Султанова о русскоязычной национальной литературе России как факторе национально-литературного самоопределения, как возможности «жизненно важного расширения читательской аудитории», открытости, мобильности национальных литератур и, что не менее важно, «выхода за пределы национального канона ради новой креативности» [8. С. 155—157]. Об образовании нового культурно-языкового пространства, изменении мировоззрения писателя-билингва, о глобальном характере культурных концептов, заложенных в произведениях двуязычных авторов, пишет У.М. Бахтикиреева [9. С. 11]. Писатель-билингв является выразителем двух языковых картин мира, процесс создания художественного произведения является результатом колоссальной работы творческого билингвального сознания, творчество писателя-билингва способствует самосохранению культуры и, более того, ее ревитализации [10. С. 62].

Обсуждение

Первый сборник молодых авторов, куда вошел цикл стихов Э. Мижита «Өзүмнер» («Ростки»), включает стихотворение «Кезерниң балдызы» («Палица Гэсэра»). Молодой автор пишет здесь о том, каким представляли наши предки мироздание:

Говорят, что высоко в небе сидит Хайыракан, создавший Вселенную, и его сущность — Гэсэр, Чингис, Амырсанаа — одно имя, одно божество, одна мысль — это он сам.

(...бедик дээрде Каптагайны бодараткан Оран Делегей Хайыракан орар джир. А оон боду — Кезер, Чингис, Амырсанаа(да) — ады чаңгыс, чаңгыс бурган, чаңгыс бодал болу берген — ол-дур джир...) [11. С. 88].

Так поэт с позиции современного человека объясняет древние представления тувинцев о мире. Эта мысль поэта очень близка христианскому пониманию «разных проявлений ипостаси Создателя»: так соединились в тувинском художественном слове европейский взгляд на мир (христианские воззрения) и азиатское мировосприятие (шаманские воззрения). В произведениях этого периода читатели слышали программные заявления Э. Мижита о стремлении на родном тувинском языке выражать сложнейшие философские понятия о жизни, познании мира, духовном и насущном, вооружившись теорией литературного творчества, культурными достижениями мировой художественной культуры.

В стихотворении «Бирги чалгыг» и его варианте на русском языке «Первая волна» [12. С. 372—374] перед читателем разворачивается состояние, ранее никогда не описываемое в тувинской литературе: «... “бар-дыр мен” деп билгеним ол...»

(*досл.* я осознал, что я существую). В авторском русскоязычном поэтическом тексте: «я понял вдруг, что существую...». В этом произведении лирический герой, точнее, лирическое Я открывает для себя и в себе другой, новый, скрытый от других мир. Он открылся полуторагодовалому малышу в расщелине треснувшего на части мира. В этой тайне, отраженной в первой мысли, в бабочках и воробье, в мире, существовавшим в герое и отдельно от него одновременно, временами даже перетекавшем плавно одно в другое, читатель может найти размышления лирического Я о сущности вещей, бытия и его познаваемости. В тувинском тексте сразу выделяются особой смысловой нагруженностью слова и выражения: *медерелим* (мое сознание), *бар-дыр мен* (я существую), *бирги бодал суунга дүжүп өлүр частым* (*досл.* я чуть не утонул в водах первой мысли), *өртөмчөй-даа аңгы-дыр деп* (авторский русскоязычный текст: вселенная вовне), *Чамбы-дипти тиглиг чарык өттүр эртти* (*досл.* расщелина расколола вселенную на части; авторский текст: треснул мир), *делегейге тудуш хиним* (*досл.* соединен пуповиной с миром, ср. тувинский традиционный текст: *черим-биле хиним тудуш, чонум-биле хиним тудуш*; *досл.*: соединен пуповиной с землей родной, с народом... и т.д.), *ала-чай-гаар бот-бодувусче агып кирип чордувус чоп...* (авторский текст: друг в друга плавно мы перетекали), *сагыжымның чаа тепкен тепкези дээш* (авторский текст: За ту ступень, куда душа взошла), *кээргел чок тиг ынай чүрээм кежир эрти* (*досл.*: беспощадная трещина прошла по моему крохотному сердцу; авторский текст: та трещина прошла по крохотному сердцу, как расплата, «*Өртөмчөй-даа, күжүр бот-даа ылгалдыг деп*» (авторский текст: Что мир и я не так уж вовсе слитны) и т.д. [12].

Здесь читатель открывает для себя мир философской кантовской теории познания, понимания своего Я, самосознания, реальности, сомневающегося и мыслящего Я, восприятия внешнего мира и т.д. Безусловно, такая поэзия отлична от философской лирики о смысле жизни и смерти, о вечном и насущном и др. Философия, облеченная в поэтическое слово, — такова новая поэзия Э. Мижита. Новое слово требовало новых форм художественного самовыражения. И здесь главным «персонажем» оказывается верлибр.

Э. Мижит внедряет в силлабическую систему тувинского стихосложения верлибр. Его форма — это поэзия свободного композиционного построения, не ограниченная определенным размером, формой строфы, начального и конечного созвучия стихотворных строк. Верлибр Мижита в его поиске нового обращен все же к традиции, истокам. Так, стихи шаманских песнопений, названные М.Б. Кенин-Лопсаном «шаманской поэзией», отличаются стремлением к равносложности; более 70% анализируемых строк показали наличие равносложного (изо-силлабического) и стремящегося к равносложности стиха, и основой этой традиционной канонизированной равносложности являются двусложные слова. В верлибре Э. Мижита мы отмечаем эту приверженность к двусложным словам. Кроме того, базисным (потому что скрепляет, цементирует стих) средством организации тувинского традиционного стиха является начальная рифма (аллитерация). Обозначаемая исследователями как анафора (начальное созвучие), эта форма звуковой организации тувинского стиха все же проявляется (с разной степенью интенсивности) в верлибре Э. Мижита. Повторы способствуют появлению

начального созвучия. Шаманский стих отличается разнообразием строфических форм. Но если в одном шаманском алгыше, как правило, отмечается единообразиие строф (только восьмистишные или только шестистишные, двустистишные), то тувинский верлибр Э. Мижита показывает нам примеры разных строф в одном произведении, что чаще всего присуще стиху тувинских благопожеланий — *йорээл*.

Верлибр Э. Мижита, как это было изначально задано формой стиха, не есть отсутствие любого вида организации, порядка, формы. Его верлибр — при отказе от традиционных форм организации стиха — все же содержит разные формы построения стиха, но в свободном его варьировании, как более точное выражение авторской мысли, не скованной формой или заданным художественным образом. В следующем верлибре в разных по объему строфах (восьмистишие, шестистишие, семистишие) количество слогов в стихотворных строках также свободно изменяется, но нерв стиха держится за счет то появляющегося, то исчезающего (как в благопожелании — *йорээл* или героическом сказании *маадырлыг тоолдар*) начального созвучия. Стих получает определенную долю свободы за счет использования слов разного слогового состава, хотя двусложные слова все же превалируют:

Кандыг үениң,
кандыг амыдыралдың,
кандыг..
(чүглө уйгу-дүшке
хензиг кады кире хонар)
сеткил-сагыштың
бузундузу
кижи боор мен?

Какого времени,
какой жизни,
какой..
(лишь на мгновенье
появившись во сне)
души
осколком
являюсь я?

Араңарга
чурттаксааштың,
пат-ла болдум..
аажыңарга
тааржып чадааш,
пат-ла болдум..

Среди всех вас
так хотел я жить,
напрасно..
вашим нравам
не смог я привыкнуть
напрасно..

Өңнүг шил дег,
өске өңнүг бодалдарлыг,
өске үннүг чугааларлыг,
өске..
(өөдежок чааскаанзыргай
багым ыйнаан)
кижи болганым ол бе?
[13. С. 13—14]

Словно цветное стекло,
С мыслями совсем другого цвета,
с разговорами совсем другого толка (голоса)
неужели другим..
(одинокество полюбившим, никчемным,
и в этом моя беда)
человеком я оказался?
(Подстрочный перевод наш. — У.Д.)

Общепринятые формы стихотворного повествования — это, безусловно, восьмисложник и двенадцатисложник, сменяющиеся четырехсложными стихотворными строками. В следующем произведении поэта Ч. Доржу — стихотворном

эпическом повествовании древнего мифа — поэт повествует словно сказитель, добавляя личностную позицию, свой личный взгляд:

Чеди-Хаан

Эрте шагда чурттап чораан,
Эви багай алышкылар дугайында,
Авам шаанда, бичиивисте, тоол ыткан.
Амдыгаа дээр ону бо-ла сактып кээр мен:
Шыяан ам!...
[14. С. 27]

Семь-Ханов (Большая Медведица)

В давние времена жили братья, что ссо-
рились вечно,
О них моя мама своим малышам
сказку поведала.
До сих пор ее часто я вспоминаю:
Шыяан ам!...
(Подстрочный перевод наш. — У.Д.)

В этой традиционной манере повествования восьмисложным и двенадцатисложным стихом было написано немало прекрасных произведений. Но вот поэты начали искать возможности поэтического слова, которые не сковывали бы поэтическую мысль восьми- и двенадцатисложным каноническим размером. И таким освобождающим от оков канона средством стал верлибр, введивший шести-, семи-, девяти-, десяти-, одиннадцатисложные размеры стихотворных строк, как это было продемонстрировано в сборнике Э. Мижита «Бузундулар». Когда этот поэтический сборник вышел из печати, многие читатели, сначала восприняв стих («Удивительно, прекрасно, по-новому!»), потом засомневались: «Как же долго продержится это новшество в тувинской поэзии, станет ли художественным выразителем тувинского слова, выразителем глубоких размышлений и способствует ли поэтическому самовыражению на тувинском языке?» Сегодня мы можем констатировать, что тувинский верлибр закрепился в тувинской поэзии, свидетельством чему служит появление верлибров новых авторов. На наш взгляд, тувинский верлибр, введенный в 1990-е поэтом Э. Мижитом в поэтическом сборнике «Бузундулар» («Осколки»), обращен в своем противопоставлении и отказе от канонизированного стиха, в выборе средств стихотворной организации к традиционным формам стиха.

Новаторство поэта Э. Мижита проявилось прежде всего в том, что он стал первым поэтом, заговорившем на русском языке — языке, открывающем тувинское поэтическое слово для других народов. В тувинской литературе 1970-е были отмечены опытом использования русского языка как языка поэтического творчества (Сергей Пюрбю, Игорь Иргит). Но такой феномен двуязычного творчества, когда писатель при создании произведения каждый раз выбирает язык художественного самовыражения и уровень владения обоими языками (родным тувинским и русским) очень высок, в тувинской литературе связан с именем Эдуарда Мижита. Художественный билингвизм как двуязычное литературное творчество широко распространен в мировой литературе, более того, исследователи обнаруживают в художественном билингвизме возможность возрождения, сохранения и развития (ревитализация) культуры (и языка). В тувинской литературе такой потенциал заложен в творчестве писателя-билингва Эдуарда Мижита, русскоязычного автора Саяны Ондур, опытах Романа Лудупа и авторском переводе М. Кенин-Лопсана, А. Ламажаа (хотя С. Ондур и Р. Лудуп в настоящий момент все реже публику-

ются на русском языке). Одним из ярких представителей полилингвизма в тувинской литературе является писатель, рожденный в предгорьях великого Алтайского нагорья (Северо-Западная Монголия, сумон Цэнгэл), получивший образование в Германии, Чинаг Галсан (Иргит Шынакбай оглу Калзан), чьи произведения в немецкоязычном, монголоязычном и тувиноязычном оригинале сегодня печатаются на многих языках мира [15; 16]. О двуязычии в литературном творчестве Ч. Айтматов пишет: «Это чрезвычайно интересная внутренняя работа писателя, ведущая, по моему убеждению, к совершенствованию стиля, к обогащению образности языка» [цит. по: 17]. Э. Мижит, будучи студентом Литературного института им. М. Горького, стал одним из авторов Антологии русского верлибра (1991). Этой публикацией на русском языке в тувинской литературе был отмечен двуязычный автор, свободно говорящий и пишущий на обоих языках [18].

В тувинской литературе появился свой «посол мира» — без перевода, напрямую, через посредство русского языка представляющий свой народ и его культуру, и этот факт также является свидетельством культурных достижений тувинского этноса: тувинский литературный язык, созданные на нем художественные произведения, переводы мировой художественной литературы на родной тувинский язык, переводы тувинской литературы на русский и другие языки мира. Например, чтобы начать перевод какого-либо произведения, мы отбираем лучшее, наиболее точно и полно выразившее то или иное явление в жизни. Таковы переводы классических произведений тувинской литературы, например «Ангыр-оолдун тоожузу» С.А. Сарыг-оола («Повесть о светлом мальчике» в переводе М. Ганиной). Вот как заговорила на русском языке героиня эпического сказания «Кан-Кыс» Владимира Серен-оола в устах А.В. Преловского:

... Это не понравилось Кан-Кыс:
самого настырного быка
ухватила за рога она,
выволокла вон из шалаша,
как теленка малого, и там,
шею мощную быку согнув,
как рога держала, так рывком
в землю их по корень вогнала...

[19].

Традиционный образ тувинской поэзии — улетающие журавли, навевающие печаль, тоску по родне, по любимой; это символ расставания. В стихотворении Э. Мижита, вошедшем в Антологию русского верлибра, налицо углубление этого образа, в краткости, почти аскетичности образа мы вдруг обнаруживаем соприращенность мысли и сердца:

Мысль

Какая-то мысль
стрелю пронзила мой мозг.
И я потянулся к бумаге,
и рука дрожала при этом,
словно была оперением
этой стрелы.

Видно,
наша странная
необъяснимая
грусть
сгущает воздух
и служит хорошей опорой
для крыльев
улетающих журавлей. [Цит. по: 1]

Стих верлибра построен на повторах, в 1-й строфе лексико-интонационные повторы: стрела — стрелы, и я — и рука; во 2-й строфе звуковые: нАша — стрАнная — необъяснИмая, ГруСТЬ — слУжит — сГУщает — воздУх — Улетающих. Здесь, в русскоязычном верлибре Э. Мижита, мы видим использование совершенно других художественных средств построения стиха, отличного от тувинского верлибра Э. Мижита.

Монгуш Ш., анализируя творчество Э. Мижита, обнаруживает некую парадигму, через которую мы видим этот мир, — «двуслойность», «внутренний скрытый смысл» — «чажыт агым» (*досл.* скрытое течение), требующую более пристального взгляда читателя, концентрации мысли, сотворчества [20. С. 4]. Об этом пишет и Л. Мижит и М.А. Хадаханэ. Как известно, при такого рода отношениях между автором и читателем наблюдается относительная равноправность между коммуникантами; читатель, интерпретируя художественное произведение, созидает его, является его *сотворцом*. Это особое качество произведений Э. Мижита — явное новшество в тувинской литературе, во многих своих эстетических принципах остающейся в традиционном русле канонизированных форм и образов. Новаторство писателя Э. Мижита, стремящегося — особенно на начальном этапе своего творческого пути — заключается в отказе от канонизированных форм, созидании новых форм творческого выражения. В данном случае писатель, требовательный к себе, настолько же требователен к читателю: он ожидает отклика, понимания подготовленного адресата. Так художник воздействует не только на чувства и ум читателя, но и его внимательность, любознательность, сопричастность высказанному писателем. Более тридцати лет Э. Мижит творит на ниве тувинской литературы; его писательская деятельность высоко оценена в Тыве и России: он награжден почетным званием Народного писателя Республики Тыва, интерес литературоведов к анализу его проведений все более усиливается.

Философская лирика Э. Мижита вводит в тувинскую литературу, ее культурное и интеллектуальное пространство сложные философские понятия: Вечность — *Мөңге өй, мөңге үе*; Время — *Үе*; Истина — *Алыс Шын, Дээди Шын, Өндүр Шын*; Пробуждение — *Оттуушкун*; Мечта и Жизнь — *Күзел биле Амыдырал*; Я — *Мен*; Вселенная, космос — *Октаргай*; Свет и Тьма — *Чырык биле Дүмбей*; Человек — *Кижиги*; Вечная Тьма — *Мөңге Дүмбей*; Вечное Небо, вечный сон, вечная ночь — *Мөңге Дээр, мөңге дыш, мөңге дүн*; Синее Небо, Священное Небо — *Көк Дээр, Ыдык Дээр, Кудай, Курбусту*; Земля, Огонь, Солнце — *Чер, От, Хун*; Божество, Милостивый Создатель, Божество Тенгри, Небо-Отец — *Бурган, Хайыралыг Чаяакчывыс,*

Деңгер Бурган, Дээр-Ада; Бездна-Клевета и высокая Правда (истина) — Тамы-нугул биле бедик Шын; Справедливость, Сострадание, Любовь, Истина — Чөптүг чүүл, Энерел, Ынакшыл, Алыс Шын (Шын), Ынакшыл, Шын; Красота, Добродетель — Чараш, Буян; Неизвестное — Билдинмес и т.д., в стихотворении «Даштар» («Камни»):

Амыдырал,
Өлүм,
Мөңгө Үе
болгаш-даа хөй
чажыт долган,
тозан тос каыт
хана-биле камгаланган
Алыс Шын бар.
[21. С. 7]

Жизнь,
Смерть,
Вечность
и многое другое
исполнено тайны,
и существует охраняемая
стенами в 99 слоев
Истина.
(Подстрочный перевод наш. — У.Д.)

Философская лирика, призванная активизировать в сознании человека вопросы бытия, истоков его существования, смысла жизни, истинности и ложности Жизни и Человека — особенно активна в сложную переходную эпоху. В начале 1980-х годов новое поколение поэтов интенсивно работало в этом направлении: так появились, например, философская лирика Николая Куулараа, антиутопическая поэма Антона Уержаа, поэзия Алексея Бегзин-оола о поиске духовных основ и др. Эдуард Мижит продолжает эту творческую линию. В его основе его художественного метода — новаторские для тувинской поэзии формы стиха — верлибр, стихи в прозе: философская мысль в поэтическом изложении, поэмы-размышления, историко-философская поэма «Субедей», новая интерпретация лирического Я и т.д.

Заключение

В произведениях тувинского писателя-билингва Э.Мижита сам факт двуязычного литературного творчества является новаторством — это переход в иное качество, порождение нового художественного текста, усложненного философской парадигмой мировой художественной культуры. Углубление традиционных образов, философская мысль в поэзии, ориентация на верлибр располагают к поискам новых поэтических форм, отличных или менее привязанных к традиционным темам и интерпретациям, канонизированному стиху тувинских поэтов. Билингвальное творчество Э. Мижита способствует активации скрытых возможностей, потенциала родного слова.

Список литературы

1. Кременцов Л.П., Алексеева Л.Ф., Колядич Т.М. и др. Русская литература XX века: в 2 томах. Т. 1. 1920—30-е годы : учеб. пособие. М., 2005.
2. Мазанав Ш.А. Двуязычное художественное творчество : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1997.
3. Хадаханэ М.А. Странный поэт Мижит // Тув. правда. 1994. 6 янв. С. 4.

4. Дампилова Л.С. Феномен билингвизма в современной поэзии народов Сибири // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 196—202.
5. Мижит Л.С. Эдуард Баирович Мижит // Летопись Тувы — 2011 г.: Историко-краеведческий альманах. Кызыл, 2010. С. 29—30.
6. Арутюнов А.С. Билингвизм и бикультурализм // Советская этнография. 1978. № 2. С. 3—14.
7. Балданов С.Ж. Формула единства сибирских национальных литератур и формы межлитературных коммуникаций // Сибирь — единое фольклорно-литературное полиэтническое пространство. Ч. I. Вып. I. Улан-Удэ : Буряад унэн, 2005. 180 с.
8. Султанов К.К. Русскоязычная литература как культурный феномен и объект исследования // Stephanos. 2016. № 3 (17). С. 154—162.
9. Бахтикиреева У.М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2005.
10. Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Транслингвизм и ревитализация культуры // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. Т. 8. № 1. С. 57—63.
11. Мижит Э. Кезерниц балдызы // Бузундулар. Кызыл, 1992.
12. Мижит Э. Бирги Чалгыг — Первая волна // Тыва шүлүк чогаалының антологиясы — Антология тувинской поэзии. Кызыл : Правник+, 2014. (на тув. и рус. яз.)
13. Мижит Э. Өске // Мижит Э. Бузундулар. Кызыл, 1992.
14. Доржу Ч. Чеди-Хаан // Доржу Ч. Ай чаазында йөрээл: шүлүктер. Кызыл, 1990.
15. Мөңгүн дагна: Сенгел тываларының аас чогаалы болгаш чечен чогаалы / сост., вступит. статья и научная паспортизация Донгак У.А. Улаанбаатар-Кызыл, 2013.
16. Подношение в серебряной чаше: сб. фольклора и литературы тувинцев Цэнгэла (Монголия) / сост. У.А. Донгак. Новосибирск : Наука: НГОПО Союза писателей России, 2018.
17. Юмаева Л.А. Отражение двуязычия в художественной прозе Ч.Т. Айтматова. URL: http://www.rusnauka.com/7_NITSB_2012/Philologia/6_103672.doc.htm (дата обращения: 15 октября 2020).
18. Антология русского верлибра, 1991 г. anthology.karendjangerov.com (дата обращения: 2011).
19. Серен-оол В. Каң-Кыс: Маадырлыг тоожу-тоол — Кан-Кыс: героическое сказание / пер. А. Преловского. Кызыл, 1991. (на тув. и рус. яз.)
20. Монгуш Ш.А. «Чажыт агымның» чажыды: Э. Мижиттин шүлүк чогаалының дугайында // Тыв. аныяктары. 2003. Сент. 25. А. 4.
21. Мижит Э. Даштар // Мижит Э. Бузундулар: шүлүктер. Кызыл, 1992.

References

1. Russkaya literatura XX veka v 2-h tomah. 2005. T.1. 1920-30-ye gody. Ucheb. pos. (Eds: L.P. Kremencov, L.F. Alekseeva, T.M. Kolyadich i dr.). Moscow. Print. (In Russ.)
2. Mazanaev, Sh.A. 1997. “Dvuyazychnoe hudozhestvennoe tvorchestvo”. Candidate Dis.in Philolog. Moscow. Print. (In Russ.).
3. Hadahane, M.A. 1994. “Strannyj poet Mizhit”. Tuv. Pravda, Jun. 6. P. 4. Print. (In Russ.)
4. Dampilova, L.S. 2015. “Fenomen bilingvizma v sovremennoj poezii narodov Sibiri”. Sibirskij filologicheskij zhurnal 3: 196—202. Print. (In Russ.)
5. Mizhit, L.S. 2010. “Eduard Bairovich Mizhit” in Letopis’ Tuvy — 2011 g.: Istoriko-kraevedcheskij al’manah. Kyzyl. Pp. 29—30. Print. (In Russ.)
6. Arutyunov, A.S. 1978. “Bilingvizm i bikul’turalizm”. Sovetskaya etnografiya 2: 3—14.
7. Baldanov, S.Zh. 2005. “Formula edinstva sibirskih nacional’nyh literatur i formy mezhliteraturnyh kommunikacij” in Sibir’ — edinoe fol’klorno-literaturnoe polietnicheskoe prostranstvo. Ch. I. Vyp. I. Ulan-Ude: GUP ID «Buryaad unen». Print. (In Russ.)
8. Sultanov, K.K. 2016. “Russkojazychnaya literatura kak kul’turnyj fenomen i ob»ekt issledovaniya”. Stephanos 3 (17): 154—162. Print. (In Russ.)
9. Bakhtikireeva, U.M. 2005. “Hudozhestvennyj bilingvizm i osobennosti russkogo hudozhestvennogo teksta pisatelya-bilingva”. Dr. Dis. (Thesis) in Philology. Moscow. Print. (In Russ.)

10. Bakhtikireeva, U.M., and O.A. Valikova. 2016. "Translingvizm i revitalizaciya kul'tury". Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika 8 (1): 57—63. Print. (In Russ.)
11. Mizhit, E. 1992. "Kezerniң baldyzy" in Buzundular. Kyzyl. Print. (In Tyv.)
12. Mizhit, E. 2014. "Birgi Chalgyg — Pervaya volna" in Tyva shylyk chogaalynun antologiyazy — Antologiya tuvinskoj poezii. Kyzyl: Pravnik+. Print. (In Tyv; in Russ.)
13. Mizhit, E. 1992. "Øske" in Buzundular. Kyzyl. Pp. 14—15. Print. (In Tyv.)
14. Dorzhu, Ch. 1990. "Chedi-Haan" in Aj chaazynda joreel: shylykter. Kyzyl. Pp. 27—28. Print. (In Tyv.)
15. Мөңгүн дагша: Сеңгел тываларунун аас чогаалы болгаш чечен чогаалы. 2013. Ed. by Dongak U.A., Samdan Z.B., Bayarsajhan B., Dongak A.S., Salchak V.S., Mizhit E.B., B. Bayarsajhan. Ulaanbaatar-Kyzyl. Print. (In Tyv.)
16. Podnoshenie v serebryanoj chashe: sbornik fol'klora i literatury tuvincev Cengela (Mongoliya). 2018. Edited and translated by Z.B. Samdan, B. Bayarsajhan, U.A. Dongak, A.S. Dongak, E.B. Mizhit, V.S. Salchak. Novosibirsk: Nauka: NGOPO Soyuza pisatelej Rossii, 2018. Print. (In Russ.).
17. Yumaeva, L.A. Otrazhenie dvuyazychiya v hudozhestvennoj proze Ch.T. Ajtmatova. Web. URL: http://www.rusnauka.com/7_NITSB_2012/Philologia/6_103672.doc.htm (Access: 15.06.2020).
18. Antologiya russkogo verlibra. Web. URL: anthology.karendjangerov.com (Access: 2011).
19. Seren-ool, V. 1991. Каң-Кыс: Маадырлыг тоозху-тоол — Kan-Kys: geroicheskoe skazanie. Per. A. Prelovskogo. Kyzyl. Print. (In Tyv., in Russ.)
20. Mongush, Sh.A. 2003. "«Chazhyt agymnун» chazhydy: E. Mizhitiң shylyk chogaalynun dugajynda". Tyv. anyyaktary. Sen. 25. Print. (In Tyv.)
21. Mizhit, E. 1992. "Dashtar" in Buzundular: shylykter. Kyzyl. Print. (In Tyv.)

Сведения об авторе:

Донгак Уран Алдын-ооловна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник группы литературоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. E-mail: uranda@yandex.ru

Bio Notes:

Uran A. Dongak is a Candidate of Philology, Leading Researcher, Group of literary criticism, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. E-mail: uranda@yandex.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-475-481

Тезисы

Стилевые доминанты прозы Дидара Амантая

А.К. Калиева

Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова
Министерства образования и науки Республики Казахстан
Республика Казахстан, 050010, Алматы, Курмангазы, 29

Интенсивное развитие информационных технологий, сетевые ресурсы и сетевая литература, порталы и интернет-издания диктуют спрос на малые по объему прозаические жанры. Новые литературные течения находят отражение в казахской национальной прозе в книгах писателя, публициста, киносценариста Дидара Амантая. Экология сознания, современная жизнь города, философские вопросы бытия — актуальные темы его прозы и эссеистики. Как представитель постмодернизма и постструктурализма Д. Амантай соединяет в своем творчестве элементы разных стилей и направлений прошлого, нередко с ироническим эффектом, развивает философское направление и критический анализ культуры и общества. Характерная особенность его манеры повествования состоит в том, что писатель свободно переходит от сопоставления образов и мотивов в национальных литературах мира к анализу казахской, адресуя свои художественные произведения читателю изысканному, интеллектуальному.

Ключевые слова: этническая картина мира, этнокультурный феномен, национальный концепт, художественное время-пространство, стиль, диалог, новаторство, постмодернизм

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27.07.2020

Дата принятия к печати: 29.09.2020

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Калиева А.К. Стилевые доминанты прозы Дидара Амантая // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 4. С. 475—481. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-475-481

© Калиева А.К., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Style Dominants of Didar Amantay Prose

A.K. Kalieva

M.O. Auezov Institute of Literature and Art
Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan
29, Kurmangazy, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan

The intensive development of information technologies, web resources and literature, Internet portals and Internet publications dictate the demand for small-scale prose genres. New literary trends are reflected in Kazakh national prose in the books of the writer, publicist, screenwriter Didar Amantay. The ecology of consciousness, the modern life of the city, the philosophical issues of life are the current topics of his prose and essay writing. As a representative of postmodernism and poststructuralism, D. Amantay combines elements of different styles and trends of the past in his work, often with an ironic effect, develops a philosophical direction and a critical analysis of culture and society. A characteristic feature of his style of narration is that the writer freely moves from the comparison of images and motives in the national literatures of the world to the analysis of the Kazakh one, addressing his works of art to an exquisite, intellectual reader.

Key words: ethnic picture of the world, ethno-cultural phenomenon, national concept, artistic time-space, style, dialogue, innovation, postmodernism

Article history:

Received: 27.07.2020

Accepted: 29.09.2020

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Kalieva, A.K. 2020. "Style Dominants of Didar Amantay Prose". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (4), 475—481. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-475-481

Введение

В современной казахской литературе традиционно широко представлена историческая тема, интерес к истории постоянен. Но надо ли противопоставлять историю и современность? Отвечая на актуальный вопрос, Ш.Р. Елеукунов размышляет: «На чем создавать новую культуру, если наши знания о старой будут скудными? К тому же добротное историческое произведение всегда корреспондировало с современностью. Историческая романистика последних лет поднимала актуальные проблемы нынешней национальной жизни и полюбилась читателю. Это надежная предпосылка для создания новых творений на современные темы» [1. С. 42].

В XXI веке особое внимание уделяется возрождению самобытной казахской культуры и духовности, ментальности и мировосприятия. «Историзм социально-

нравственных аспектов характера требует от художников слова вариативности ракурса в интерпретации как современной эпохи, так и исторической действительности. Писатель как этнокультурный феномен в мире, полном разногласий и противоречий, не может максимально замаскировать свою мировоззренческую позицию, и четко настроенная «душа автора» не просто спокойно созерцает и фиксирует многомерные явления бытия, оставаясь хладнокровной в оценке очевидных фактов мировой реальности, — считал теоретик литературы Б. Майтанов. — Правдивость, убедительность образов достигается не только логикой саморазвития характеров, но и различными проявлениями авторско-личностного зачина, который органично сливается с идейно-эстетическим концептом произведения, что не проходит бесследно в истории культуры. Ибо именно в этом заключалось своеобразие литературы так называемого социалистического реализма» [2. С. 141—142].

В годы независимости в казахской прозе все отчетливее проявляется процесс минимизации. Это касается и стилевых поисков, и лаконичности мысли. Наблюдается отказ от громоздкого сюжета, детальных описаний, лирических отступлений. Рожденные в мировом духовном пространстве разнообразные идеи, желаем мы того или нет, получают отражение и в казахской литературе. В творчестве молодых писателей наблюдается в большей степени стремление к новизне, чем следование традициям. Новое всегда кажется лучшим и непревзойденным и, вероятно, рождает интерес и привлекает своей неожиданностью.

Сакральные аксиологические понятия «Туған жер» (родная земля), «шанырақ» (купол юрты), «бесік» (колыбель), «жылқы» (лошадь), музыкальные инструменты кобыз, домбра, унаследованные от кочевой цивилизации, осмысливаются как национальные концепты. Современный человек среди аксиологических и гносеологических вопросов ищет ответ на вопрос: «Кто я?»

Обсуждение

Проза Д. Амантая построена на ассоциациях, реминисценциях, иносказательности. В ней зачастую отсутствуют сюжет и герои, домыслить многое предлагается читателю. Ее проблематично постичь и понять, не владея знаниями в области мировой литературы.

Д. Амантай — писатель двуязычный, пишет на казахском и русском языках. Окончил факультет философии и политологии Казахского национального университета имени аль-Фараби, факультет кино Института театра и кино, академию Истрополитана Нова (Словакия), курсы американской журналистики. Его произведения изданы на французском, немецком, турецком, арабском, английском, корейском и китайском языках.

Особо важным считает Д. Амантай влияние на казахскую литературу и пространство русскоязычной культуры творчества О. Сулейменова, изменившего облик русской поэзии и привнесшего в нее лингвистические элементы. О. Сулейменов сформировал новое направление — научную поэзию. Он уверен в том, что тюркоязычные народы оставили в языках народов мира следы своей культурной, цивилизационной активности.

Родная земля, природа, обычаи предков находят художественное воплощение в текстах Д. Амантая. Главный герой раннего рассказа «Внук аксакала Толеутая» мечтает проснуться утром «таким же большим и сильным, как сосед, богатырь Темирбек» [3. С. 120]. Есть у Айдара и еще одна мечта — научиться ездить верхом, как богатырь Темирбек.

Неторопливо повествование:

Когда они вдвоем с дедушкой, нарезав из кожи сыромятные полоски, искусно плели из них ленты, вили аркан из тонкого волоса, а затем продевали длинный повод в кольца недоузтков молодняка и дойных кобылиц, он часто мысленно возвращался к своей мечте. Просунув конец подбородника узды в ушко, проделанное шилом, старик делал хват, накрепко завязывал с другой стороны особый узел и молча глядел на внука, который отслеживал каждое движение деда [3. С. 120].

Но не сбылась мечта Айдара, волк напал на жеребенка «под занавес лета, когда приятные, погожие жаркие дни ушли, погода портилась, поверхность речек и озер подернулась ледком, а стада скота, небольшими группами пасшиеся вверху, на холмистых склонах, спустились к подножью» [3. С. 122].

Взрослые не хотели, чтобы ребенок видел раненого жеребенка, но в последний момент дедушка решил все же взять внука с собой. На обратном пути в аул мальчик, стараясь не смотреть на зияющую рану, укрывает гнедого жеребенка зимней шубой, которую бабушка набросила ему на плечи перед выездом из дома. В памяти всплывает первый миг знакомства:

Гнедой жеребенок бежал сначала рысцой, и на его шелковистой спине поигрывали солнечные зайчики, затем, красиво выбрасывая ноги, пустился вприпрыжку, потом снова перешел на легкую рысь... [3. С. 120].

Для стиля Д. Амантая «характерны плотность письма, короткие предложения. Он словно экономит слова, высоко ценя каждое из них» [4. С. 468]. Стиль казахского прозаика кинематографичен. В рассказе «Они нежат теплым светом» главным героем становится человек с камерой, запечатлевающий мгновения жизни, реалии быта и степные просторы:

Тюбетейка, вышитая узорами и украшенная дорогими камнями, обозначилась крупным планом — CloseUp. RedOne скользнул по его лицу, замер на одежде, перешел на старые ботинки, резко отъехал. В кадре проступил облик степи и прорисовался общий план... Округу обдавал нежный, как шелк, приятный ветерок, он навевал терпкий аромат, шекотавший ноздри [5. С. 809].

Художественное время-пространство произведения выполняет «моделирующую функцию, выражающуюся в воссоздании действительности в «отдельных картинках», но во всей полноте» [6. С. 94]. Повествование от третьего лица позволяет Д. Амантаю придать большую степень объективности и выразить относительную полноту в передаче внутреннего мира персонажей, в описании окружающей их жизни.

Облик степи противопоставлен в рассказе облику города:

Они остаются после нас подобно кладбищам. В них нет чистоты бытия, природного облика, рукотворное, мертвое явление, направленное против всего живого и су-

щего. Эти обиталища — искусственные спутники, окружающие культуру в духовном пространстве. Город никогда не был оригиналом. Дома — искаженные образы первых настоящих стоянок, каменных пещер, их грубая и лощеная копия [5. С. 811].

Объектив камеры в руках нарратора замечает беспечно резвящихся детей; подмечает детали окрестности («волчехвостые сосны», «кораллового цвета капелька смолы»); фиксирует животных (пегая собака, щенок с обвислыми ушами) и птиц, без которых городская среда была бы неживой, беззвучной, мертвой.

Невзрачная пичужка сидела на заборе. Она двигалась шустро, шевелясь всем своим тельцем. Взлетев, опустилась на землю и склевала хлебные крошки, семечки. Ее проворные движения наложили на его лицо печать улыбки. Внезапно, когда та вперилась в него своими холодными, размером с пшеничное зерно глазками, ему стало не по себе. Объектив RedOne, пытаясь проследить дальнейшие действия пернатого героя, снял его маленький образ в MediumLongShot (со средне-дальнего плана). Рядом с упитанным воробышком появился голубь. Глаза, следившие за действием, перевели свое внимание на новый образ. Белым опереньем, хохолком на голове, похожим на чалму, крупным зобом, длинным хвостом он напоминал сказочную прекрасную птицу. Камера отъехала назад и запечатлела голубя в размере Full-LengthShot (портрет во весь рост). Зорко следившее за тесным двориком окно изредка отражало случайные лучи солнца [5. С. 814].

Стиль своих произведений сам автор объясняет так: «Мне интересно объединять стиль Эрнеста Хемингуэя со стилем Марселя Пруста и Габриэля Гарсиа Маркеса, добавляя интеллектуализм Милорада Павича и Хорхе Луиса Борхеса. И все это затем приправить особой эстетикой Альбера Камю, Алена Роб-Грийе и Ясунари Кавабаты. В моей поэтической прозе сюжет может существовать и не существовать. Я шел по направлению “рассказ-впечатление”» [7. С. 544].

В текстах Д. Амантая отражены распад Советского Союза и судьба поколения, которое стало самостоятельным в выборе духовных ценностей, взяло на себя ответственность за избранный путь. На смену гармоничной атмосфере пришла жесткая реальность, в которой необходимо было создать новую систему ценностей, и в ней предстояло жить. Однажды выбранный путь может стать для персонажей его прозы чужим. Герои произведений Д. Амантая пытаются противостоять хрупкости мира и человеческого бытия. Они верят в себя, в избранное ими по душе дело.

Г.К. Бельгера в творчестве Д. Амантая привлекали философские этюды и литературные зарисовки о казахских и зарубежных писателях, поразительная краткость изложения. «В прозе он философ, в философии — прозаик. Читателю он предлагает только выжимки, экстракт, суть своих раздумий и наблюдений. Он убедителен в диалогах, деталях, штрихах, нюансах. Он создает настрой, часто овеянный печалью» [8. С. 498].

Его эссе «Образ человеческого бытия», «Защита от истины: несогласие с положением», «Сущность искусства» философски глубоки и нередко пронизаны грустью. Автор убежден, что все преходяще, кроме чувств. Человек временно появился во Вселенной, впереди его ждет великая тайна. Люди изначально одиноки.

О литературе герои произведений современного казахского прозаика говорят много, призывая читать Франца Кафку, Стефана Цвейга, Томаса Манна, Лиона

Фейхтвангера, Ремарка, Флобера, Эмиля Золя, Оноре де Бальзака, Ги де Мопасана и многих других. Это кредо и самого автора, так как литература открывает человечеству иной, гармоничный мир, а книга является одним из важнейших элементов культуры.

Д. Амантай порой демонстративно полемичен. Художественно-публицистическая и эссеистическая природа его книг делает их неотразимо привлекательными.

Заключение

В современной литературе Казахстана востребованы и актуальны «вечные проблемы духовных и моральных ценностей, мировой этики, диалога и сотрудничества, солидарности, художественно воплощаемые в произведениях казахстанских прозаиков» [9. С. 325].

Для Д. Амантая важны не только тема и содержание художественного произведения, но и стиль и манера письма. Стиль порождает атмосферу времени или ситуации. В прозе современный казахский двуязычный писатель выделяет пять уровней: социально-антропологическую, коммерческую (детективы и др.) литературу, фантастику, философско-метафизическую (Т. Манн, Л. Толстой) и поэтическую прозу. Поэтическая проза — высший уровень развития современной литературы.

По словам французского театроведа Жоржа Польти, «в мире существует тридцать шесть сюжетов. А Хорхе Луис Борхес в своем знаменитом произведении “Четыре цикла” почему-то сократил их количество до четырех. По-моему, содержание произведения и основная нить повествования, отображающие этот суматошный мир, к сожалению, бывают всего лишь двух видов и состоят из двух начал: одно из них — жизнеутверждающее, в котором рассказывается о том, что Бог есть, а другое — содержание многострадальной книги, где все терпят страдания от того, что Бога нет. Форма может изменяться, но содержание никогда не изменится».

Духовно обедненный человек — одинок, поэтому современный казахский писатель, эссеист Д. Амантай призывает всем своим творчеством, создаваемом как на родном — казахском, так и на русском языке в русле модерна, быть гармоничными личностями, продолжать создавать свой мир, и чтением книг в том числе. Роль литературы в современном обществе «должна заключаться именно в поисках актуальных тем нового времени, разнообразия форм, стилей и методов самовыражения для воссоздания целостной картины нашей реальной действительности, весьма самобытной и тем интересной миру».

Д. Амантай, как и М. Ауэзов, А. Кодар, Б. Каирбеков, А. Жаксылыков, Д. Накипов раздвигают национальные горизонты, чуток к веяниям нового в литературе и искусстве, предпринимая попытки ответить на вопрос: «Что подарило нам искусство, победу или поражение?»

Список литературы

1. *Елеукенов Ш.* Казахская литература // Литература народа Казахстана / отв. ред. С. Аманбаева. 2-е изд., дополненное. Алматы : КАЗакпарат, 2014.

2. *Майтанов Б.К.* Поэтика образа автора // Майтанов Б. Өнегелі өмір. Алматы : Қазақ университеті, 2017.
3. *Амантай Д.* Внук аксакала Толеутая // Простор. 2020. № 7. С. 120—124.
4. *Ананьева С.* Казахская русскоязычная литература // Современная литература народа Казахстана / под ред. С.В. Ананьевой. Алматы : Evo Press, 2014.
5. *Амантай Д.* Они нежат теплым светом // Антология современной казахской прозы. М. : Издательский дом МГУ им. М.В. Ломоносова, 2019. С. 808—817.
6. *Головко В.М.* Герменевтика литературного жанра : учеб. пособие. М. : Флинта; Наука, 2016.
7. *Шимырбаева Г.* Интервью // Амантай Д. Махамбет философиясы : собр. соч. в 5 т. Т. 2. Алматы, 2014. С. 544—546.
8. *Бельгер Г.* Дидар и его рассказы // Амантай Д. Махамбет философиясы : собр. соч. в 5 т. Т. 2. Алматы, 2014. С. 498—503.
9. *Ананьева С.В.* Магический реализм в казахской прозе // Магический реализм. Magical Realism. София : Издательский центр «Боян Пенев», 2019. С. 303—326.
10. *Амантай Д.* О литературе // Амантай Д. Махамбет философиясы : собр. соч. в 5 т. Т. 2. Алматы, 2014.

References

1. Eleukenov, Sh. 2014. “Kazhskaya literature” in Literatura naroda Kazahstana. Ed. By S. Anan’eva. Almaty: KAZakparat. Print. (In Russ.)
2. Majtanov, B.K. 2017. “Poetika obraza avtora” in Majtanov B. Өnegeli өmir. Almaty: Қазақ университеті. Print. (In Russ.)
3. Amantaj, D. 2020. “Vnuk aksakala Toleutaya”. Prostor 7: 120—124. Print. (In Russ.)
4. Anan’eva, S.V. 2014. “Kazhskaya russkoyazychnaya literature” in Sovremennaya literatura naroda Kazahstana. Almaty. Pp. 449—486. Print. (In Russ.)
5. Amantaj, D. 2019. “Oni nezhat teplym svetom” in Antologiya sovremennoj kazahskoj prozy. Moscow: Izdatel’skij dom MGU im. M.V. Lomonosova. Pp. 808—817. Print. (In Russ.)
6. Golovko, V.M. 2016. Germenevtika literaturnogo zhanra. Uchebnoe posobie. Moscow: Flinta: Nauka. Print. (In Russ.)
7. Shimirbaeva, G. “Interv’yu” in Amantaj D. Mahambet filosofiyasy. Sobr. soch. v 5-ti t. T. 2. Almaty. Pp. 544—546. Print. (In Russ., in Kaz.)
8. Bel’ger, G. 2014. “Didar i ego rasskazy” in Amantaj D. Mahambet filosofiyasy. Sobr. soch. v 5-ti t. T. 2. Almaty. Pp. 498—503. Print. (In Russ., in Kaz.)
9. Anan’eva, S.V. 2019. “Magicheskij realizm v kazahskoj proze” in Magicheskij realizm. Magical Realism. Sofiya: Izdatelski cent’r «Boyan Penev». Pp. 303—326. Print. (In Russ.)
10. Amantaj, D. 2014. “O literature” in Amantaj D. Mahambet filosofiyasy. Sobr. soch. v 5-ti t. T. 2. Almaty, 2014. Pp. 468—469. Print. (In Russ., in Kaz.)

Сведения об авторе:

Калиева Альмира Кайыртаевна — кандидат филологических наук, заместитель директора Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова МОН РК по науке. E-mail: akmira_kalieva.8@mail.ru

Bio Note:

Almira K. Kalieva is a Candidate of Philological Sciences, Deputy Director of the Institute of Literature and Art named after M.O. Auezov MES RK on Science. E-mail: akmira_kalieva.8@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-482-494

Научная статья

Поэтическое творчество транслингвальных писателей (на материале поэзии карачаево-балкарских авторов)

Р.А. Керимова

Институт гуманитарных исследований
Кабардино-Балкарский научный центр РАН
Российская Федерация, 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Рассматривается актуальная в XXI веке проблема художественного билингвизма в контексте новой транслингвальной парадигмы. Предметом исследования являются русскоязычные тексты карачаево-балкарских писателей. В рамках исследования были выявлены разнородные модели художественного самовыражения — новое поэтическое течение молодых авторов с нетривиальной образной системой, зачастую не имеющей ничего общего с устойчивыми формульными представлениями карачаево-балкарского фольклора. Определены основные тенденции художественной транслингвальной поэзии, аргументирована точка зрения, согласно которой творчество нового поколения транслингвальных авторов тяготеет к европейской культурной парадигме. Методы исследования: используется комплексный подход, комбинирующий элементы сравнительно-типологического, сопоставительно-типологического, системно-целостного и историко-литературного анализа. Исследование вносит свой вклад в теорию транслингвизма в контексте художественного билингвизма, характерного для северокавказских литератур XXI века.

Ключевые слова: транслингвизм, транслингвальный автор, новейшая карачаево-балкарская поэзия, билингвизм, лингвокультура

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27.02.2020

Дата принятия к печати: 29.05.2020

Модератор: У.М. Бахтикиева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Керимова Р.А. Поэтическое творчество транслингвальных писателей (на материале поэзии карачаево-балкарских авторов) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 4. С. 482–494. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-482-494

© Керимова Р.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Poetry by Translingual Authors (Karachay-Balkarian Sample)

R.A. Kerimova

Institute for Humanitarian Research
Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
18, Pushkin Str., Nalchik, 360000, Russian Federation

In this paper we try to comprehend the significant in the XXI century problem of literary trans- and bilingualism in the context of transcultural paradigm. The subject of the research is the Russian-language texts of Karachay-Balkarian writers. As a part of the study, heterogeneous models of literary expression were revealed: a new poetic trend of young authors with a non-trivial figurative system, often having nothing to do with stable formulaic representations of Karachay-Balkarian folklore. As a result of the analysis, the main trends in the art of translingual poetry are identified. According to our results, the literary work of a new generation of translingual authors gravitates toward the European cultural paradigm. Research methods: an integrated approach, combining elements of comparative-typological, system-holistic and historical-literary analysis. The studied problems contribute to the theory of translingualism in the context of literary bilingualism, typical for North Caucasian literature of the XXI century.

Key words: translingualism, translingual author, the latest Karachay-Balkarian poetry, bilingualism, linguistic culture, symbolism

Article history:

Received: 27.02.2020

Accepted: 29.05.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Kerimova, R.A. 2020. "Poetry by Translingual Authors (Karachay-Balkarian Sample)". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (4), 482—494. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-482-494

Введение

Процесс глобализации и культурная интеграция являются важными тенденциями современного мира, что, в свою очередь, актуализирует проблемы литературных связей и формирования художественных общностей. Проблема инкультурного влияния на творчество этнических писателей, как предполагал А.Н. Веселовский, «...в воспринимающем не пустое место, а встречные течения, сходное направление мышления, аналогические образы фантазии» [1. С. 115].

Однако ученые озабочены негативными воздействиями процесса европеизации. Как считает Г.С. Померанц, при адаптации западноевропейских понятий в

чужой культуре происходят некоторые деформации, так называемый «духовный хаос» [2]. Данный процесс неизбежно ведет к трансформации социокультурной составляющей в стране, к зарождению новых очагов цивилизации, а иногда к кризису идентичности целой нации. Но при этом стоит отметить и позитивные стороны данного влияния на «незападноевропейские» культуры и литературы. Ученый Н.С. Арсеньев, рассуждая о классической словесности, приводил пример благотворного влияния кросс-культурной литературы на творчество А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого, отмечая важность данного фактора в становлении и упрочении единства региональных и национальных литератур [3. С. 7—8]. Овладение ценностями чужой культуры и языка представляет собой двуединый процесс; в условиях билингвизма значительно расширяются горизонты социализации личности, обусловленные инокультурными пластами другой цивилизации.

В.В. Кабакчи и Н.Г. Юзифович, исследуя инолингвокультурный субстрат в транслингвальной литературе, выдвигают теорию «язык — средство глобального общения». Развитие билингвизма ученые связывают с политическими, экономическими и финансовыми дискурсами [4]. В каждой поликультурной стране, в которой проживают представители разных этнических групп, двуязычие (билингвизм) либо многоязычие (мультилингвизм, полилингвизм) является естественным. Россия представляет собой многонациональное государство, где языковые формы осваиваются в результате межъязыкового контакта между соседствующими этническими группами. Так, у многих народов Северного Кавказа совмещение двух языковых кодов происходит на уровне сознания и коммуникативной деятельности.

Говоря о карачаево-балкарской литературе, стоит отметить, что билингвизм обусловлен в первую очередь социальным фактором. Вместе с тем творчество транслингвальных авторов представляет собой интерес с точки зрения самобытности мировосприятия, мировоззрения, а также особенностей стилистики, ее синкретичностью. Актуальность проблемы обусловлена еще и тем, что в литературный процесс активно начало включаться молодое поколение авторов (в возрасте до 30 лет). Вместе с тем нельзя исключать и геополитический фактор.

Однако в XXI веке мотивация этнических авторов, обращающихся к русскому языку, иная, чем у писателей советского времени. Одним из факторов переключения на другой язык, по мнению М.А. Пильгун, является смена языковой среды [5]. Данная гипотеза правомерна, но первостепенной задачей для авторов младописьменных литератур является возможность выхода на столичную читательскую аудиторию. И именно русский язык увеличивает вероятность преодоления стереотипа о «поэзии периферии», так как современные национальные поэты свободно владеют и пишут на двух языках, благодаря чему многие из них обходятся без профессиональных переводчиков.

Транслингвистичность представляет собой взаимовлияние языков, вследствие чего возникает новое качество обогащенной лингвокультуры [6; 7]. Таким образом, к транслингвальным авторам относятся те, которые осознанно выбирают русский язык для творческого самовыражения, при этом не прибегая к переключению на родной язык.

Обсуждение

«Новое» транслингвальное направление, берущее начало от традиционного феномена билингвизма, — русскоязычная карачаево-балкарская поэзия, основанная на современном поэтическом принципе «раскрепощения сознания» (авторы, пишущие только на русском языке). Наиболее яркие представители данного течения — К. Кудаяева, Х. Бостанов, И. Узденова. Авторы намеренно избегают «культурного субстрата»: он отсутствует как на языковом, так и на ментальном уровне. Авторы объединяет отсутствие ярко выраженных внеэстетических задач, улавливается стремление обойти политические, социальные мотивы, «злободневные проблемы человечества». Выделяется сосредоточенность поэтов на сугубо художественной и личностной проблематике. Безусловно, у каждого свой опыт, своя степень зрелости. Авторы манифестируют себя как продолжателей линии Серебряного века. Их произведения насыщены скрытыми цитатами, перекликающимися с имажинистскими мотивами лирики С. Есенина, А. Ахматовой, Б. Пастернака, А. Блока, М. Бродского, В. Высоцкого, И. Эренбурга и т.д. Вместе с тем поэзия молодых авторов представляет собой яркое стилевое и тематическое разнообразие.

Самая молодая представительница данного направления — **Камила Кудаяева**, балкарка, но, по ее словам, она «далека от местного менталитета». В одном из своих произведений она рассуждает:

Из меня должен был быть бухгалтер большой,
А не та, что Есенина любит.
Как улажу конфликт со своею душой
Мне бумажка профессию купит.

[8. С. 112]

Стихи К. Кудаяевой представляют собой некий протест против социума с адаптирующимися западными ценностями и идеалами. Неприятие действительности проявляется не только в содержании произведений, но и в манере их подачи. Свободный стих, метафорический язык, своеобразная лексика составляют стилистику стихотворений К. Кудаяевой, а синкретизм таких направлений, как акмеизм, английская метафизическая поэзия, андеграунд, постмодернизм создают особый стиль ее произведений. Тексты Кудаяевой содержат множество посланий, вместе с тем поэтесса максимально откровенна с читателем, поэтому стихи напоминают некий дневник, в котором она излагает свои мысли о сущности бытия. Героиня максимально хочет отдалиться от современной / виртуальной реальности, в которую вовлечена большая часть современного общества.

Посредством хронотопического дейкиса поэтесса перемещает читателя в советское время, словно ностальгирует:

Я как будто ошибочно здесь нахожусь,
И внутри пятьдесят мне годов.
Старомодной души я ничуть не стыжусь,
Не стыжусь и наломанных дров...

[8. С. 115]

По мнению автора, советская идеология была близка духу наших народов и стала верным ориентиром для развития страны. Интересен тот факт, что героиня К. Кудяевой до сих пор на мыслеобразующем уровне существует в Советском Союзе:

Ты искал меня в годы другие,
Так давно, что тебя уже нет.
Мы сидели с тобой, молодые,
На скамье, что стоит много лет.
[8. С. 110]

СССР для поэтессы — это «потерянный рай», возможно, именно потому, что сама она не застала многие негативные моменты советской жизни.

К. Кудяева в своих текстах обосновывает неприятие новых ценностных ориентиров в обществе:

Я в порядке, и жизнь мне моя дорога,
Но скучаю по тем временам,
Где моя никогда не ступала нога,
Та пора, друг мой, плачет по нам.

И как быть в суете столь коротеньких дней,
Где все люди погрязли во лжи?
Век вульгарных особ и трусливых парней,
Где любовь продают за гроши.
[8. С. 90]

Однако будет ошибочным полагать, что тексты К. Кудяевой сложны для восприятия и представляют собой некую завуалированную мыслеобразующую систему; круг проблем, охваченный в ее произведениях, понятен неискушенному читателю. Центральное место в ее художественной картине мира занимает символ осени. Автор создает метафоры «советская осень», «теплые беседы», а излюбленные образы тумана, шарфа, любимого кашемирового пальто, чашки горячего чая (обязательно в компании собеседника/друга мужского пола), а также неторопливость действий создают впечатление «застывшего времени», особого параллельного мира, в котором существует героиня. Лирический субъект бытийствует в состоянии «вечной осени», зима также упоминается, но весна и лето выпадают из временного поля в текстах К. Кудяевой. Зима/снег в системе ее эстетических координат занимают незначительное место, автор осознанно употребляет их для выделения важнейших в ее поэтике лексем, номинирующих температурные ощущения:

Пришло нам время выпить чай,
Согреться и продолжить путь.
Но я разлила, невзначай,
Пытаясь крышку повернуть.
[8. С. 91]

Доминантным символом выступает осень, с которой органически сопряжен комплекс определенных образов и мотивов: *золото, тепло, шарф, чай, свет, солн-*

це. В свою очередь лексемы *чай, кофе, пальто, шарф, одеяло* сочетаются с температурными атрибутами, точнее указывая на тепловые признаки: *теплый чай, горячий кофе, теплый шарф, теплое пальто* и т.д. Характерная лексика индивидуализирует манеру взаимодействия с миром.

Я готовлю теплый кардиган
Шарф бордовый, черные ботинки.
Попадаюсь в Осени капкан,
Золотые сентября картинки.
Осенью не нужен мне никто.
Что за чушь? Никто и не поверит.
Я люблю носить свое пальто,
Но приятней, если кто-то греет.
[8. С. 89]

Семантика образного комплекса зимы и осени несет в себе внутреннюю противоречивость и амбивалентность, так как витальная энергия сопрягается с тоской о прошлом, о несбывшихся мечтах. В «осенних текстах» акцентируются идиллические мотивы любви, радости, счастья.

Таким образом, осень не просто природное явление, а особенный период, когда человек задумывается о смысле жизни, вечности, судьбе и своем предназначении. Самобытность автора проявляется в способности абстрагироваться от внешних погодных условий, но при этом чувство меланхолии не формирует негативное отношение к дождю, снегу, холоду; наоборот, оно провоцирует развитие любовной линии, что придает особую сентиментальность ее стихам.

Индивидуальный стиль поэтессы выделяется неоромантическими интенциями, представляя собой новое течение в русскоязычной национальной литературе. Лирический субъект К. Кудаевой проживает в ином мире, в другой эпохе, стремясь отдалиться от пошлости, лицемерия современного общества. Особое движение авторской интонации, «нездешность» поэтики создают художественное пространство, лишённое агрессии.

Тексты **Хусея Бостанова** отличаются поэтической зрелостью. Философские высказывания поэта обращены к интеллектуальному читателю. Произведения представляют собой некую стилистическую и лексическую игру, в которой понятийный субстрат не является основным. Бессюжетность таких текстов восполняется высокой степенью ассоциативности, использованием мифопоэтических кодов различных культур, шифров узнаваемых образов, переплетенных с личным интимным знанием автора.

Я стал душевно глухонемым.
Духовно слепым, немощным.
Пластилином, горячим воском.
Горящим внутри и по периметру.
Жизнь — кривое зеркало
Фигуры странные лепит
Рубцами пережитых дней на лицах.
[8. С. 21]

Самобытность Х. Бостанова заключается в амбивалентности восприятия и отражения. Переключения из реальной жизненной плоскости в мыслительно-зрительную сферы происходит плавно и органично, реальный мир и иллюзии в его текстах смешались:

Меня позавчера убили
Выстрелом в душу — контрольным.
А ты сказала «Прикольно»
А мне ничуть не больно.
Значит, я что-то значил.
А как же иначе.
Значит я буду жить
В песнях о самом главном.

[8. С. 22]

Безусловно, для неподготовленного читателя стихи Х. Бостанова — всего лишь игра слов и смыслов, но усложненность метафорами, некая сюжетно-тематическая «размытость», зашифрованность/закодированность культурно-мифологических символов придают самобытность его стилю и в то же время делают узнаваемыми ярко проявляющиеся мотивы метафизической поэзии И. Бродского.

Все
Я ставлю две точки
Над е.
Потому что на дне
Не испитых грехов,
Недосказанных слов,
В куче грязи и кальки
Золото
Воспоминаний.

[8. С. 23]

Отчужденность от реальности, тяготение к мистическому и метафизическому началу, стремление побороть «духовный хаос» сопровождается саморефлексией и поисками внутреннего Я. Типологическое родство, аллюзии на классиков не перекрывают собственный голос, напротив, расширяется смысловое пространство системы поэтических образов. Но вместе с тем было бы ошибочным рассуждать о Х. Бостанове как об интроверте, который поглощен своими душевными переживаниями; он четко улавливает «пульс» современности и прекрасно ориентируется в реалиях настоящего времени.

Ты кто?
Человек...
Что свято для тебя?
Свобода и Родина...
Что тебе нужно?
Верить...
Три вопроса.
Три правильных ответа.

Маленькие трагедии.
Мизерные радости
Неизвестного человека
Никчемного...
У него нет ничего ценного.
Да, господа хорошие
Опубликуйте в журнале «Форбс»
Список самых богатых людей
Духовно...

[8. С. 24]

Возможно, характерная для стилистики Х. Бостанова метафоричность и сложно сочетающиеся в тексте выражения («как бы нехотя») могли бы усложнить восприятие, но особая экспрессивность придает стихам легкость, воздушность. Также в тексте не сменяются окончания, т.е строфа заканчивается ударным слогом, тем самым трехстопный анапест, который он в основном использует, превращается в монотонное звучание, создавая ощущение нехватки выразительных средств.

Я завтра улетаю на Сейшелы.
Сейшелы ближе,
Чем Мадагаскар.
Что это значит?
То, что я умер.
Только для тебя.

[8. С. 24]

Смятение чувств, их непоследовательность, некий хаос, ирония, сменяющаяся черным юмором, свидетельствуют о его постмодернистском восприятии:

После продолжительной болезни,
Не приходя в сознание, простилась
С нами совесть.

Краеугольной задачей является обращение к читателю посредством своих текстов, в которых он ставит риторические вопросы и размышляет над ними. Сущность коммуникативного акта заключается в достижении цели — посредством внутреннего монолога привлечь внимание читателя к насущным проблемам бытия.

Направо пойдешь —
Ничего не найдешь
Налево придешь —
Себя потеряешь.
Куда мне идти,
Если чувствуешь ложь.
Стой говорят
Не угадаешь
Назад обернешься
Сомнения жгут,
Вперед — упираешься

В стену из камня.
А может меня
Ты с собой позовешь,
Ведь вместе угадывать
Легче, я знаю.

[8. С. 25]

Не менее интересна своим творчеством молодая поэтесса **Ирина Узденова** — автор двух сборников: «Соловьиное сердце» (2002), «Пламя победы» (2018). Первый сборник представляет собой цикл стихов «Новая твердыня», «Музей», «Мое собрание насекомых», «Долина цариц», «Львиные песни», «Венок сонетов» (цвета), и сонетов-посвящений.

Уже первый сборник представлен достаточно зрелыми и интеллектуальными текстами. Улавливается некая связь с К. Кудаевой, которая также использует прием хронотопического дейксиса. Но различие состоит в том, что И. Узденова перемещает читателя в XIX столетие. Пространственно-временная ориентация подкреплена еще и выбором таких жанров, как ода, баллада, сонет, предпочтением классического четырехстопного ямба.

Наскучило мне глупое бряцанье
Сегодняшних придворных гусяров —
Пойду в поля и в лунное мерцанье
Заслушаюсь мелодией ветров.
То веселы они, а то застонут.
Настроят лютно вольную свою,
Иль брошенной кимвалы струны тронут
И сами ей тихонько подпоют.

[9. С. 32]

«Неусложненность» лирического высказывания представляется неким отступлением от «современного стиха». И здесь можно говорить о намеренном, установочном использовании архаичной лексики, которая была характерна для большинства авторов Серебряного века, что позволяет рассматривать данную практику использования архаики как общую черту поэтического словоупотребления.

Интерес представляет тот факт, что героиня часто обращается к неким универсальным мифообразам (Клеопатры, короля Ричарда и т.д.). Данные образы создают в ее тексте повторяющиеся (инвариантные) мотивы идеализации средневековых воинов, правителей и т.д. А присущая коммуникативная тактика так называемого воспевания / идеологизации исторических личностей позволяет нам рассуждать о неких параллелях между И. Узденовой и М. Цветаевой, которая «... на экзистенциальной отстраненности и стремлении лирической героини создавала адресата по законам мифа. Поэтому основная функция такого «воспевания» не коммуникативная, а номинативная (см., например, цикл “Комедьянт”» [10. С. 149].

Заметим, что здесь для обеих поэтесс важно посредством словесного образа представить не столько индивидуальность адресата, но и его «прельстительную» суть, то, что в адресате ее восхитило, очаровало. Таким образом, портретная пла-

стика не является первостепенной (скорее, она даже отсутствует), внимание обращено к характеристике внутренних качеств.

Лев умер от укуса комара!
— Да, тварь ничтожная царя убила.
Презренный гнус, дрянная мошкара
Великим не однажды кровь травила.
Но ты и не комар, ты — клоп простой
Лишь потому пока еще прыгучий.
Что хоть зловонен ты, когда живой.
Раздавленный ты более вонючий.
(Сказано о смерти Ричарда львиное Сердце).
[9. С. 26]

Разнообразие и многообразие жанра посвящений позволяет выдвинуть нам гипотезу о том, что в поэтической коммуникации И. Узденовой адресация становится организующим фактором художественного сознания (А. Грину, Э. По, Э. Диккенсон и т.д.). Однако историзм и усиление философического начала в лирике — факт поэтического процесса, как писал Р. Эмерсон: «Наша эпоха была обращена к прошлому. Она увлечена жизнеописаниями, историей, литературными штудиями» [11. С. 45].

Примечательно, то что другой сборник, датированный 2018 годом, представляет собой совершенно иную авторскую концепцию, которая очень далека от философии романтизма, от Д. Байрона, А. Пушкина. Книга «Пламя свободы» посвящена теме памяти о Великой Отечественной войне.

В данном аспекте важно отметить, что в одном из исследований мы выдвинули гипотезу о том, что «в творчестве молодых наблюдается усиление интереса к национальной картине мира... Меньше внимания уделяется глобальным социальным проблемам действительности и изображению исторических событий (к примеру, тема Великой Отечественной войны)» [12. С. 250]. Безусловно, в некотором отношении эта тенденция теряет силу. Вместе с тем речь шла о текстах на родном языке. Также она доказательно подкреплена на примере русских авторов XXI века, которые сознательно обходят патриотическую тематику, заостряя свое внимание на принципе вакуумного развития, актуализируя насущные проблемы бытия [13]. Но сборник карачаевки Ирины Узденовой в некотором плане восполняет данный пробел наличием патриотических мотивов о войне.

Отрадно, что в условиях нового времени у этнического автора появляются не только отдельные стихи, а целый сборник, посвященный теме памяти. Бесспорно, данный феномен заслуживает особого внимания и более пристального изучения со стороны литературоведов. Интерес подкрепляется еще и с точки зрения социокультурного фактора: это новый взгляд на осмысление исторических событий, данный автором третьего поколения после войны.

Поэтесса намеренно обходит актуальные для русской поэзии XXI века тенденции — закодированность авторской мысли, «засоренность» поэтического языка элементами бытовой и ненормативной лексики, просторечие, использование аллитераций, придающих жесткость стихотворному тексту. Впечатляет то, что

И. Узденова «ограждает» свой текст от нетрадиционных в классическом понимании проблем, таких, как субкультурные влияния, психологические и личностные проблемы человека (часто имеющие сексуальную окраску).

Тема войны репрезентирована в ее текстах в мотивах разлуки, памяти, дороги, автор также затрагивает актуальную проблему о «забытых героях»:

Лишь у небес есть вечный дивный свет
Тех звезд, что призваны героев славить,
Неизгладимый след ушедших лет,
А у земли есть память, память, память...
[14. С. 5]

Обостренное внимание поэтессы к таким этическим категориям, как *выбор*, *долг*, *ответственность* и использование «военной лексики» («Минное поле», «С небес», «Клятва», «Гроб войне», «Правда военкора», «Из дневника врача», «Один за всех») сближают ее творчество с писателями-фронтовиками, такими как А. Межиров, Б. Окуджава, Д. Самойлов и т.д. [14].

Лирический субъект поэзии И. Узденовой лишен конкретности, он представляет собой своеобразно обобщенный концентрат героического без какой-либо определенной индивидуальности. Отсутствие склонности к детализации, изображению «портретов», вплетение в текст множества фактических деталей и документальных свидетельств, в которых исчезают приметы личности и остается не человек, а легенда, некая притча о мужестве, также позволяют нам рассуждать о неких параллелях с вышеозначенными писателями:

О нас забудут даже сводки,
Ну что ж, таков удел бойцов —
Пойдут солдатские пилотки
Нам вместо нимбов и венцов.
[14. С. 80]

Произведения И. Узденовой характеризуются глубоким патриотизмом: «И жизни не жалел, врагов губя, как кровь свою для Родины пролил?...Я помню за тебя и за себя». Вместе с тем в стихотворениях мало негатива, ненависти к врагу, в их основе — вера в победу, чувство благодарности защитникам Родины. Также для автора важно сохранить историческую память о народной трагедии:

Святая вера нам с тобой дана,
И нам ее нельзя не оправдать —
Во всех боях, в любые времена
За них, за всех, умевших побеждать!
[14. С. 102]

Выводы

В карачаево-балкарской литературе отмечается актуализация феномена билингвизма, который может быть выражен по-разному. Нами было рассмотрено новое направление в карачаево-балкарской словесности — творчество транс-

лингвальных авторов (пишущих только на русском языке) с нетривиальной образной системой, зачастую не имеющей ничего общего с устойчивыми формульными представлениями фольклора.

У молодой когорты писателей свой стиль, свои образы, особенности стихосложения, большинство из них опираются на поэзию символа. Молодые художники слова стремятся отдалиться от реальности посредством идеализации образа. Отрадно, что ни есенинские интонации, ни бальмонтские интенции не перекрывают авторскую индивидуальность.

Безусловно, не все молодые авторы-билингвы «читаемы» в силу своей закодированности. Зашифрованность образов/мыслей создают некий барьер для непрофессионального читателя, в силу этого сужается аудитория. Для многих характерен уход от реального мира, тяготение к мистике и метафизике И. Бродского, при этом художественное творчество писателей-транслингвов выражается в создании собственного языка и собственной манеры письма, отличающейся от той, которая признана в традиционной национальной билингвальной поэзии. Для карачаево-балкарской словесности это новое направление, первый опыт обращения русскоязычных авторов к европейской культурной парадигме посредством русской литературы Серебряного века. Интуитивный характер синкретизма сопутствует поэтическому «дуализму», который иногда субъективен, но не лишает поэзию новизны.

Список литературы

1. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М. : Высшая школа, 1989.
2. *Померанц Г.С.* Европейское наследие в становлении глобального диалога культур // Актуальные проблемы Европы. 2000. № 2. С. 15—35.
3. *Арсеньев Н.С.* Из русской культурной и творческой традиции. Франкфурт-на-Майне, 1959.
4. *Кабакчи В.В., Юзефович Н.Г.* Инолингвокультурный субстрат в межкультурной коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 3 (12). С. 95—101.
5. *Пильгун М.А.* Мультимедийный текст: особенности функционирования и перспективы развития // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2015. Т. 157. С. 197—201.
6. *Верещагин Е.М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М. : Изд-во МГУ, 1970.
7. *Прошина З.Г.* Транслингвизм и его прикладное значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 2. С. 155—170.
8. Поэтическая строка. Новые имена в поэзии / сост. Р. Рубанов. М. : Фонд СЭИП, 2015.
9. *Узденова И.* Соловьиное сердце. Стихи. Пятигорск : Северо-Кавказское изд-во, 2002.
10. *Круглова Т.С.* Жанр лирического посвящения в лирике М. Цветаевой // Вятский вестник. 2009. № 2-2. С. 149—147.
11. *Эмерсон Р.У.* Нравственная философия: Харвест. М. : АСТ, 2001.
12. *Керимова Р.А.* Этнокультурное пространство современной карачаево-балкарской поэзии // Вопросы литературы. 2019. № 4. С. 247—259.
13. *Соболева Л.С., Турчина Н.П.* Образ великой отечественной войны в стихотворениях русских поэтов // Материалы VIII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум».
14. *Узденова И.* Пламя победы. Кисловодск : КГТИ, 2018.

References

1. Veselovskij, A.N. 1989. Istoricheskaya poetika. Moscow: Vysshaya shkola. Print. (In Russ.)
2. Pomerants, G.S. 2000. "Evropejskoe nasledie v stanovlenii global'nogo dialoga kul'tu". Aktual'nye problemy Evropy: 15—35. Print. (In Russ.)
3. Arsen'ev, N.S. 1959. Iz russkoj kul'turnoj i tvorcheskoj tradicii. Frankfurt-na-Majne. Pp. 7—8. Print. (In Russ.)
4. Kabakchi, V.V., and N.G. YUzefovich. 2007. "Inolingvokul'turnyj substrat v mezhkul'turnoj kommunikacii". Voprosy kognitivnoj lingvistiki 3 (12): 95—101. Print. (In Russ.)
5. Pil'gun, M.A. 2015. "Mul'timedijnyj tekst: osobennosti funkcionirovaniya i perspektivy razvitiya". Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki 157, 2015: 197—201. Print. (In Russ.)
6. Vereshchagin, E.M. 1970. Psihologicheskaya i metodicheskaya harakteristika dvuyazychiya (bilingvizma). Moscow: MGU. Print. (In Russ.)
7. Proshina, Z.G. 2017. "Translingvizm i ego prikladnoe znachenie". Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost' 14(2): 155—170. Print. (In Russ.)
8. Poeticheskaya stroka. Novye imena v poezii. Moscow: Fond SEIP, 2015. Print. (In Russ.)
9. Uzdenova, I. 2002. Solov'inoe serdce. Stihi. Pyatigorsk: Severo-Kavkazskoe izd-vo. Print. (In Russ.)
10. Kruglova, T.S. 2009. "Zhanr liricheskogo posvyashcheniya v lirike M. Cvetaevoj". Vyatskij vestnik 2(2): 149—147. Print. (In Russ.)
11. Emerson, R.U. 2001. Nravstvennaya filosofiya: Harvest, Moscow: AST. Print. (In Russ.)
12. Kerimova, R.A. 2019. "Etnokul'turnoe prostranstvo sovremennoj karachaevsko-balkarskoj poezii". Voprosy literatury 4: 247—259. Print. (In Russ.)
13. Soboleva, L.S., and N.P. Turchina. "Obraz velikoj otechestvennoj vojny v stihotvorenijah russkich poetov" in Materialy VIII Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchnoj konferencii «Studencheskij nauchnyj forum» Proceedings. Print. (In Russ.)
14. Uzdenova, I. 2018. Plamya pobedy. Kislovodsk: KGTI. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Керимова Раузат Абдуллаховна — кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований — филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН». E-mail: k.roza07@mail.ru

Bio Note:

Rauzat A. Kerimova is a Candidate of Philological Sciences, Researcher of the Karachay-Balkar Literature Branch of the Institute for Humanitarian Research, Federal State Budget Scientific Institution "Federal Research Center", Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences". E-mail: k.roza07@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-495-504

Научная статья

«Нерусское в русском»: заметки о транслингвальной литературе и поэзии И. Хугаева

Ш.А. Кулиева, В.П. Синячкин

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, Миклухо-Маклая, 6

Рассматривается актуальная для современной филологии проблема русскоязычной литературы, которая является органической частью литературы транслингвальной. Произведения, созданные на русском языке этнически нерусскими авторами, характеризуются наличием в них этнического субстрата — «внутренней формы культуры», актуализируемой как на уровне отдельных лексических элементов, так и на уровне микро- и макросюжетов, скриптов-импликаций, мифологем и культурем. Материалом исследования послужили отдельные стихотворения известного северо-осетинского поэта И.С. Хугаева. Выборка произведений осуществлялась с учетом наличия в них «непрозрачных» этнокультурных элементов, сообщающих русскоязычному читателю важные сведения о транслируемой в поэтическом тексте исходной культуре, а также реконструкции в них фрагментов национальной «модели мира», воссоздаваемой в стихотворениях.

Ключевые слова: транслингвальная литература, русскоязычная литература, осетинская русскоязычная поэзия, И. Хугаев, национальные образы мира

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 06.06.2020

Дата принятия к печати: 29.05.2020

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Кулиева Ш.А., Синячкин В.П. «Нерусское в русском»: заметки о транслингвальной литературе и поэзии И. Хугаева // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 4. С. 495–504. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-495-504

© Кулиева Ш.А., Синячкин В.П., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

“Non-Russian in Russian”: Notes on Translingual Literature and Poetry by I. Khugaev

Sh.A. Kulieva, V.P. Sinyachkin

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya, Moscow, 117198, Russian Federation

This article is devoted to the comprehension of Russian-language literature problem, which is an organic part of translingual literature, relevant for modern philology. Works created in Russian by ethnically non-Russian authors are characterized by their ethnic substrate — an “internal form of culture”, which is actualized both at the level of individual lexical elements and at the level of micro- and macro-plots, script implications, mythologemes and culture codes. The study was based on selected poems by the outstanding North Ossetian poet I.S. Khugaev. The selection of works was carried out taking into account the presence of “opaque” ethno-cultural elements that represent important information about the original culture transmitted in the poetic text, as well as the reconstruction of fragments of the national “model of the world” in them, recreated in poems.

Key words: translingual literature, Russian-language literature, Ossetian Russian-language poetry, I. Khugaev, national images of the world

Article history:

Received: 06.06.2020

Accepted: 29.09.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Kulieva, Sh.A., and V.P. Sinyachkin. 2020. ““Non-Russian in Russian”: Notes on Translingual Literature and Poetry by I. Khugaev”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (4), 495—504. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-495-504

Введение

Мы живем в эпоху перемен. Приметы времени постнеклассической рациональности противоречивы: формирование виртуального социума, «клиповое» сознание, глокализация как процессы унификации и интеграции происходят одновременно с процессами этнокультурной, политической, языковой дифференциации. Антиномическое действие этих тенденций сигнализирует об усложнении всего глобального сообщества: дифференциация есть движение от других в сторону собственной уникальности, интеграция — надличностное единство людей и концепций, а их взаимодействие порождает сложность, свидетельствующую о качественном росте индивидуума / коллектива (М. Чиксентмихайи).

Такое общество зачастую стремится преодолеть замкнутость языков, культур и ценностных установок; его можно определить как транскультурное. В его контексте возникают условия для развития транслингвизма — «пограничного» языкового статуса би- или полилингвальной личности в смешанном дискурсе.

По мнению автора «Транслингвального воображения» С. Келлмана, транслингвизм — явление такое же древнее, как сам мифический Вавилон. “War, disease, famine, tyranny, terrorism, natural disaster, and economic hardship have contributed to an unprecedented movement of human beings in recent decades. Migrants now constitute 3,4 percent of the world’s population. Many of them adopt the language of their new host nation. Not all migrants are writers and not all translinguals are migrants. But unprecedented mobility is surely a factor in burgeoning of translingual literature. Also are canons, when the chances of writing a bestseller are much greater in English and Chinese, each of which has more than one billion speakers, than Maltese, which has barely half a million speakers. Latin, Sanskrit, Persian, Arabic, Spanish, Russian, Chinese, and English have been the languages of powerful empires, whose subjects were encouraged to adopt the dominant language, even if it was not their maternal tongue. The canon of Latin literature, for example, was a non-small measure of the creation of men who adopted the language of Rome, even though there were like “Seneca” Quintilian, Martial, and Lukan from Spain. Let’s just say that when translingual writing is currently flourishing it possesses an ancient pedigree” [1. P. 10].

Специфично и то, что постсоветские транслингвальные авторы, «номады семиотических пространств», не являются в строгом смысле «культурно мобильными писателями», преодолевающими реальные географические границы мира в потоках миграции, космополитического номадизма или эскапизма. Это, по словам У.М. Бахтикиреевой и О.А. Валиковой [2], люди внешне «оседлые» и в то же время раскрепощенные интеллектуально. В непрерывном акте художественной космогонии они задействуют средства нескольких культур, создавая усложненные, потенциально не завершимые креативные дискурсы и при этом не стремясь «расшатать изнутри господствующий язык». Выбор языка для этих писателей не сводится к выбору идентичности. В процессе творчества рождается тот непереволимый этнический остаток, та «зона непрозрачности», которые и делают транслингвальный текст по-своему уникальным [3].

Обсуждение

Попробуем проиллюстрировать наши наблюдения на примере отдельных стихотворений сборника «Вериги воли: книга стихов и стихий» [4] северо-осетинского поэта Ирлана Сергеевича Хугаева. И. Хугаев — авторитетный филолог, исследователь русскоязычной осетинской литературы; преподаватель вузов Владикавказа и Москвы, ведущий научный сотрудник Владикавказского научного центра РАН и РСО-А; прозаик (сборник рассказов «Созерцание Абакума») и поэт, чьи стихи публикуются в литературных журналах Москвы, Красноярска, Ставрополя, Пятигорска, Владикавказа, Сан-Франциско; сценарист и актер. Осетин Хугаев пишет на русском языке; его поэзия — это диалог с мировой культурной

традицией. Она открыта, интертекстуальна, пластична на уровне читательской рецепции: каждое стихотворение может быть амплифицировано множеством дополнительных смыслов в зависимости от культурного «бэкграунда» воспринимающего сознания адресата. Это, по формулировке У.М. Бахтикиреевой, «межкультурная коммуникация в художественном измерении». В стихотворении «Полиглот» Хугаев подчеркивает, что «не человек владеет языком — язык владеет человеком», и объясняет свое русскоязычие так:

Будь сотни языков я господин —
моей душой сполна
владеет лишь один.

Хугаев — автор в высшей степени интеллектуальный. Его поэзия многослойна; на уровне метатекста это палимпсест, многоуровневое семиотическое пространство, пронизанное различными культурными кодами: этнокультурными элементами, философемами различных систем и направлений (от мировоззренческих концепций античности до библейских сюжетов, от философии нового времени до «философии жизни», от принципов даосизма до постмодернистских теорий). Стихотворения Хугаева очень разноплановы: это и философские размышления о сущности бытия, и лирические миниатюры, и остросоциальные «наброски». Автор мастерски владеет словом, обыгрывает его внутреннюю форму («Блажь и благо»), играет на внутренних созвучиях («Утрата утра», «Нега снега») и привносит в семантически сближенные элементы заголовочных комплексов антиномические смыслы, превращая синонимы в противоположенные по значению образы дихотомии: «Часы и время», «Путь и направление», «Век и вечность». Стихи Хугаева — это «стихии»: именно так озаглавлен каждый из поэтических разделов сборника «Вериги воли» [4], состоящего из семи «стихий», каждая из которых имеет собственный подзаголовок: «Утрата утра», «Междущарствие», «Крупная игра», «Дети плача», «Бессонница», «Доктор Боль», «Творцы дворцов». Думается, сакральное числовое деление сборника на стихии неслучайно: оно соответствует семи дням ветхозаветного сотворения мира, актуализируя роль творящего субъекта поэтического универсума: Демиург. Герменевтический потенциал каждого из разделов сборника неисчерпаем; в рамках данной статьи мы остановимся на отдельных стихотворениях, в которых зримо выражена «внутренняя форма культуры», в которых, по формулировке Г.Д. Гачева, присутствуют «национальные образы мира».

Рассмотрим стихотворение «Горец»:

I

Построил горец башню,
Построил горец склеп,
Потом пошел на пашню,
Чтоб был у горца хлеб.
Потом сестру Алдара
Сосватал: рьян и рад,
Отару из Кизляра
Пригнал ему в ирад.

II

Когда отцы суровы,
Сыны не огорчат:
Родил горянку-дочку
И семерых горчат.
Те краше стали скоро
Казбека с Джимарой —
И за родные горы
Стояли все горой.

III

Как обросли усами,
Женились молодцы,
И скоро стали сами
Счастливые отцы.
Старик, обыкновенно
Хоть дома, не скучал:
Сажая на колени,
Внучат своих качал.
И сказывал нередко
Про Нартов-удальцов,
О жизни славной предков,
Праотцев и отцов.

IV

И гор святые духи
Благословили дом —
Чтоб не узнал разрухи
Ни завтра, ни потом.
Благословил и славил
Богов, наполнив рог,
Старик, суровых правил,
Пока не занемог.

V

Когда скончался горец,
Ему отдали честь:
Премного было горя,
А горцев — так не счеть.
И молча облачили
В богатый серый креп,
И в склепе положили —
И положили хлеб.

Перед нами — поэтическая летопись человеческой жизни. Каждый ее элемент обретает в стихотворении значение символа, и символы эти связаны с первовеществом космоса горца — камнем. В книге «Национальные образы мира. Евра-

зия — космос кочевника, земледельца и горца» Г.Д. Гачев отмечает, что архетипическая модель мира для горца выражена через образ Мировой горы, неизменной, «пребывающей вечно», когда все, совершаемое людьми (подвиги и грехи, добро и зло) не рассеивается в круговороте жизни (в противовес космосу, например, кочевника), но остается в веках. Отсюда — «космос совести, космос памяти» [5. С. 305]. В горах разворачивается «мифологема мировой истории», и человек — «единственно трепетное, живое существо» — становится главным носителем чувствительности и изменений. Энтелехия горца, по Гачеву, не расширение, но «экзистенциальное углубление», когда нет цели, но есть Целое, которое следует познать и сохранить. В архетипе горца явлен полиперсонализм, многоличностность, выраженная не в категории «мы», но во взаимозависимости, взаимообусловленности душ в едином действии, в устремленности друг к другу. Нет «субъективной личности», но есть «личность родовая». Уже в первых двух строках первой строфы — символы жизни и смерти: башня и склеп; оба сооружения — *каменные*: первое — башня — воплощение идеи незыблемости уклада, защиты, традиции; второе — склеп, или, как он именуется в Северной Осетии, «родовая башня» — последнее родовое пристанище, сохранность (вне прямой связи с землей). И башня, и склеп суть репрезентации модели горы: сужающиеся кверху, устремленные вершиной ввысь, это вещественные микрокосмы жизни и смерти. Симптоматично, что создание места для жизни и смерти — показатель социальной зрелости личности: только соорудив собственное пространство для бытия-ствования, горец может обрести новый статус: жениться. Герой поэтической летописи — горец — сватает сестру Алдара — князя, землевладельца, представителя большого сильного клана, и платит за нее выкуп — *ирад*. Во второй строфе — изложение принципов воспитания (суровость отцов), родовая преемственность традиций. Дети сравниваются с вершинами Казбека и Джимара-хох — живописными и самыми высокими горами Осетии. Это сравнение — эталонно; в нем эксплицирована идея высшей красоты как категории Абсолюта. Готовность «стоять горой» за родные горы — этническое предписание, скрипт: таково предназначение и долг истинного горца (вновь актуализируемая идея сохранения своего национального космоса). Преемственность — ключевой внутренний сюжет последующих строф: сыновья становятся отцами, горец передает знания о славной жизни предков следующим поколениям (нарти — герои осетинского национального эпоса). Горец живет по *совести* (один из базисных концептов осетинской языковой картины мира): он благодарит богов и славит предков. Интересна интертекстуальная перекличка последних двух строк четвертой строфы с пушкинским «Евгением Онегиным»: «Старик, суровых правил, / Пока не занемог» — если роман в стихах Пушкина — «энциклопедия русской жизни», то стихотворение Хугаева — летопись жизни «горской». Горец, оплаканный бесчисленными собратями, положен в склеп в богатом облачении: таково требование осетинского погребального обряда. Умерший должен предстать перед предками в праздничном наряде, чтобы ему не пришлось устыдиться на том свете. Голод покойного должен быть обязательно утолен: вот почему живые кладут вместе с умершим хлеб, символ его каждодневного созидательного труда [6].

Стихотворение «Горец» — это во многих смыслах стихотворение о культуре: культуре долга и чести, культуре истинных человеческих ценностей и отношений между людьми. В одном из интервью И. Хугаев сказал: «Культуру создает человек, стоящий прямо на земле, а не на асфальте. Еще Шпенглер показал, что цивилизация — конец культуры. Но чему мы точно можем противостоять, так это алчности в себе и в других. Я недавно где-то написал: “Не для того же мы собираемся в города, чтобы пить друг другу кровь”. Традиционная национальная культура всегда аристократична, всегда антибуржуазна. Ни в одной традиционной культуре нет культа денег. А у нас уже есть. И он выдавливает тихой сапой все остальные культы, освященные веками. В недавнем интервью Оксана Елоева спрашивала меня о культуре, и мне не удалось внятно ответить... Культура — это то, что мы культивируем. Валерий Гергиев как-то сказал, что культура — это то, как мы хороним. Это прекрасно, но я бы расширил: культура — это то, как мы относимся не только к мертвым, но и к живым: как мы относимся друг к другу, какими мерками друг друга меряем» (<https://sputnik-ossetia.ru/analytics/20171107/5207884.html>).

О национальном характере, истории края и вековых традициях повествует стихотворение «Город-крепость. Новейший петроглиф». Это — гимн осетину и его городу, космосу совести, чтимому закону высшей правды, нерушимости ее заветов. Имя города в стихотворении не названо, но комплекс поэтических его характеристик позволяет безошибочно определить сердце Северной Осетии: пасмурный и блестящий город-воин, город чародей, родившийся на перекрестке «золотых и шелковых путей», родной брат Цхинвалу, на гербе которого изображены «лед Казбека и врата заветные с ключом» — это Владикавказ. Каков город — таков и народ:

он друзьям приют дает от века
а врагу не сдастся нипочем

он не любит шум
он смирен в споре
он на ветер не бросает слов
он не только сдержан
если горе
даже в праздник он почти суров

потому твои вручат заботам
духи гор
предвечное жильё
правды быть незыблемым оплотом
нерушимой крепостью ее.

Поразительное стихотворение-завет о том, что следует помнить родную землю — в пространстве и времени — «Имярек». «Имярек» — экземплификант в церковной литературе, слово, которое надлежит ставить в месте, где должно быть указано имя лица, за которого возносится молитва, или замещающее имя лица, пишущего документ по образцу. Хугаев обыгрывает это слово: «— Что такое имярек? / — Имя всех на свете рек». Стихотворение построено как диалог между от-

цом и сыном; отец объясняет сыну, что если мальчик «имя рек» — он «не мальчик, человек», «он уже большой и сильный, как одна из этих рек» — и ему нужно «вплоть до моря помнить горы, родники и облака». Как видим, категория преемственности знаний, предписаний и сакральных смыслов у Хугаева рекуррентна.

Особое внимание Хугаев уделяет судьбе осетинского языка. В трехстишии «Ирон Авзаг» поэт пишет:

Все реже смеется, все чаще плачет
Слезами своих последних поэтов,
Но больше молчит, как старая башня.

Это стихотворение — горькая констатация утраты осетинским языком полного спектра его функциональных полномочий: в настоящее время владеющих им насчитывается не более 540 тысяч, и его коммуникативно-эстетическая сфера довольно ограничена: поэт сокрушается о том, что ирон авзаг перестает быть языком высокой литературы, «уходит в молчание» — неслучайно сравнение его со старой башней (образ камня: безмолвие). Неслучайно олицетворение «смеется»: смех есть акт жизни; в архаическом мировоззрении многих народов он символизирует процесс творения, «колебания» вещества, космогонии. Смех — это дыхание, выдох; выдох же имплицитно связан со словом, которое тоже рождается на выдохе. Об этом Хугаев пишет в стихотворении «Дыхание»:

песнопенье есть дыханье
и творение стиха
тоже воздух
воздыханье
ни хи-хи
и ни ха-ха

вдохновенье
это вдох
слово
это выдох
вздых
либо
ах
либо ох
кто не дышит
то издох.

Нынешнее состояние осетинского языка — плач и молчание (умирание).

Но живет и развивается осетинская литература — живет, в частности, в Логосе русского языка, транслируя во внешнее пространство самобытный мир осетинской культуры. Как пишет сам И. Хугаев, «ныне покойные Руслан Тотров, Георгий Тедеев, Сергей Кабалоти и другие, ныне здравствующие Ирина Гурджибекова, Ада Томаева, Алан Черчесов, Зинаида Битарова, Руслан Бекуров, Тамерлан Тадтаев, Денис Бугулов, Чермен Дудаев, Азамат Габуев, Милена Тедеева и другие — вот современная осетинская русскоязычная литература. Хотя, строго

говоря, это только гипотеза; надо изучать. Надо понять, из осетинской ли почвы растут их деревья. Но если в саду того или иного писателя растет хоть один национальный цветок, то и весь сад наш, осетинский. Один цветок меняет весь ландшафт. Потому что не может осетинский цветок оказаться в саду писателя, осетина по национальности, совершенно случайно. Впрочем, дело ведь не в научных вопросах. Просто надо читать» (<https://sputnik-ossetia.ru/analytics/20171107/5207884.html>). Творчество И. Хугаева вносит неопределимый вклад в развитие русскоязычной осетинской литературы. Осмысление этого творчества — гносеологически сложная задача, которую современному литературоведению еще предстоит решить. Мы же попытались показать, как проявляется в русскоязычном тексте «этнический субстрат» (И. Хугаев) и как соприкосновение с такого уровня Поэзией способно усовершенствовать оптику нашего восприятия мира — мира многомерного, сложного и полилингвильного по своей природе.

Заключение

Поэзия Ирлана Хугаева полилингвильна. Избрав русский язык формой выражения своих поэтических интуиций, Хугаев создает лирику в высшей степени философскую: в ней синергетически взаимодействуют стихия мифа, сакральность религиозного текста, звучащий голос родной культуры. Пронизанность его текстов культурными кодами, апеллирующими к шедеврам мировой культуры, создают пространство интенсивного диалога с гениями прошлого и настоящего — и, что особенно важно, с Читателем, к которому поэзия Хугаева предъявляет высокие требования. «Национальные образы мира», «мерцающие» (по формулировке М. Глостановой) сквозь русскоязычный текст, не только обеспечивают вещественно-зримое восприятие осетинской языковой картины мира, но сообщают этой «картине» многомерность, «посюсторонность» (А. Лосев). Поэзия Хугаева — не фикция, не миф, не аффект; это, как говорил А. Лосев о категории мифа, — «чудо», которое поэт и читатель переживают совместно — в акте со-творчества.

Список литературы

1. *Kellman S.G.* “Translingual Writers: Introductory Notes”. *Polylinguality and Transcultural Practices*. 2019. 16 (1). Pp. 9—12. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-9-12
2. *Bakhtikireeva U.M., Valikova O.A.* “Among the Worlds”: Post-Soviet Translingual Literature” in 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM. Conference Proceedings. Sofia, 2017. Pp. 391—398.
3. *Глостанова М.В.* Жить никогда, писать ниоткуда. Постсоветская литература и эстетика транскulturации. М. : URSS, 2004.
4. *Хугаев И.С.* Вериги воли: книга стихов и стихий. Владикавказ : Ир, 2013.
5. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца. М. : Институт ДИ-ДИК, 1999.
6. *Цахилов О.Л.* Погребальный ритуал осетин в прошлом и настоящем // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 43-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pogrebalnyy-ritual-osetin-v-proshlom-i-nastoyaschem> (дата обращения: 14.05.2020).

References

1. Kellman, S.G. 2019. "Translingual Writers: Introductory Notes". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (1), 9—12. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-9-12. Print.
2. Bakhtikireeva, U.M., and Valikova O.A. 2017. "Among the Worlds": Post-Soviet Translingual Literature" in 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM. Conference Proceedings. Sofia, 2017. Pp. 391—398. Print.
3. Tlostanova, M.V. 2004. *Zhit' nikogda, pisat' niotkuda*. Postsovetskaya literatura i estetika transkul'turacii. Moscow: URSS. Print. (In Russ.)
4. Hugaev, I.S. 2013. *Verigi voli: kniga stihov i stihij*. Vladikavkaz: Ir. Print. (In Russ.)
5. Gachev, G.D. 1999. *Nacional'nye obrazy mira. Evraziya — kosmos kochevnika, zemledel'ca i gorca*. Moscow: Institut DI-DIK. Print. (In Russ.)
6. Cahilov, O.L. 2007. "Pogrebal'nyj ritual osetin v proshlom i nastoyashchem". *Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena* 43(1). Web. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pogrebalnyy-ritual-osetin-v-proshlom-i-nastoyaschem> (Access: 14.05.2020).

Сведения об авторах:

Кулиева Шекер Авдыевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. E-mail: shekkul@mail.ru

Синячкин Владимир Павлович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов. E-mail: word@list.ru

Bio Notes:

Sheker A. Kulieva is a Candidate in History, Docent of the Department of Foreign Languages Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: shekkul@mail.ru

Vladimir P. Sinyachkin is a Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language and Intercultural Communication of the Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: word@list.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-505-513

Научная статья

Северная Африка сквозь призму восприятия русских путешественников: Алжир, Тунис, Египет в русских травелогах

С.С. Мулахи

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Статья посвящена анализу текстов русских путешественников о североафриканских странах (Алжир, Тунис, Египет) в период с конца XIX века до начала XX века. Рассматривается восприятие данной географической территории русскими путешественниками в литературных травелогах. Северная Африка в обозначенный период времени рассматривалась не только как колыбель древних и великих цивилизаций, но и как европеизированная, модернизированная территория стран арабского ареала. Проанализированные в статье травелоги дают возможность выделить в них две разных культурных картины мира — Северной Африки и отраженной в ней картины мира Западной Европы.

Ключевые слова: Северная Африка, имагология, литературный травелог, путевые заметки, русские путешественники

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27.04.2020

Дата принятия к печати: 29.05.2020

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Мулахи С.С. Северная Африка сквозь призму восприятия русских путешественников: Алжир, Тунис, Египет в русских травелогах // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 4. С. 505–513. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-505-513

© Мулахи С.С., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

North Africa in Russian Travelers Perception: Algeria, Tunisia, Egypt in Russian Travelogues

S.S. Mulakhi Samikha

Peoples' Friendship University of Russia
10, bldg. 2, Str. Miklukho-Maklaya, Moscow, 117198, Russian Federation

The article is devoted to the analysis of Russian travelers' ideas about North African countries (Algeria, Tunisia, Egypt) in the period from the end of the XIX century to the beginning of the XX century. The paper considers the perception of this geographical area by Russian travelers in literary travelogues. North Africa in the designated period of time was considered not only as the cradle of ancient and great civilization, but also as a Europeanized, modernized territory of the Arab area. The travelogues analyzed in the article make it possible to distinguish in them two different cultural pictures of the world — North Africa and the picture of the world of Western Europe reflected in it.

Key words: North Africa, imagology, literary travel guide, travel notes, Russian travelers

Article history:

Received: 27.04.2020

Accepted: 29.05.2020

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Mulakhi, S.S. 2020. "North Africa in Russian Travelers Perception: Algeria, Tunisia, Egypt in Russian Travelogues". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (4), 505—513. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-505-513

Введение

Изучение национальной культуры, отраженной в таких литературных произведениях, как путевые заметки, занимает важное место в областях сравнительного литературоведения и истории литературы. Активный интерес исследователей к анализу и интерпретации различных культур на базе литературных источников привел к тому, что уже в начале XX века в литературоведении возникло новое направление — имагология.

Существенное внимание разработке термина «имагология» было уделено в работах таких исследователей, как Д.-А. Пажо, А.Н. Веселовский, Ж.М. Карре, М.Ф. Гийар. Так, Д.А. Пажо определяет имагологию как науку об изучении сложных механизмов «формирования имиджей и образов “чужого” под воздействием политических, исторических, социокультурных и прочих факторов» [цит. по: 1. С. 252].

А.Н. Веселовский в своих трудах, посвященных сравнительному литературоведению, также изучал возможности передачи литературных образов в процессе перевода литературного произведения с одного языка на другой [2].

В данной статье мы придерживаемся термина, выдвинутого А.Р. Ощепко, а именно: «имагология — это сфера исследований в разных гуманитарных дисциплинах, занимающаяся изучением образа “чужого” (чужой страны, культуры, народа и т.д.) в общественном, культурном и литературном сознании того или иного народа, эпохи» [1. С. 253]. Данная трактовка термина представляется наиболее верной, так как имагология прежде всего изучает образ «чужого» как стереотип национального сознания, т.е. как эмоционально насыщенное представление о «чужом», сформировавшееся в конкретной социально-исторической среде.

Важным материалом и источником имагологических исследований служат путевые заметки, в которых в достаточно эмоциональной форме выражены образы «чужого». На базе данного литературного жанра — путевых заметок — исследователями был выделен более узкий жанр, посвященный исключительно историко-социальному изучению новых земель в процессе путешествия — травелог. О.Н. Кулишкина определяет травелог как жанр, «тематизирующий идею “открывания новых пространств” (пересечения границ, столкновения “своего” и “чужого”)» [3. С. 230].

Известно, что в конце XIX века Северная Африка стала популярным направлением среди русских путешественников, привлекательным местом для работы разного рода специалистов — инженеров, геологов, медиков, историков, получивших возможность реализовать свои профессиональные навыки на новой территории и в новых социально-культурных условиях.

Конец XIX — начало XX века являются важным периодом в судьбе народов Алжира, Туниса и Египта, так как именно в это время на территориях этих стран стали ясно видны последствия колонизации и модернизации.

Актуальность статьи заключается в анализе текстов русских травелогов и отраженного в них понимания путешественниками специфики социокультурных и политических реалий арабского мира Северной Африки конца XIX — начала XX века.

Материалом статьи послужили травелоги русских авторов, путешествовавших по Алжиру, Тунису и Египту в период с конца XIX до начала XX века, а именно: «Испания. Алжир. Тунис» П.А. Чихачева (1880); «Египет: Александрия, Каир, его окрестности, Саккара и берега Нила до первых порогов» В.А. Михайловича (1884); «Приключения и впечатления в Италии и Египте» В.Л. Дедлова (1887); «Египет» С.Я. Елпатьевского (1911); «По Африке на автомобиле. Путевые впечатления» Е.М. Кузьмина (1914); «Из поездки на Север Африки» А.И. Дмитриева (1917).

Обсуждение

Путешествие в другую страну имеет важное значение в плане осмысления не только географического, но и социально-культурного пространства. Оно способствует формированию образа и имиджа иной культуры, народа — носителя этой

культуры. В процессе путешествия формируются концептуальные представления о «своем» и «чужом» / «другом», которые напрямую связаны «с языком и культурой, так как они включают в себя как предметную отнесенность, так и коммуникативно значимую информацию» [4. С. 99].

В представленных травелогах были сформированы стереотипные представления о странах Северной Африки, т.е. в образовании образа «другого» или «чужого» особое место занимает совокупность восточных стереотипов, присущих представителям европейского менталитета. Так, «араб» в текстах русских путешественников часто описывается как таинственный, загадочный наследник великой цивилизации, но в то же время — вор или мошенник.

Стоит отметить, что все русские путешественники лично встречались с арабами и имели возможность наладить межличностные отношения. В своих травелогах авторы описывают конкретных людей, называют их имена, рассказывают об их семьях и профессиях, но, несмотря на это, путешественники часто прибегают к обобщению: они описывают всех «арабов» с помощью таких прилагательных, как «великолепные», «разноцветные», «многоцветные», «грязные» и т.д. Травелоги содержат частое использование собирательных существительных, таких как «толпа», «народ» или «люди», что подчеркивает незначительность для путешественников личного начала в представителях арабского мира.

Анализируя работы европейских авторов, Э. Саид писал о тенденции представить Восток спектаклем, выставкой, которая исключительно подходит западному уму: иными словами, Восток превращается в сцену, где его обитатели — актеры или марионетки, развлекающие европейский глаз. Поэтому неудивительно, что в травелогах русских путешественников можно обнаружить стремление к «театрализации» происходящего в Алжире, Тунисе и Египте. Так, А.И. Дмитриев пишет: «На улицах они [арабы] производят впечатление артистов из балета» [5. С. 37].

Отдельное внимание путешественники уделяют экзотической природе стран Северной Африки: описания красочных садов и райских оазисов часто встречаются в подобного рода произведения. Живописность восточных пейзажей восхищает авторов. Е.М. Кузьмин описывал деревню Бискра в Алжире следующим образом: «Как все картинно, и красиво, и поэтично!» [5. С. 162].

В то же время, когда североафриканская действительность не соответствовала классическому образу жаркого, солнечного места, интерес путешественников занимали яркие подарочные открытки: «открыток здесь бесчисленно много, и открытки хорошие: и пустыня, и пески, и солнце, и верблюд, и арап; все эффектно, африканисто, картинно, и холодный ветер с открытки не дул...» [5. С. 167].

Следующим широко распространенным стереотипом, встречающимся в травелогах, являются узкие, грозные и мрачные улицы крупных городов, например, таких как Алжир:

узкие, темные улицы, извилистые, мрачные и непроходимые, как лабиринт. Эти улицы мрачны и малолюдны, здесь живут только арабы, — старый город пользуется плохой репутацией; по ночам здесь для европейца может быть и небезопасно [5. С. 121—122].

В.М. Андреевский писал о том, как он заблудился в лабиринтах переулков Каира: столицу Египта автор называет «волшебным городом», который может легко превратиться в беспокоящий и опасный мир: «можно было подумать, что весь этот квартал вымер» [4. С. 58].

Авторы травелогов были удивлены, заметив, что многие аспекты жизни народов Северной Африки оказались совсем не такими, какими они им представлялись. В работах прослеживается чувство разочарования: «Трудно себе представить, что является менее африканским и величайшим, чем Александрия. Александрийская толпа тоже мало африканская и восточная» [6. С. 255—256].

В произведении Е.М. Кузьмина читаем:

— А я вот и в Африке — не вижу Африки! — заявил Энгел. — А что бы ты хотел? — Ну, чтобы были леса с обезьянами, со львами! Горы, пустыня... мало ли что еще! Африка, одним словом! [5. С. 101].

Описывая Алжир, он пришел к следующему выводу: «все, что нам удалось видеть, мало нас порадовало: все положительно перенеслось из средней Европы; ни малейшего намека на Юг, на Африку, на экзотику ...одна грусть» [5. С. 129].

Восточные стереотипы кажутся настолько глубоко укоренившимися, что авторы часто воспринимали современную Северную Африку как нечто фальшивое и неестественное. Описывая Тунис, А.П. Чихачев отмечал, что «этот город — лишь слабое отражение, бледная репродукция истинного Востока» [7. С. 287]. Так, Андреевский подчеркнул: «...все наблюдаемые черты востока... через несколько лет они совсем исчезнут» [4. С. 22].

В основе этих неизбежных изменений лежат две неразрывно связанные причины: модернизация и колонизация. Авторы поражены хаосом, царящим в восточных городах, таких как Тунис, Каир и Алжир, где машины и трамваи загрязняют воздух и грохочут на улицах:

Вообще много уголков арабского квартала и теперь еще представляют интерес для туриста и художника. Зато все остальное в Алжире совершенно не типично и не замечательно. Длиннейшие улицы грязного европейского города, что-то вроде Марселя, очень многолюдные и шумные днем и быстро пустеющие по вечерам грязные площадки, садики с полной растительностью, трамвай повсюду и толпа, не изящная, деловая, серенькая, все чем-то заняты, все куда-то спешат, бегут, толкуются [5. С. 123—124].

Вместе с тем арабские города быстро становятся очень похожими на европейские мегаполисы, теряют свои восточные черты. Ответственность за этот безвозвратный процесс несут европейские колонисты, утверждает В.М. Андреевский:

Европейский квартал растет с каждым днем, и на месте прежних кривых, узких арабских улиц и деревянных домов появляются многоэтажные здания [4. С. 31].

Е.М. Кузьмин называет европейские дома «скудной буфетно-отельной архитектурой» [5. С. 42], тогда как А.И. Дмитриев подчеркивает, что французские колонизаторы в Тунисе «значительно изменили характер города», а «безвкусное вмешательство» разрушает красоту и стиль североафриканских городов [8. С. 62].

Во время путешествия по Тунису Е.М. Кузьмин отмечал отрицательное влияние французской колонизации на столицу, которое лишает город его восточной специфики, когда «в новом городе нет решительно ничего замечательного; довольно неуклюже и неизящное здание театра и казино, внутри напоминающие притон средней руки разбойников...» [5. С. 200].

Потеря специфичности становится заметным явлением в описаниях столиц Северной Африки, которые стали напоминать самые известные города Европы. П.А. Чихачев, например, описывает современный ему Алжир следующим образом:

Сейчас жизнь в старом городе замерла, центр ее переместился в современный город. Сходя с парохода и осматриваясь, все еще думаешь, что находишься в Европе, точнее, во Франции. Эта иллюзия не рассеивается и когда видишь восточные костюмы. Поэтому что, как и в Марселе, и в Гибралтаре, здесь преобладают европейские одежды и мундиры [7. С. 74].

Крупные города удачно превратились в европейские и стали «типичными европейскими провинциями» со своими «длиннейшими улицами, многоэтажными домами, современными видами транспорта, стилем архитектуры и инфраструктурой».

А.И. Дмитриев приравнивает Алжир к Тулону или Марселю: «сам город, с трамваями, шумной толпой имеет вид французского города, вроде Тулона или маленького Марселя» [8. С. 33]. Для него «Алжир — типичная провинция. Все прочее — привозное из Франции или, вообще, Европы» [8. С. 41]. Автор пишет: «Алжир такая же Африка, как Тулон или Марсель, если не меньше, просто географический каламбур» [8. С. 132]. А.И. Дмитриев отмечает, что часть старого города Туниса «уже перестраивается, нередко вместо десятка живописных туземных домиков воздвигается одно безвкусное банальное здание в шесть этажей, и давит собой всех окружающих старичков» [8. С. 200].

Отношение русских путешественников к процессу колонизации варьируется от автора к автору; некоторые, например В.Л. Дедлов, не одобряли процесс модернизации, который лишает людей их свободы и прав. Он писал, что Каир — это новый «африканский Париж» [9. С. 264].

В своем травелогге автор критиковал европейскую цензуру, воздействующую на египетскую прессу, и неоднократно подчеркивал экономические интересы, которые преследует Запад на территориях Северной Африки. В.Л. Дедлов пишет:

Арабские газеты задавлены двойной цензурой — правительства и всемогущих европейцев. Европейские издания: “The egyptian gazette”, “Le Phare d’Alexandrie” и “Le Bosphoreegyptien” заняты или обличением гаремных дам, бьющих своих служанок, или взаимными перекорами. Читать эти перекоры и скучно, и глупо, особенно когда знаешь, что великие нации ссорятся вовсе не из-за того, кто меньше пьет, а из-за возможности грабить Египет, высасывая его кровь из суэцкой артерии [9. С. 266—267].

В.Л. Дедлов подчеркивал, что Каир является «больной столицей больной страны», в которой процент бедных людей очень высок, а насильно европеизированный народ выглядит безразличным, в то время как здания находятся в руинах:

Каир великолепен, но в этом великолепии есть нечто напоминающее, что это — большая столица больной страны. Обилие нищих, с изуродованными членами и лицами, неистовый разврат, апатичные лица европеизированных египтян, англичане с

видом урядников, нищета предместий, запустелые мечети, плохая ремонтровка великолепных дворцов, недостающие плиты широких тротуаров, зацветшая вода в роскошных бассейнах, из которых не приказано брать воду [9. С. 267].

Другие путешественники высказывались о колонизации стран Северной Африки более сдержанно, поскольку признают ее преимущества. Однако независимо от того, какую позицию в отношении колонизации отстаивали авторы, все они осуждали тот факт, что европейцы не склонны сохранять культуру местных народов:

Вместе с полезной европейской цивилизацией, с каждым днем одерживающей новые победы во всех уголках земного шара, неразлучно идет и другая цивилизация, фальшивая и пустая, привившаяся между прочим и на древних берегах Нила. Это последняя цивилизация объявила кровавую войну всему, что оригинально... она ворвалась в частные дома и заменила резные баулы и ковровые диваны дешевыми европейскими комодами и кушетками; под ее влиянием мужчины бросают свои шелковые кафтаны и чеканенные кинжалы, а в женщинах вселяется зависть к парижским модам. Свисток локомотива, несущегося по полям и пустыням, как бы смеется над выносливостью верблюда и быстротой арабского коня [9. С. 21].

Больше всего русских путешественников поражило создание на территориях Северной Африки третьего пространства, не восточного, не западного, промежуточного пространства, объединяющего элементы Запада и Востока. Так, С.Я. Елпатьевский пишет о музыке, которая является «странной смесью Европы и Азии»:

Гремит венский оркестр на моей европейской половине улицы. А напротив загораются фонари арабских и сирийский кафешантанов и несутся оттуда странные мелодии и чуждый гомон музыкальных инструментов и человеческих голосов, и все покрывает глухой задушенный звук: бум, бум, бум... [6. С. 19—20].

В.Л. Дедлов отмечал:

Всю ночь по узким улицам бродят до полусмерти пьяные английские солдаты; бродят скучающие европейцы. Европа не отстает от Азии. Она завела множество кафешантанов. И тут гремит музыка, звенят рюмки и раздаются песни [9. С. 265—266].

О сильном влиянии, которое французская культура оказала также на Египет, вспоминает С.Я. Елпатьевский, обращающий внимание на обязательное изучение французского языка в каирских школах и на огромное количество французских книг в книжных магазинах. Он утверждал, что в лучших ресторанах слышен только французский, и пришел к выводу, что французский язык стал «языком и культурой всего высшего каирского и вообще египетского общества» [6. С. 27].

Таким образом, авторы-путешественники характеризуют Северную Африку как гибридное пространство¹, где арабская идентичность и европейская культура переплетаются и сосуществуют.

¹ Под гибриднойностью здесь понимаются результаты колониального господства на территориях покоренных стран, культура которых постепенно и частично смешивается с западными. Гибридность говорит о потере определенных культурных особенностей и создание новой, смешанной культуры.

В своих травелогах они воспринимают страны Северной Африки как нечто фальшивое, искусственное и неестественное. Об этом свидетельствует частое использование множества существительных и прилагательных, связанных с эпитетом «фальшивый». В текстах можно встретить такие прилагательные, как «неестественный», «ненастоящий», «неоригинальный». Определение «подлинный» используется в текстах с целью подчеркнуть неизбежную самобытность арабских стран.

Заключение

Таким образом, имагологический метод исследования позволяет определить отношение русских путешественников к культуре стран Северной Африки. Тунис, Алжир и Египет представлены в произведениях авторов-путешественников как наследники великой культуры. Однако их ожидания почти никогда оправдываются: все они едут в северную Африку, чтобы увидеть загадочный Восток, но, приехав туда, они оказываются внутри нового Востока, который очень быстро и насильно модернизируется. Разрыв между их ожиданиями и реальным миром вызывает чувство разочарования и грусти, поскольку колонизация радикально меняет окружающий мир. Выясняется, что «чужой» Восток был поневоле осовременен Западом по европейскому образцу, став гибридом, своего рода культурной смесью арабского и европейского миров.

Отдельно стоит отметить, что, несмотря на произошедшие в странах Северной Африки изменения, русские путешественники продолжали и продолжают применять западные стереотипы к арабскому народу. Это проявляется в тенденции к обобщению, созданию коллективного образа арабов, их карикатурному, преимущественно негативному описанию.

Разных по своему социальному положению и профессиям путешественников объединяло следующее: авторы травелогов, несомненно, использовали западные стереотипы, чтобы представить себе другую реальность. Однако образы, возникающие в произведениях, свидетельствуют о том, что и Запад, и Восток по-прежнему являются для них «другими». Они приходят к такому заключению в результате своих поездок и столкновения как с европейскими колонизаторами, так и колонизированными арабами на территории третьего гибридного пространства, которое воплощает Северная Африка в конце XIX — начале XX века.

Список литературы

1. *Трыков В.П.* Имагология и имагопоэтика // Проблемы культурологии. Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3.
2. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. Л. : Гослитиздат, 1940.
3. *Ощепков А.Р.* Имагология // Проблемы культурологии. Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 251—253.
4. *Андреевский В.М.* Египет: Александрия, Каир, его окрестности, Саккара и берега Нила до первых порогов. Санкт-Петербург, 1886.
5. *Кузьмин Е.М.* По Африке на автомобиле. Путевые впечатления с фотографиями и рисунками автора. М. : Изд. «О.В. Борисов, А.А. Мятнев», 1914.
6. *Елпатьевский С.Я.* Египет. СПб., 1911.
7. *Чихачев П.А.* Испания. Алжир. Тунис. М., 1880.

8. *Дмитриев. А.И.* Из поездки на север Африки: (В 1907, 1908, 1910—1911 гг.). Петроград : Гос. тип., 1917.
9. *Дедлов В.Л.* (Кигн). Приключения и впечатления в Италии и Египте. СПб., 1887.

References

1. Trykov, V.P. 2015. “Imagologiya i imagopoetika”. *Problemy kul'turologii. Znanie. Ponimanie. Umenie* 3. Print. (In Russ.)
2. Veselovskij, A.N. 1940. *Istoricheskaya poetika*. Leningrad: Goslitizdat. Print. (In Russ.)
3. Oshchepkov, A.R. 2010. “Imagologiya”. *Znanie. Ponimanie. Umenie* 1: 251—253. Print. (In Russ.)
4. Andreevskij, V.M. 1886. *Egipet: Aleksandriya, Kair, ego okrestnosti, Sakkara i berega Nila do pervyh porogov*. Sankt-Peterburg. Print. (In Russ.)
5. Kuz'min, E.M. 1914. *Po Afrike na avtomobile. Putevye vpechatleniya s fotografijami i risunkami avtora*. Moscow: izd. O.V. Borisov, A.A. Myatiev. Print. (In Russ.)
6. Elpat'evskij, S.Ya. 1911. *Egipet*. SPb. Print. (In Russ.)
7. Chihachev, P.A. 1880. *Ispaniya. Alzhir. Tunis*. Moscow. Print. (In Russ.)
8. Dmitriev, A.I. 1917. *Iz poezdki na sever Afriki: (V 1907, 1908, 1910—1911 gg.)*. Petrograd: Gos. tip. Print. (In Russ.)
9. Dedlov, V.L. (Kign). 1887. *Priklyucheniya i vpechatleniya v Italii i Egipte*. SPb.

Сведения об авторе:

Мулахи Самиха — аспирант филологического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: samihamoulahi@gmail.com

Bio Notes:

Samiha Mulahi is a PhD student, Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: samihamoulahi@gmail.com

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-514-524

Научная статья

Результаты опроса школьников и студентов профессиональных образовательных организаций о состоянии, сохранении и развитии родных языков народов России

Т.С. Болотина¹, О.А. Данилова²

¹ Центр реализации государственной образовательной политики
и информационных технологий

Российская Федерация, 125212, Москва, Головинское шоссе, 8, корп. 2а, оф. 311

² Верконт Сервис

Российская Федерация, 109316, Москва, Волгоградский пр-т, д. 45, стр. 1, к. 86

Проблема языковой преемственности в современных условиях приобрела особую актуальность для России, численность языков и диалектов в которой напрямую связана с этническим многообразием и составляет более 270. Приобретают актуальность мероприятия, направленные на повышение у подрастающего поколения мотивации и интереса к изучению родного языка, национальной культуры. Для реализации этих мероприятий необходимо представление о реальных запросах обучающихся на языковое образование. Цель проведенного исследования — выявить мнение обучающихся общеобразовательных и профессиональных образовательных организаций по вопросам состояния, сохранения и развития языков народов России.

Ключевые слова: социологический опрос, обучающиеся, общеобразовательная организация, профессиональная образовательная организация, респонденты, этнический состав, национальная культура, родные языки, народы России

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27.06.2020

Дата принятия к печати: 29.09.2020

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Информация о финансировании:

Исследование проведено в рамках выполнения проекта «Организационно-методическое сопровождение мероприятий, направленных на популяризацию сохранения и развития

© Болотина Т.С., Данилова О.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

родных языков народов России, формирование ценностного отношения к духовному наследию народов Российской Федерации» по заказу Министерства просвещения Российской Федерации (государственный контракт от 19.11.2019 № 03.D34.11.0051).

Для цитирования:

Болотина Т.С., Данилова О.А. Результаты опроса школьников и студентов профессиональных образовательных организаций о состоянии, сохранении и развитии родных языков народов России // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 4. С. 514—524. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-514-524

Research Article

Results of a Survey of Schoolchildren and Students of Professional Educational Organizations on the State, Preservation and Development of Native Languages of the Peoples of Russia

T.V. Bolotina¹, O.A. Danilova²

¹ Center for implementation of state educational policy and information technologies
8, bldg. 2a, office 311, Golovinskoe shosse, Moscow, 125212, Russian Federation

² Vercont Service
45, bldg. 1, corp. 86, Volgogradsky prospect, Moscow, 109316, Russian Federation

The problem of language continuity in modern conditions has become particularly relevant for Russia, where the number of languages and dialects is directly related to ethnic diversity and is more than 270. Activities aimed at increasing the motivation and interest of the younger generation in learning their native language and national culture are becoming more relevant. To implement these measures, it is necessary to understand the real needs of students for language education. The purpose of the research was to identify the opinions of schoolchildren and professional educational organizations on the state, preservation and development of the languages of the peoples of Russia.

Key words: sociological survey, studying, General education organization, professional educational organization, respondents, ethnic composition, national culture, native language, people of Russia

Article history:

Received: 27.06.2020

Accepted: 29.09.2020

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

Funding:

The study was carried out as part of the project “Organizational and methodological support of activities aimed at popularizing the preservation and development of the native languages of the

peoples of Russia, the formation of a value attitude to the spiritual heritage of the peoples of the Russian Federation” by order of the Ministry of Education of the Russian Federation (state contract dated 19.11.2019 No. 03. D34.11.0051).

For citation:

Bolotina, T.S., and O.A. Danilova. 2020. “Results of a Survey of Schoolchildren and Students of Professional Educational Organizations on the State, Preservation and Development of Native Languages of the Peoples”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (4), 514—524. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-514-524

Введение

В современных условиях глобализации и повсеместной культурной унификации особую актуальность обретает сохранение культурной самобытности, многообразия народных традиций, национальных особенностей, духовного уклада, обрядов, ритуалов, праздников, языков народов.

21 февраля во всем мире отмечают Международный день родного языка, целью которого является повышение осведомленности о языковых и культурных традициях, а также принятие мер по сохранению и развитию исчезающих языков.

Сохранение традиционной культуры является важнейшей составляющей частью любой национальной культуры, основой формирования национального самосознания, укрепляющей духовную связь этнических групп страны.

Проблема языковой преемственности в современных условиях приобрела особую актуальность и для России, численность языков и диалектов в которой напрямую связана с этническим многообразием и составляет более 270¹.

По оценке ЮНЕСКО, около 2500 языков мира находятся под угрозой исчезновения (<http://www.unesco.org/languages-atlas/en/atlasmap.html>). Из них 131 язык являлись уникальными языками народов России. Под угрозой исчезновения адыгейский, кабардино-черкесский, карачаево-балкарский, ингушский, чеченский, абхазский, осетинский, калмыцкий и некоторые другие языки [1].

Это последствия уменьшения ареала употребления национальных языков, разрушения языковой среды в связи с сокращением числа лиц, которые им владеют. Ключевая роль в процессе культурно-языковой преемственности, бесспорно, сохраняется за семьей, но не стоит недооценивать и роль системы образования в данном вопросе. Существенным фактором сохранения языков и культур национальных меньшинств является их полноценное изучение как учебного предмета в образовательных организациях.

А.Ф. Пустогачева отмечает, что языки коренных малочисленных народов занимают всего лишь небольшую часть в системе образования в Российской Федерации и не являются языками обучения в школах [2]. Ученые выделяют как отдельную проблему сохранения родных языков, в том числе языков коренных малочисленных народов, проблему учебно-методического обеспечения данного

¹ Цифра была озвучена 25 октября 2019 года на форуме-диалоге «Языковая политика: общероссийская экспертиза» (организатор — Федеральное агентство по делам национальностей России, место проведения — Торгово-промышленная палата Российской Федерации).

процесса. Так, по мнению В.П. Марфусаловой, существующие учебники ориентированы в основном на владеющих языком этнической принадлежности, тогда как многие учащиеся приходят в школу без знания родного языка [3]. О.И. Артеменко подчеркивает необходимость усиления роли академической науки федерального уровня, способной сформировать широкую научную платформу для реализации языковой образовательной политики [4].

Присутствует и проблема относительно невысокой мотивации обучающихся к изучению своего родного (нерусского) языка. Так, данные социологического опроса школьников и студентов Чувашской Республики в отношении изучения чувашского языка позволяют говорить о том, что примерно трети опрошенных это не нужно либо нужно только общее знакомство со своим родным языком [5].

Сохранение национального языка как важнейшей формы этнической уникальности нуждается в разработке и внедрении комплекса мер по поддержанию, сохранению и развитию родных языков.

Федеральный закон о внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», принятый Государственной думой 25 июля 2018 года, утвердивший свободный выбор языка образования из числа языков народов Российской Федерации, стал, по словам парламентария, председателя Комитета Государственной думы В.А. Никонова, началом большого пути, который должен привести к усилению внимания государства к проблеме родных языков (<http://komitet8.km.duma.gov.ru/Novosti-Komiteta/item/16651828>).

Внесенные изменения в упомянутый Федеральный закон предполагают переосмысление принудительного подхода к изучению национального языка в образовательных организациях в силу его неэффективности и делают акцент на степени заинтересованности и уровне мотивации обучающихся. Таким образом, приобретают актуальность мероприятия, направленные на формирование у подрастающего поколения ценностного отношения к духовному наследию народов Российской Федерации, повышение мотивации и интереса к историческому прошлому своего народа, изучению родного языка, национальной культуры.

Для реализации этих мероприятий необходимо представление о реальных запросах обучающихся на языковое образование.

В 2019 году по заказу Министерства просвещения Российской Федерации в рамках проекта «Организационно-методическое сопровождение мероприятий, направленных на популяризацию сохранения и развития родных языков народов России, формирование ценностного отношения к духовному наследию народов Российской Федерации» обществом с ограниченной ответственностью «Верконт Сервис» было проведено социологическое исследование.

Целью проведенного социологического исследования стало выявление мнения обучающихся общеобразовательных и профессиональных образовательных организаций по вопросам состояния, сохранения и развития языков народов России.

Материалы и методы исследования. В качестве инструментария исследования были разработаны анкеты для каждой группы респондентов: обучающихся общеобразовательных организаций (17 вопросов) и профессиональных образовательных организаций (18 вопросов).

Исследование проводилось методом анкетирования в электронном формате на сайте <http://языкинародов.рф>.

Обучающимся общеобразовательных и профессиональных образовательных организаций были заданы вопросы, касающиеся уровня владения языком своего народа, отношения к родному языку, мотивации к его изучению и возможностей изучения, знания культуры и быта своего народа, проблем сохранения и популяризации родного языка, требующие осмысления и выработанной собственной позиции.

Полученные ответы респондентов обрабатывались с применением математико-статистических методов обработки данных социологических исследований.

Обсуждение

Было опрошено 2303 обучающихся из 64 субъектов Российской Федерации, из которых 515 — школьники и 1789 — студенты профессиональных образовательных организаций.

В обеих целевых группах наиболее активно проявили себя респонденты Ямало-Ненецкого АО, Красноярского края, Московской области, Республики Татарстан. Ниже показано распределение числа респондентов по категориям (человек).

Обучающиеся общеобразовательных организаций (515 человек)	Обучающиеся профессиональных образовательных организаций (1789 человек)
Ямало-Ненецкий АО — 115	Оренбургская область — 300
Тамбовская область — 69	Республика Татарстан — 254
Красноярский край — 56	Ямало-Ненецкий АО — 195
Московская область — 31	Московская область — 147
Республика Татарстан — 22	Чеченская Республика — 117
Орловская область — 22	Камчатский край — 75
Ханты-Мансийский АО — Югра — 20	Челябинская область — 75
Республика Бурятия — 20	Кемеровская область — 55
Республика Калмыкия — 19	Красноярский край — 45
Камчатский край — 16	Республика Башкортостан — 36
Смоленская область — 14	Нижегородская область — 35
Республика Адыгея — 10	Смоленская область — 33
Остальные субъекты Российской Федерации из охваченных опросом (менее 10 респондентов) — 101	Остальные субъекты Российской Федерации из охваченных опросом (менее 30 респондентов) — 422

Опрос показал численное превосходство опрошенных обучающихся, для которых русский язык является родным: 82% обучающихся общеобразовательных организаций и 78% обучающихся профессиональных образовательных организаций. Для 18% опрошенных обучающихся общеобразовательных организаций и 22% опрошенных обучающихся профессиональных образовательных организаций русский язык не является родным языком.

Для подавляющего большинства опрошенных студентов профессиональных образовательных организаций, чей родной язык нерусский, родными языками являются татарский (33,08%) и чеченский (26,92%).

Среди школьников бесспорными лидерами стали бурятский (18,09%) и татарский (17,02%) языки, но здесь не было существенного численного превосходства в сравнении с другими языками, как это показала статистика ответов студентов. Ниже показана доля респондентов, для которых родной язык нерусский, в разрезе языков, которые респонденты назвали в качестве родных (представлены первые 10 позиций рейтинга по доле респондентов) (%).

Обучающиеся общеобразовательных организаций (515 человек)	Обучающиеся профессиональных образовательных организаций (1789 человек)
Бурятский — 18,09	Татарский — 33,08
Татарский — 17,02	Чеченский — 26,92
Калмыцкий — 10,64	Ингушский — 3,33
Чеченский — 5,32	Украинский — 3,33
Армянский — 5,32	Чувашский — 3,08
Ненецкий — 4,26	Калмыцкий — 3,08
Ногайский — 4,26	Башкирский — 2,82
Башкирский — 3,19	Казахский — 2,56
Таджикский — 3,19	Ненецкий — 2,56
Азербайджанский — 3,19	Азербайджанский — 2,05

При этом в результате опроса школьников выяснилась интересная деталь: несмотря на сравнительно небольшой процент опрошенных, для которых русский язык не является родным, значительная часть (40%) опрошенных школьников отметили, что живут в семьях, где другие члены семьи говорят на родном (нерусском) языке. Среди опрошенных студентов профессиональных образовательных организаций таких немного меньше — 26%.

Наблюдается существенная диспропорция между ответами школьников из семей, где другие члены семьи говорят на родном (нерусском) языке (40%), и теми, для кого русский язык является неродным (18%). Ниже показано соотношение численности обучающихся общеобразовательных организаций по показателям родного языка (русский / нерусский) и владения родным (нерусским) языком членами семьи обучающегося.

Русский язык неродной	18%	94 человека
Живут в семьях, где другие члены их семей говорят на родном (нерусском) языке	40%	208 человек

Таким образом, несмотря на то, что на родном (нерусском) языке в семьях обучающихся разговаривает каждый четвертый (26%) ближайший родственник (родители) и почти такое же количество дедушек и бабушек (23%), школьники склонны ассоциировать свой родной язык с тем, на котором они говорят, учатся и который в основном нужен им в повседневной жизни, т.е. с русским языком. Очевидно, что более половины опрошенных школьников не ассоциируют язык, на котором разговаривает кто-то из членов семьи, со своим родным языком.

В ответах студентов такой диспропорции уже не наблюдается: русский язык является неродным для 22% студентов, при этом 26% студентов живут в семьях, где другие члены семьи говорят на родном (нерусском) языке. Ниже показано соотношение численности обучающихся профессиональных образовательных

организаций по показателям родного языка (русский / не русский) и владения родным (нерусским) языком членами семей обучающихся.

Русский язык неродной	22%	391 человек
Живут в семьях, где другие члены их семей говорят на родном (нерусском) языке	26%	380 человек

Данное распределение ответов позволяет предположить, что формирование чувства национальной принадлежности обучающихся происходит ближе к юношескому периоду.

Также есть вероятность, что мнения студентов обусловлены принадлежностью к субъекту Российской Федерации с ярко выраженной национальной идентичностью, как, например, Республика Татарстан, которая была достаточно широко представлена в опросе (254 человека или 17% от общего числа опрошенных).

Здесь следует подчеркнуть и характерное для опрошенных студентов отсутствие существенных разбросов в ответах на вопросы в части ассоциации себя со своим родным (нерусским) языком (22%) тем, на каком языке говорят члены их семей, (26%) и знанием этого языка самими обучающимися (26%). Ниже показано соотношение численности обучающихся профессиональных образовательных организаций по показателям родного языка (русский/не русский), владения родным (нерусским) языком членами семьи обучающегося и знанием родного (нерусского) языка самим обучающимся.

Русский язык неродной	22%	391 человек
Живут в семьях, где другие члены их семей говорят на родном (нерусском) языке	26%	380 человек
Знают родной нерусский язык	26%	379 человек

Что касается знания родного (нерусского) языка, то здесь также отмечена диспропорция при сопоставлении с показателями владения родным языком (нерусским) ими и членами семей обучающихся. Несмотря на то, что лишь 18% опрошенных обучающихся общеобразовательных организаций считают своим родным языком нерусский, знают свой родной (нерусский) язык почти половина школьников (39%). Ниже показано соотношение численности обучающихся общеобразовательных организаций по показателям родного языка (русский / не русский), владения родным (нерусским) языком членами семей обучающихся и знанием родного (нерусского) языка самим обучающимся.

Русский язык неродной	18%	94 человека
Живут в семьях, где другие члены их семей говорят на родном (нерусском) языке	40%	208 человек
Знают родной нерусский язык	39%	201 человек

Большая часть опрошенных, знающих родной язык, отметили, что свободно владеют им: 55% обучающихся общеобразовательных организаций и 59% обучающихся профессиональных образовательных организаций.

Вторая часть респондентов охарактеризовала степень своего владения родным (нерусским) языком на уровне понимания устной и письменной речи и умения общаться на бытовые темы.

Более половины обучающихся общеобразовательных организаций (59%) и обучающихся профессиональных образовательных организаций (54%) заявили о том, что в реальной жизни им приходилось сталкиваться с необходимостью знания родного языка: в бытовом общении, при просмотре телепередач, обращении к интернет-ресурсам и чтении книг на родном языке.

Что касается изучения родного (нерусского) языка, то на сегодняшний день почти половина опрошенных обучающихся общеобразовательных организаций (47% — 242 человека) и обучающихся профессиональных образовательных организаций (47% — 834 человека) отметили, что изучают родной (нерусский) язык в образовательных организациях.

Кроме того, каждый третий опрошенный из числа обучающихся общеобразовательных организаций и обучающихся профессиональных образовательных организаций (30% и 32% соответственно) выразил желание изучать родной (нерусский) язык.

Изучение родного языка в образовательных организациях проходит по специализированным учебникам, которыми, судя по ответам опрошенных, располагают образовательные организации: 66% обучающихся общеобразовательных организаций и 48% обучающихся профессиональных образовательных организаций отметили это в своих анкетах.

Для самостоятельной работы 74% обучающихся общеобразовательных организаций и 55% обучающихся профессиональных образовательных организаций обращаются к библиотечной литературе на родном языке или к интернет-источникам.

Весьма оптимистичное впечатление произвело знание подавляющим большинством обучающихся общеобразовательных организаций и профессиональных образовательных организаций (84% и 83% соответственно) национальных традиций, праздников и обрядов, а также сказок, песен, игр, пословиц и поговорок родного края.

По словам 78% обучающихся общеобразовательных организаций и 80% обучающихся профессиональных образовательных организаций, в большинстве их семей соблюдаются национальные традиции и отмечаются национальные праздники.

Кроме того, по мнению большинства опрошенных (76% обучающихся общеобразовательных организаций и 72% обучающихся профессиональных образовательных организаций), в их образовательных организациях проводят мероприятия, посвященные национальным праздникам, традициям национальной культуры, в которых принимают активное участие сами обучающиеся.

Несмотря на то, что значительная часть респондентов затруднились ответить на вопрос о том, могут ли им пригодиться знания родного языка в реальной жизни (42% обучающихся общеобразовательных организаций и 44% обучающихся профессиональных образовательных организаций), 41% и 35% из их числа соответственно все же рассматривают необходимость знания своего родного языка в будущем.

Отрицают необходимость знания родного языка 17% обучающихся общеобразовательных организаций и 21% обучающихся профессиональных образова-

тельных организаций. Это свидетельствует об острой необходимости создания условий для жизнеспособности и сохранения родного языка за пределами образовательных организаций.

Заключение

Подавляющее большинство обучающихся общеобразовательных и профессиональных образовательных организаций осознают важность знания своего родного языка и заинтересованы в его изучении и знакомстве с культурой своего народа.

Большинство обучающихся общеобразовательных организаций признают важность сохранения, изучения родного языка, хотя относительно слабо представляют себе причины, по которым им необходимо знание родного языка. Размытость представления о таких причинах, возможно, обуславливает присутствие относительно высокого числа респондентов, которые не заинтересованы в изучении родного (нерусского) языка (23% школьников и 21% студентов профессиональных образовательных организаций).

Практически половина опрошенных школьников и студентов (более 40%) считают, что не имеют возможности изучать родной (нерусский) язык. Тем не менее более половины опрошенных отмечают доступность для них учебников, а также мероприятий, связанных с родным (нерусским) языком и родной культурой. Следовательно, можно говорить о необходимости проведения дополнительного исследования потребностей школьников и студентов в изучении родного (нерусского) языка, которое позволит сформировать перечень адресных мер по их удовлетворению.

Таким образом, дальнейшим направлением исследования может являться детальное изучение мнений доли респондентов, которые не изъявили желания изучать родной язык, с целью разработки в перспективе комплекса мероприятий по повышению заинтересованности учащихся в сохранении и изучении родного языка, в том числе:

- выявление и повышение уровня мотивации изучающих родной язык в образовательных организациях;
- выявление причин нежелания обучающихся изучать родной язык в образовательных организациях для последующего их исправления;
- изучение мнений респондентов, которые имеют возможность изучать родной язык, о достаточности обеспечения данного процесса, а также о потребностях в этой сфере;
- разработка комплекса мероприятий регионального уровня по созданию условий для жизнеспособности и сохранения родного языка за пределами образовательных организаций.

Полученные результаты социологического опроса могут быть использованы для дальнейшей работы по созданию условий для общения и взаимодействия представителей различных культур и национальностей, включение школьников и учащейся молодежи в общественно значимую деятельность в сфере укрепления межкультурных связей, выработке комплекса мер по популяризации и распространению знаний о культурном, историческом, языковом наследии народов России.

Список литературы

1. *Абдулхаков Р.Р.* Проблема исчезновения языков // Филологические науки в России и за рубежом: материалы II Междунар. науч. конф., (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.). СПб. : Реноме, 2013. С. 33—37. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/106/4168/> (дата обращения: 23.03.2020).
2. *Пустогачева О.Н.* Современное состояние обучения и изучения родных языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования Российской Федерации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/16862672> (дата обращения: 23.03.2020).
3. *Марфусалова В.П.* Функциональные проблемы языков коренных малочисленных народов Севера и создание условий для эффективной организации процесса обучения // Мир науки. 2017. Т. 5. № 4. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/19PDMN417.pdf> (дата обращения: 23.03.2020).
4. *Артеменко О.И.* Государственный и языки народов России в современной школе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osudarstvennyy-i-yazyki-narodov-rossii-v-sovremennoy-shkole/viewer> (дата обращения: 23.03.2020).
5. *Бойко И.И.* Школьники и студенты Чувашии о проблемах этнокультурного образования (по материалам социологического опроса) // Исторические науки и археология. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shkolniki-i-studenty-chuvashii-o-problemah-etnokulturnogo-obrazovaniya-po-materialam-sotsiologicheskogo-oprosa/viewer> (дата обращения: 23.03.2020).

References

1. Abdulhakov, R.R. 2013. "Problema ischeznoveniya yazykov" in *Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom: materialy II Mezhdunar. nauch. konf., (g. Sankt-Peterburg, noyabr' 2013 g.)*. SPb.: Renome. Pp. 33—37. Web. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/106/4168/> (Access: 23.03.2020).
2. Pustogacheva, O.N. "Sovremennoe sostoyanie obucheniya i izucheniya rodnih yazykov korennyh malochislennyh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka v sisteme obrazovaniya Rossijskoj Federacii". Web. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/16862672> (Access: 23.03.2020).
3. Marfusalova, V.P. 2017. "Funkcional'nye problemy yazykov korennyh malochislennyh narodov Severa i sozdanie uslovij dlya effektivnoj organizacii processa obucheniya". *Internet-zhurnal «Mir nauki»* 5 (4). Web. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/19PDMN417.pdf> (Access: 23.03.2020).
4. Artemenko, O.I. "Gosudarstvennyj i yazyki narodov Rossii v sovremennoj shkole". Web. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osudarstvennyy-i-yazyki-narodov-rossii-v-sovremennoy-shkole/viewer> (Access: 23.03.2020).
5. Bojko, I.I. 2015. "Shkol'niki i studenty Chuvashii o problemah etnokul'turnogo obrazovaniya (po materialam sociologicheskogo oprosa)". *Istoricheskie nauki i arheologiya*. Web. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shkolniki-i-studenty-chuvashii-o-problemah-etnokulturnogo-obrazovaniya-po-materialam-sotsiologicheskogo-oprosa/viewer> (Access: 23.03.2020).

Сведения об авторах:

Болотина Татьяна Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент, начальник Управления методического сопровождения обновления содержания общего образования, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Центр реализации государственной образовательной политики и информационных технологий». E-mail: tatbolotina@mail.ru

Данилова Ольга Анатольевна — руководитель методического отдела общества с ограниченной ответственностью «Верконт Сервис». E-mail: danilova0lga@yandex.ru

Bio Notes:

Tatyana V. Bolotina is a Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Methodological Support for Updating the Content of General Education, Federal State Autonomous Educational Institution of Additional Professional Education “Center for Implementation of State Educational Policy and Information Technologies”. E-mail: tatbolotina@mail.ru

Olga A. Danilova is a Head of the Methodological Department of the limited liability company “Verkont Service”. E-mail: danilova0lga@yandex.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-525-534

Научная статья

Формирование языковой личности в поликультурной среде

С.К. Башиева, З.Р. Дохова, М.Ч. Шогенова

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
Российская Федерация, 360004, Нальчик, ул. Чернышевского, 173

В статье рассматривается специфика формирования современной языковой личности в Кабардино-Балкарии, социальное пространство которой развивается как многомерная и многоаспектная поликультурная среда, характеризующаяся расширением границ культурной коммуникации, активизацией тенденций к утверждению национальной идентичности, распространением идей и взглядов конфессиональных сообществ, расширением деятельности современного медиадискурса, активизацией процессов информационной интенсивности и массовой цифровой доступности, что в целом формирует медиакультуру социума и т.д. Отмечается, что в поликультурном пространстве республики культура российского общества с базовой культурой русского народа, национальные культуры титульных народов (кабардинцев и балкарцев), религиозная (преимущественно исламская) культура занимают доминирующие позиции, определяющие культурные предпочтения современной языковой личности, на формирование и развитие которой существенное влияние оказывают социальные, этнические и психологические факторы.

Ключевые слова: поликультурная среда, поликультурное пространство, языковая личность, культурные предпочтения, межкультурный диалог

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 11.08.2020

Дата принятия к печати: 09.09..2020

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Башиева С.К., Дохова З.Р., Шогенова М.Ч. Формирование языковой личности в поликультурной среде // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 4. С. 525–534. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-525-534

© Башиева С.К., Дохова З.Р., Шогенова М.Ч., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Formation Specifics of Language Personality in a Multicultural Environment

S.K. Bashieva, Z.R. Dohova, M.H. Shogenova

Kabardino-Balkar state University named after Kh.M. Berbekov
173, Chernyshevsky Str., Nalchik, 360004, Russian Federation

The article considers the specificity of modern linguistic personality formation in Kabardino-Balkaria, a social space of which develops as a multidimensional and multifaceted multicultural environment characterized by the expansion of the boundaries of cultural communication; updating the cultural significance of belonging to “the Russian world”; the intensification of tendencies towards the assertion of national identity; the proliferation of ideas and views faith communities; expansion of the modern media discourse, activation of the processes of information intensity and mass digital accessibility, which generally forms the media culture of society, etc. It is noted that in the multicultural space of the Republic, the culture of Russian society with the basic culture of the Russian people, the national cultures of the titular peoples (Kabardins and Balkars), and religious (mainly Islamic) culture occupy dominant positions that determine the cultural preferences of the modern language personality, the formation and development of which is significantly influenced by social, ethnic and psychological factors.

Key words: multicultural environment, multicultural space, language personality, cultural preferences, intercultural dialogue

Article history:

Received: 11.08.2020

Accepted: 09.09.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Bashieva S.K., Z.R. Dohova, and Shogenova M.Ch. 2020. “Formation Specifics of Language Personality in a Multicultural Environment”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (4), 525—534. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-525-534

Введение

Феномен человеческой культуры — сложное, многоаспектное и многогранное понятие. Первоначальный импульс к становлению и развитию теории о значимости культуры в формировании личности был дан еще в эпоху Просвещения, когда зарождались идеи о силе и духе человека, его разуме, развивающемся благодаря просвещению, образованию. Такие идеи были направлены на поиск возможностей совершенствования человека и стали толчком к возникновению науки о культуре как философии истории человечества. Еще в XIX веке английский

этнограф Э. Тэйлор отождествлял культуру с цивилизацией и подчеркивал, что культура «...слагается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества...» [1]. Научное обоснование значимости культуры, в которую объединяются те общие для конкретного социума установки, взгляды на жизнь и специфические проявления цивилизации, позволяющие ему определить свое место в мире, дает и Э. Сепир [2. С. 469]; К. Уисслер определяет культуру как образ жизни людей, их ценности и идеалы; Р. Бенедикт понимает культуру как приобретенное поведение, которое каждым поколением людей должно усваиваться заново; по Г. Стейну, культура — это поиски терапии в современном мире; М. Херсковиц рассматривает культуру «как сумму поведения и образа мышления, образующую данное общество» [цит. по: 3. С. 6].

В современном истолковании «культура» является многозначным словом, а объем содержания термина подвержен динамике и вмещает в себя разные оттенки понимания, что детерминировано его полисемантическим аспектом. Не умаляя ценности понимания культуры в разных исследовательских полях, считаем важным в контексте данного исследования конкретизировать ее статус прежде всего как результат духовного поиска современного общества, находящегося в сложном противоречивом мире, как воплощение непреходящей философской системы жизни людей, их морально-нравственных позиций и взглядов, совокупность мыслей, представлений, предпочтений, потребностей человека, стремящегося к приоритетным, доминирующим в социокультурном пространстве нормам, ценностям, возможностям и при их помощи нацеленного на утверждение своей идентичности, уникальности, ценностного отношения к самому себе и т.п.

Как видно, тенденции формирования и развития современного культурного пространства направлены не только на упорядочение и систематизацию когнитивных процессов человека по осмыслению окружающего мира, но и на поиск личностных духовных предпочтений и удовлетворений, которые соответствуют интенциям, желаниям, ценностным ориентирам языковой личности в соотношении и сопоставлении с жизнедеятельностью других людей, их взглядами, намерениями, интересами, что возможно исключительно в социальной среде, которая сегодня характеризуется поликультурностью.

Поликультурная среда — ключевой показатель условий развития современного общества и значимый фактор жизнедеятельности людей, имеющих актуальные для них паритетные идеи (взгляды) и взаимодействующих в едином территориальном и временном пространстве. Ценность и специфика поликультурной среды предопределяются ее уникальной возможностью создания условий для сохранения и развития одной культуры в контексте ее связи и взаимообогащения с другими культурами. Без сомнения, поликультурная среда — это один из мощных факторов, влияющих на развитие мышления человека. Ее современная основа формируется как следствие принципиально новых требований времени, диктующих необходимость адаптироваться к актуальным тенденциям социальной жизни.

Поликультурная среда — типичное явление для российского общества, а понятие поликультурности и сегодня сохраняет базовое смысловое содержание и

понимается как реализация идей гуманности, равноправия, толерантности, является важнейшим условием гармоничного сосуществования разных типов культур, создаваемых этническими коллективами, религиозными сообществами, социальными слоями, профессиональными группами и т.д., что непосредственно отражается на особенностях их мировосприятия, мышления, языка и поведения.

Цель настоящей статьи — определение специфики формирования языковой личности (ЯЛ) в современных условиях поликультурной среды Кабардино-Балкарии, для которой на протяжении длительного времени знаковыми являются этническая мозаичность и культурно-языковое многообразие.

Обсуждение

В последние десятилетия в поликультурном пространстве Кабардино-Балкарской Республики, с одной стороны, наблюдаются сложные социальные процессы утверждения российской идентичности и, как следствие, активизируется интерес к современной «русской культуре», ядро которой формируется под влиянием мегаполиса, понимаемого как центр наибольшего развития для образования, престижности и профессионального роста — что предопределяет духовные ориентиры и культурные ценности и предпочтения российского общества в целом. С другой стороны, поликультурное пространство республики характеризуется неослабевающим вниманием к возрождению и сохранению исторических, социальных и культурных ценностей в контексте этнокультурной идентичности как активно действующего фактора формирования языковой личности в аспекте ценностного понимания значимости отдельного человека, его культуры и языка.

Эти два глобальных, масштабных направления определяют стратегии межкультурного общения в республике и формируют поликультурное коммуникативное пространство, в котором активны следующие тенденции:

- расширение границ культурной коммуникации;
- актуализация значимости культурной принадлежности человека к «русскому миру» как символу причастности к российскому обществу;
- усиление потребности человека в национальной поддержке и этнической духовности;
- высокий уровень социальной дифференциации и стратификации в результате интенсивных урбанистических процессов;
- распространение идей и взглядов конфессиональных сообществ;
- расширение деятельности современного медиадискурса, формирующего медиакультуру социума;
- активизация процессов информационной интенсивности и массовой цифровой доступности;
- усиление стремления человека к духовному развитию, повышение необходимости и потребности в психологической поддержке (помощи) и духовной комфортности и т.д.

Включенность языковой личности в подобное насыщенное неоднородное поликультурное коммуникативное пространство создает ее уникальный образ, опре-

деляет специфику ментальности, формирует когнитивный опыт человека, выявляет культурные предпочтения, нормы и ценности. Без сомнения, языковая личность активно или пассивно подвержена влиянию подобного культурного многообразия, однако это не означает, что любой аспект существующей культуры является ключевым и необходимым для каждой ЯЛ. Социальная осознанность, профессиональная потребность, этническое мировосприятие, духовные приоритеты помогают языковой личности по-своему адаптироваться к той или иной культуре, опираясь именно на собственные интенции, так как общие тенденции, сосуществующие в едином временном культурном пространстве, для каждого человека в отдельности и общества в целом могут иметь как постоянный, так и временный признак, носить как масштабный, так и локальный характер.

Опыт работы по изучению проблемы особенностей развития ЯЛ в полиэтническом пространстве КБР позволяет заключить, что в современных условиях республики языковая личность формируется и развивается под влиянием разных культурных течений, направление которых зависит от социальных, этнических (природных) и психологических факторов.

Социальный фактор. Специфику формирования языковой личности в полиэтнической республике определяет прежде всего социализация как необходимое условие ее жизнедеятельности. В современном обществе данная тенденция отражает потребность быть причастным к сообществу граждан России, так как российская идентичность обуславливает доступ к «русскому миру», который для представителей Кабардино-Балкарии является жизненной потребностью хотя бы потому, что русская культура и русский язык императивно длительное время обеспечивают единый, целостный «взгляд» российских народов на мир, выступают ориентиром в развитии политики, экономики, культуры, являются средством межэтнического общения на территории всей страны, а многие народы России, в том числе кабардинцы и балкарцы, на протяжении длительного времени русский язык используют в качестве функционально первого языка. Позитивное и эффективное влияние русской культуры и языка на народы республики — неоспоримый факт, не требующий каких-либо доказательств. Возможно лишь конкретизировать результативность и эффективность подобного процесса на разных этапах ее культурного и языкового развития. В современных условиях русский язык и русская культура — уникальные средства достижения согласия и толерантности в поддержке диалога между культурами, представителями разных взглядов, идей и убеждений. В республике, где проживают представители более ста национальностей, а культурное и языковое многообразие не только является ее достоянием, ценностью, но и обязывает соблюдать толерантность в общении. Русский язык и русская культура являются мощными консолидирующими факторами, способными снять возможную напряженность и конфликтность между этническими группами, отдельными их представителями.

Важно также подчеркнуть, что для современной ЯЛ показателем российской идентичности является и глубокое знание русского языка и культуры. Например, качественные компетенции в русском языке приобретают особую актуальность в связи с усиливающимися требованиями к профессиональной деятельности современного специалиста, так как профессионализм требует от человека опреде-

ленных личностных качеств, необходимых в условиях современной социально-экономической жизни России. Знание русского языка давно является необходимым условием социализации человека и его профессионального роста, а в современном мире заметно повышаются требования к уровню владения русской деловой речью, культурой речевого поведения в сферах устной и письменной коммуникации, усиливается языковая и речевая ответственность человека в профессиональной деятельности. По словам А.Н. Смолиной, «...речевая ответственность становится фактором, определяющим профессиональную пригодность...» [4. С. 528—529], и неотъемлемой частью профессиональной идентичности. В контексте настоящей работы профессиональная идентичность понимается как фактор развития современной языковой личности, ее когнитивного и прагматического уровней, важный компонент самосознания человека, показатель его приоритетных ценностных ориентаций в условиях профессиональной культуры, совокупности профессиональных знаний, демонстрируемых им преимущественно на русском языке, как этого требует единый профессиональный стиль общения. Профессиональная идентичность в условиях полиэтничного и поликультурного пространства республики является активным, действующим фактором формирования профессиональной ЯЛ, а межкультурный диалог понимается как основа современного профессионального становления личности.

Этнический фактор. Современная культурно-языковая политика в Кабардино-Балкарии оказала заметное влияние на развитие языковой личности и закрепила устойчивое стремление титульных народов к этнической идентичности как средству утверждения принадлежности к определенной национальности. Этнические базовые признаки культуры кабардинцев и балкарцев в условиях новейших реалий приобретают характер непреходящих ценностей, что отражается в их этническом мышлении и языке. В разных сферах коммуникации республики проводятся мероприятия, утверждающие ценность этнической культуры титульных народов; значимыми являются законодательные и программные проекты с целью поддержки и развития кабардинского и балкарского языков, развития культурного наследия кабардинцев и балкарцев, возрождения их фольклорного и профессионального искусства, воспитания подрастающего поколения в духе этнических нравственных ценностей и т.д., актуальность которых неоднократно подчеркивалась в предыдущих работах, отражающих особенности функционирования государственных языков республики, освещающих некоторые проблемы и тенденции их сосуществования в едином коммуникативном пространстве, выявляющих специфику формирования и развития языковой личности [5—8].

В связи с этим отметим, что языковая идентичность человека не всегда является осознанным и приоритетным показателем этнической идентичности, и наоборот, недостаточное знание языка не исключает этнической идентичности ЯЛ. Так, по результатам исследований было отмечено, что 97,4% опрошенных представителей кабардинской национальности и 93,3% представителей балкарского народа владеют родным языком, что, без сомнения, означает тенденцию к положительной динамике [5. С. 19]. Несмотря на общие тенденции укрепления позиций языков титульных народов республики, позитивную настроенность кабардинцев и балкарцев на этническую идентичность, по данным 2014 года, например, 41,9% опрошенных кабардинцев и 39,0% балкарцев все же считают род-

ной язык (кабардинский и балкарский соответственно) «непрестижным» из-за низкого уровня перспективного потенциала; 4,8% представителей кабардинской национальности и 2,0% респондентов балкарской национальности не видят «необходимости в знании родного языка» [5. С. 23]. Этническая идентичность, по мнению А.Ж. Макановой, объединяет «...два основных компонента — когнитивный... и аффективный...» [9. С. 78—79]. У современной языковой личности республики этническая идентичность может отражать потребность человека в познании своей культуры и языка, ощущении причастности к своим корням и являться следствием психологической, эмоциональной реакции на защиту эгоистического чувства. Следовательно, этническая идентичность может и не быть главным отличительным признаком ЯЛ, однако личность испытывает психологическую потребность в признании и доказательстве принадлежности к определенной этнической группе. Этнические когнитивные и этнические аффективные признаки, степень их проявления могут зависеть, например, от социального статуса личности, ее профессиональной деятельности, духовной и эстетической потребности, необходимости культурной адаптации в какой-либо сфере жизнедеятельности и т.п. В таком случае этническая идентичность наделяется эпитетом «позитивная» [10. С. 71] и характеризуется адекватным осознанием личностью своей причастности к этнической группе, стремлением к ее познанию и уважительным отношением к чужой культуре, в то время как этническая идентичность, основанная лишь на эмоциональном восприятии своей культуры, подкрепленная чувством собственности, является неполной и может даже спровоцировать идейный, социальный конфликт. Считаем, что этническая идентичность должна быть сбалансированной результатами как когнитивной деятельности человека, так и уровнем его эмоционального восприятия этнической культуры и языка.

Психологический фактор. Формирование языковой личности в современных условиях полиэтнической республики происходит на фоне стремительно распространяющихся религиозных идей и взглядов как части духовной культуры общества. К исламской религии сегодня в республике проявляется повышенное внимание, духовность религии вызывает интерес со стороны представителей разных этнических групп, разных поколений, социальных статусов, профессий и т.п. Религиозные воззрения народа, личности имеют настолько важное значение, что нельзя осмыслить и понять специфику формирования и развития этнической культуры в целом без учета данного явления. По мнению исследователей, религиозная картина складывается как «...результат осмысления мира сквозь призму религии... и существует, прежде всего, в виде значений языковых единиц в двух взаимосвязанных плоскостях — плоскости лингвоментального пространства народа и плоскости ментального мира каждого конкретного индивида» [11. С. 130]. В контексте настоящей проблематики религиозная идентичность понимается не как особый признак, отличительное качество верующих людей, а как внутренняя потребность в соблюдении выработанной в данной культуре системы норм и требований, взглядов и ценностей, совокупность которых психологически помогает современной личности не только справиться с трудностями противоречивого материального мира, но и избежать возможный конфликт с окружающими, самим собой, помогает освободиться от душевного беспокойства, тревожности, обрести

гармонию, чего так часто не хватает в жизни стремительно развивающегося общества. Современное понимание религии тождественно признакам религиозности, выделенным еще Дж. Локком, по мнению которого, религия понимается как «...1) вера в высшее существо; 2) идея его почитания; 3) концепция почитания через добродетель и благочестие; 4) комплекс греха, подлежащего искуплению через раскаяния и благодеяние; 5) мысль о воздании и будущей жизни на небесах [цит. по: 12. С. 85]. Таким образом, предопределенность религиозной модели в структуре современной языковой личности как результата когнитивной деятельности человека очевидна, и нет сомнений в том, что распространение религии как духовной культуры связано с внутренним ощущением, психологическим настроением человека, осознанием того, что современная жизнь иногда противоречит его представлениям о ценностной системе, а вера в религию «защищает» его от бесконечных проблем, «сглаживает» несправедливости внешнего мира и т.п.

Заключение

Рассмотренные факторы, определяющие особенности условия развития современной ЯЛ, позволяют представить поликультурную среду как отдельно взятую социальную коммуникативную ситуацию, которая характеризуется межличностным и межкультурным диалогом, отличается целевой установкой, утвердившимися для данного общения регламентированными нормами и ценностями, статусными ролями участников коммуникации, спецификой их речевого поведения и т.д. Поликультурная среда складывается из культурных предпочтений ЯЛ и предопределяется в основном социальными, этническими и психологическими потребностями личности. Отсюда следует, что сегодня приоритетность русской культуры находится в плоскости социальной адаптации языковой личности к стремительно меняющимся требованиям времени, ее причастность к национальной культуре носит генетический характер, а религиозные тенденции развития ЯЛ — следствие поиска пути ее психологического удовлетворения.

Формирование и развитие языковой личности в различных поликультурных контекстных условиях как многомерная и междисциплинарная проблема, не теряющая своей актуальности и требующая дальнейших исследований, определяется как следствие постоянно меняющегося социокультурного процесса, в котором часты столкновения культурных ценностей и разных способов идентичности человека.

Список литературы

1. *Тэйлор Э.Б.* Первобытная культура. М. : Терра-Книжный клуб, 2010.
2. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
3. *Есин А.Б.* Введение в культурологию: Основные понятия культурологии в систематическом изложении. М. : Академия, 1999.
4. *Смолина А.Н.* Речевая ответственность // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск : Сиб. фед. ун-т, 2014.
5. *Башиева С.К., Дохова З.Р., Шогенова М.Ч.* Специфика формирования языковой личности россиянина в поликультурном контексте // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4. С. 90—93.

6. *Башиева С.К., Шогенова М.Ч.* Основные факторы витальности республиканских государственных языков (на материале кабардинского и балкарского языков) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 53. С. 15—31.
7. *Башиева С.К., Шогенова М.Ч.* Русский язык как фактор формирования языковой личности в полиэтнической среде // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 1. С. 204—211.
8. *Шогенова М.Ч.* Основные факторы формирования и развития этнокультурной парадигмы в структуре современной языковой личности (на материале Кабардино-Балкарии) // Актуальные проблемы современной лингвистики: лингвокультурный и коммуникативно-прагматический аспекты. Нальчик, 2018. С. 39—74.
9. *Маканова А.Ж.* Проблема формирования этнического сознания и этнической идентичности // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2011. № 1. С. 78—85.
10. *Солдатова Г.У.* Психологическое исследование этнической идентичности. М., 1997.
11. *Якимов П.А.* Религиозная картина мира vs: Русская языковая картина мира // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48). С. 130—131.
12. *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. Нальчик : Эль-Фа, 1999.

References

1. Tejlor, E.B. 2010. *Pervobytnaya kul'tura*. M.: Terra-Knizhnyj klub. Print. (In Russ.)
2. Sepir, E. 1993. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii*. Moscow. Print. (In Russ.)
3. Esin, A.B. 1999. *Vvedenie v kul'turologiyu: Osnovnye ponyatiya kul'turologii v sistematicheskom izlozhenii*. Moscow: Akademiya. Print. (In Russ.)
4. Smolina, A.N. 2014. "Rechevaya otvetstvennost" in *Effektivnoe rechevoe obshchenie (Bazovye kompetencii)*. Slovar'-spravochnik. Krasnoyarsk: Sib. fed. un-t. Print. (In Russ.)
5. Bashieva, S.K., Z.R. Dohova, and Shogenova M.Ch. 2013. "Specifika formirovaniya yazykovoj lichnosti rossiyanina v polikul'turnom kontekste". *Nauchnaya mysl' Kavkaza* 4: 90—93. Print. (In Russ.)
6. Bashieva, S.K., and M.Ch. Shogenova. 2018. "Osnovnye faktory vital'nosti respublikanskih gosudarstvennyh yazykov (na materiale kabardinskogo i balkarskogo yazykov)". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* 53: 15—31. Print. (In Russ.)
7. Bashieva, S.K., and M.Ch. Shogenova. 2020. "Russkij yazyk kak faktor formirovaniya yazykovoj lichnosti v polietnicheskoy srede". *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. Nauchnyj zhurnal SOGU* 1: 204—211. Print. (In Russ.)
8. Shogenova, M.Ch. 2018. "Osnovnye faktory formirovaniya i razvitiya etnokul'turnoj paradigmy v strukture sovremennoj yazykovoj lichnosti (na materiale Kabardino-Balkarii)" in *Aktual'nye problemy sovremennoj lingvistiki: lingvokul'turnyj i kommunikativno-pragmaticheskij aspekty Proceedings. Nal'chik*. Pp. 39—74. Print. (In Russ.)
9. Makanova, A.Zh. 2011. "Problema formirovaniya etnicheskogo soznaniya i etnicheskoy identichnosti". *Sovremennaya vysshaya shkola: innovacionnyj aspekt*: 78—85. Print. (In Russ.)
10. Soldatova, G.U. 1997. *Psihologicheskoe issledovanie etnicheskoy identichnosti*. Moscow. Print. (In Russ.)
11. Yakimov, P.A. 2014. "Religioznaya kartina mira vs: Russkaya yazykovaya kartina mira". *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* 5 (48): 130—131. Print. (In Russ.)
12. Bgzhnokov, B.H. 1999. *Adygskaya etika*. Nal'chik: El'-Fa. Print. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Башиева Светлана Конакбиевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета. E-mail: bfo-pdo@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-6562-9879

Дохова Залина Руслановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета.
E-mail: dohovaz@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8940-2134

Шогенова Марина Чашифовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета.
E-mail: shog-marina@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-4873-7795

Bio Notes:

Svetlana K. Bashieva is a Doctor in Philology, Professor of the Department of Russian language and General linguistics of Kabardino-Balkar State University. E-mail: bfo-pdo@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-6562-9879

Zalina R. Dokhova is a Candidate in Philology, Associate Professor of the Department of Russian language and General linguistics of Kabardino-Balkar State University. E-mail: dohovaz@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8940-2134

Marina Ch. Shogenova is a Candidate in Philology, Associate Professor of the Department of Russian language and General linguistics of Kabardino-Balkar State University. E-mail: shog-marina@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-4873-7795

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-535-541

Research Article

Teaching Russian Culture via English: Implications, Objectives and Challenges

I.L. Lebedeva

M. Lomonosov Moscow State University (MSU)
1 Leninskie Gory, bldg. 13-14, Moscow, 119991, Russian Federation

The article focuses on the issues related to the specifics of teaching the *Russian Culture via English* course introduced as a part of Masters in Linguistics degree program at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University (MSU) in 2016. The need for the course stems from the fact that the era of pluricentric English calls for a new type of globally competent and competitive Russian linguists, teachers, and teacher trainers of English able to express their national identity as well as to transmit, promote, and teach national culture through English functioning as a lingua franca, specifically, through the national variety of English, that is Russian English. The course aims at fostering students' national self-awareness and enhancing their ability to reflect upon their own culture, culture of others as well as culture in general. The article also tackles such aspects as the course syllabus and objectives, its teaching techniques, and materials, as well as challenges that students might face.

Key words: Russian English, Russian culture, teaching Russian culture through English, English as an International Language (EIL) / Global English, English as a lingua franca, intercultural communication

Article history:

Received: 06.06.2020

Accepted: 29.09.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Lebedeva, I.L. 2020. "Teaching Russian Culture via English: Implications, Objectives and Challenges". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (4), 534–541. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-535-541

© Лебедева И.Л., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Преподавание русской культуры на английском языке: цели, задачи и трудности

И.Л. Лебедева

МГУ имени М.В. Ломоносова

Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы 1, стр. 13 (IV гуманитарный корпус)

В настоящее время в рамках концепции плюрицентричности английского языка в современной системе высшего образования на первый план выходит проблема подготовки универсальных специалистов-лингвистов, способных свободно говорить о явлениях родной культуры на своем варианте английского языка, используя его как средство вторичной самоидентификации. Кроме того, в российской системе образования все большее распространение получает принцип изучения иностранных языков и культур в приложении к русскому языку и русской культуре. Данные предпосылки вместе с необходимостью поднять общий уровень компетенции студентов в области родной культуры легли в основу создания уникального курса «Русская культура на иностранном языке», читаемого магистрам второго года обучения по специальности «Лингвистика» на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова с 2016 года. Помимо причин, приведших к созданию курса, статья также охватывает круг вопросов, касающихся особенностей преподавания данного курса, его целей и задач, а также языковых, коммуникативных и профессиональных компетенций, формируемых в его рамках.

Ключевые слова: русский вариант английского языка, русская культура, преподавание русской культуры на английском языке, английский язык как язык международного общения, английский язык как лингва франка, межкультурная коммуникация

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 06.06.2020

Дата принятия к печати: 29.05.2020

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Лебедева И.Л. Преподавание русской культуры на английском языке: цели, задачи и трудности // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 4. С. 535—541. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-535-541

Introduction

As has been discussed in the literature, the era of translanguaging and transculturalism have made teachers, teacher trainers and educators of English aware of an array of new challenges closely related to teaching English not only as a vehicle of international and intercultural communication but rather as a means of transmitting and fostering national

cultural identity [1]. Firstly, this happened due to the noticeable shift in the landscape of English teaching we are witnessing both worldwide and in Russia: the shift from teaching English as a Foreign Language (EFL) based on the norms of British or American linguacultures to teaching English as an International Language (EIL) based on the pluricentric principles of World Englishes [2], imbedded in the theoretical framework of the three concentric circles designed by Braj Kachru back in the 1960s [3]. Accordingly, EIL — being underpinned by various cultures which in their turn underpin the varieties — represents a diversity of Anglophone varieties, Russian English included. Despite the fact that the status of Russian English is still a subject of an ongoing domestic debate, most scholars agree on the existence of the Russian variety of English, which can be identified by a specific set of distinctive linguistic as well as non-linguistic features (functional, pragmatical, etc.) (see [4—6]). Moreover, Russian English generally functions not only as a means of communication for educated Russians in various settings, but also serves as a tool for expressing Russian identity and Russian culture — that is, Russian worldviews, lifestyles, and values — in a word, everything that constitutes Russianness. Due to these factors, the Russian variety of English is recognizable not only by Russian users of English, but also by the many speakers of other English varieties, even in the Instagram [7].

Secondly, the Russian national educational landscape has gradually started to adopt the idea of teaching World Englishes and cultures of target countries in tight connection with national culture and values perceiving English as a tool that ensures and fosters understanding Russian cultural and historic heritage as well as lifestyle and worldview rather than Anglophone cultures and values. S.G. Ter-Minasova has emphasized the necessity of teaching English-learning Russian students their own culture through English, including aspects related to the ways of conveying information concerning the *Russian* national *culture* and values, means and methods of transmitting Russianness and Russian identity via English viewing these issues as cornerstones of international communication due to the fact that speakers of other varieties of English when communicating in English with Russians are in the first place interested in learning more about Russian culture and Russian world rather than their own [8]. However, the prevailing majority of English textbooks in Russia, specifically school textbooks or textbooks created by Russian material writers, are primarily focused on Anglophone cultures rather than on non-Anglophone ones, including Russian.

Thirdly, the above-mentioned approach to teaching English endorses the prime objective of state policy in the field of education in modern Russian society that aims at raising true patriots and loyal citizens through school and university systems, which presupposes a thorough knowledge and understanding of Russian culture and values, as well as the ability to express them via a Russian variety of English. The above-mentioned aim is also reflected in the Educational Standard of Lomonosov Moscow State University¹ for the Master's Program in Linguistics, as MA program graduates are to possess professional competences and skills necessary for raising global awareness regarding Russia, promoting Russian culture, and preserving the Russian heritage (Educational

¹ Lomonosov Moscow State University is a separate educational entity that has the right to develop, design, and instill/implement its own educational standards and policy independently from the Ministry of Education.

standard by Lomonosov MSU for the Master's program in Linguistics, July 22, 2011. № 729 (№ 3)).

Fourth and the last, skills and competences of such nature are specifically crucial for linguists, future teachers, and teacher trainers so that they become globally competent and competitive professionals who, being aware of the linguacultural characteristics of Russian English, are able to utilize English as a global language when talking about their country and culture. Moreover, they are not only expected to incorporate those practices in their future professional lives on a daily basis, but also to pass them on to their own students — aspiring English teachers — in the future.

Hence, the outlined implications have led to the creation of the required course Russian Culture through Foreign Languages in the Master's Degree Program in Linguistics in the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University since 2016.

Discussion

The required course Russian Culture through Foreign Languages is taught within Master's degree program to students whose specialization is Linguadidactics of Foreign Language Teaching in Tertiary Education at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies at Lomonosov Moscow State University (MSU). The course was taught for the first time in the fall of 2016 to English and Spanish majors. However, the present paper deals with the course in English introduced to the second-year English Master's majors; therefore, I am going to refer to it as Russian Culture via English. The course covers one term and is taught on a weekly basis which amounts to 36 contact hours, and a pass/not pass system is used for grading. Since 2018 a modified version of the course has been introduced as an elective to third-year BA students majoring in teaching English, as well as to English-speaking exchange students. The course is predominantly taught in English and is a combination of theory and practice, in which micro-lectures are followed by practical in-class and out-of-class tasks and activities that exercise a communicative approach. The aim of the course is to build and develop skills vital for transmitting information about Russian culture and Russianness via English as a global language as well as a secondary means for expressing self-identity via the Russian variety of English. The objectives of the course are as follows: to familiarize students with linguistic and extralinguistic aspects of Russian English as a variety within the English as an International Language paradigm; to develop skills vital for transmitting information about their country and culture during intra- and international communication; to strengthen overall knowledge in terms of national self-identification, history, culture, and lifestyles, as well as to foster their ability to reflect upon their own culture, cultures of others, and culture in general, while using English as a tool for education.

Due to the fact that the course is relatively new, the number of available textbooks is rather limited. The primary textbook is *Russian Culture Through English* by V.V. Kabakchi, which is accompanied by the monolingual dictionary *The Dictionary of Russia* by the same author, which comprises more than 2500 Russian terms [9; 10]. The textbook boasts a wide range of authentic texts dealing with Russian culture from a number of reliable sources, such as *The Cambridge Encyclopedia of Russia* and *Encyclopedia Britannica* written

by prominent authors, such as John Reed and Hendrick Smith, as well as mass-media and scholarly texts in the field of World Englishes, including Russia-based sources such as *The Moscow Times* or *The St. Petersburg Times*, Russian travel guidebooks, and excerpts of works by famous Russian authors writing in English. Contemporary authentic materials that reflect Russian culture, worldview, and/or current home affairs from various media and internet sources such as YouTube and TED.com are also used for in-class activities and home assignments. I select texts that present controversial, thought-provoking issues and attitudes that trigger discussion and debates, as well as enhance critical thinking skills, apart from fulfilling the above-mentioned course goals. Needless to say, the texts lie within the scope of the students' academic as well as professional interests, thus cannot help but benefit the students immensely.

Overall, the course consists of three modules: 1. Culture and Ways of Its Description; 2. History of Russia; 3. Russian Identity and Lifestyles.

The first module, Culture and Ways of Its Description, examines the core patterns of English as a lingua franca as well as Russian English usage, which is characterized by specific manifestations of Russianness at all linguistic levels, including pronunciation, vocabulary, grammar, stylistics, and even orthography, in which variations occur because of the absence of one common system of transliteration of the Cyrillic alphabet, which poses various challenges. Hence, any English text describing Russian culture and/or lifestyles can be written via various systems for transliterating Cyrillic alphabet into English, which leads to the infinite number of spelling variations of one and the same word (e.g., *matryoshka*, *matreshka*, *matrioshka*, *matryoska*, *matrëska*). Therefore, it is necessary to familiarize students with all these systems and variations with the help of specific sites, for example, Translit.ru which offers an online transliteration service with a variety of systems to choose from. Moreover, at this stage, students are familiarized with the potential of Russian-English language play, including bilingual creativity, such as bilingual punning, bilingual lexical hybridization as well as mock Englishization and bilingual multimodal play [6].

In addition, Module 1 offers practical tasks and activities aimed at training various skills necessary for describing any culture in English. This module does require previous knowledge of the subject from the Bachelor's degree program in regard to the most common types of translation techniques such as transliteration, transplation, transcription, and/or translation. However, these techniques are revised in the light of their applicability to culture-neutral and culture-specific vocabulary, such as "culturonyms" (culture-marked designations), "idionyms" (internal culture-loaded vocabulary), and "xenonyms" (foreign culture-loaded vocabulary) [10]. At this point, such models of translation as calque/loan translation, descriptive translation (the "Russian Doll model"), analogical translation, and transformations, including explications, are examined.

The above-mentioned theoretical implications and practical methods are applied to the texts from Module 2 — History of Russia. On balance, the aim of Module 2 is to build skills integral for the usage of the Russian variety of English as a secondary means of expressing cultural self-identity [10], which is challenging without actualizing historical context. Interestingly, Module 2 is virtually the only possibility for Russian students to utilize English when examining Russian history as all the other courses devoted to history and Russian culture within BA and MA programs are taught primarily in Russian.

Basically, students discuss every major period of Russian history comparing the ways of its presentation and interpretation in national and foreign sources in English, including Wikipedia and Russiapedia. At this point, students also encounter challenges related to reliability and credibility of sources, which triggers critical thinking skills necessary for identifying misinformation, propaganda and such.

Module 3, Russian Identity and Lifestyles, is aimed at perfecting the earlier-acquired skills necessary while describing such domains of Russian culture as geography, religion, literature and arts, city life, food, health and the healthcare system, raising children, education, traditions and superstitions, mythology, and typical traits of the Russian character. The module focuses on extralinguistic, pragmatic, and conceptual characteristics of the Russian variety of English that stem from the Russian mentality and identity, as well as the users' first language, Russian. The most controversial, ambiguous, and sensitive topics are selected in order to provoke discussions that demand a thorough explication of one's point of view with supporting arguments relying on specific examples. Likewise, Module 3 addresses issues related to auto- and heterostereotypes, i.e. stereotypes of Russians shared by Russians and non-Russians respectively, specifically to topics that are deeply rooted in the Russian lifestyle and mindset, which lead to a better understanding of students' own identities as well as to sharpening their critical thinking skills. Take, for example, traditional Russian prejudices and superstitions as well as typical healthcare beliefs and medical diagnoses which are generally unfamiliar to the rest of the world (e.g. vegetovascular dystonia; draughts and cold drinks as causes of colds; the idea of vitamin deficiency after winter), food choices of pregnant women (keeping to a strict diet) and parental attitudes (overprotection and overdressing toddlers for the weather) and other important issues. MA students as future teachers, participants of intercultural communication and parents raising bilingual children in multilingual world have to be aware of these challenges and differences. Moreover, the students are expected to practice their debating skills on these issues, relying both on the knowledge gained during the bachelor's degree programs, their own experience and their thesis projects.

The last in-class challenge the students encounter during the course is identical to the very first one. They are asked to identify who a/the typical Russian is and explain if they consider themselves Russians and why. As experience shows, students cope with this task much better at the end of the course.

Overall, during the course students have to make three presentations dealing with one Russian historical period or figure, one Russian region or oblast, and one Russian tradition. The target audience of the presentations is speakers of different varieties of English unfamiliar with Russia, Russians, and Russian language.

To be eligible for a pass, the students are to make a final presentation in English focusing on any domain of the Russian landscape (in the most broad meaning) aimed at an English-speaking audience familiar with Russia only by hearsay. The students are expected to demonstrate the acquired skills and methods useful for the introduction, description and interpretation of the Russian culture. The topics of presentations range from traditional subjects (e.g., favorite Russian artists, scientific breakthroughs, stereotypes and myths about Russians) to more unconventional issues (e.g. the popularity of the Cyrillic alphabet among designers worldwide or a characteristic depiction of Russians as villains in American or British literature and movies).

Conclusion

To recapitulate, the Russian Culture via English course is relatively new in the Russian educational landscape, having been introduced in the fall of 2016 as a reaction to the shift in the language education paradigm based on the concept of pluricentricity of English. Questionnaire surveys conducted at the beginning and the end of each course show that MA students feel the need for the course and find it extremely beneficial. Obviously, a recent challenge we have faced recently, which the brave new online world has posed to us, is the need for an online course as well as for new textbooks and materials to be tailored for it which I am in the process of collating now.

References

1. Lebedeva, I.L. 2017. Kurs “Russkaja kul’tura na anglijskom jazyke”. *Vestnik RUDN. Serija Voprosy obrazovanija: jazyki i kul’tury* 14 (4): 687—693. Print. (In Russ.)
2. Proshina, Z.G. 2016. EIL ili EFL? Izmenenie bukvy ili novaja kontsepcija jazykovogo obrazovanija?” *Vestnik MGU. Ser. 19: Lingvistika i mezhkul’turnaja kommunikacija* 19 (4): 171—186. Print. (In Russ.)
3. Kachru, B.B. 1985 (2006). “Standards, codification and sociolinguistic realism. The English language in the Outer Circle”. In R.Quirk & H.G. Widdowson (eds), *English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures*. Cambridge: Cambridge University Press, 11-30. Reprint: K. Bolton & B. Kachru (eds.), *World Englishes: Critical Concepts in Linguistics*. London & New York: Routledge. Vol. 3: 241—269. Print.
4. Proshina, Z., and A. Eddy (eds.). 2016. *Russian English. History, Functions, and Features*. Cambridge: Cambridge University Press. Print.
5. Proshina, Z.G. 2019. “Elaborating on the Expanding Circle”. *World Englishes*. 38(1-2): 233—244. DOI: 10.1111/weng.12371. Print.
6. Rivlina, A.A. 2020. “Bilingual language play and world Englishes”. In Cecil Nelson, Zoya G. Proshina, and Daniel Davis (eds.), *The Handbook of World Englishes* (2nd edn.), Hoboken: Wiley-Blackwell, 407—429. DOI: 10.1002/9781119147282.ch23. Print.
7. Lebedeva, I.L. 2016. “IRE: a hypothesis or a theory?”. *Procedia — social and behavioral sciences* 236: 189—193. DOI: 10.1016/j.sbspro.2016.12.063. Print.
8. Ter-Minasova, S.G. 2016. “Uchitel’, uchenik, uchebnik v sovremennoj Rossii”. *Vestnik MGU, Ser.19: Lingvistika i mezhkul’turnaja kommunikacija* 19(4): 130—138. Print. (In Russ.)
9. Kabakchi, V.V. 2002. *The Dictionary of Russia (2500 Cultural Terms): Anglo-russkiy slovar’ russkoy kulturnoy terminologii*. Saint-Petersburg: Soyuz. Print. (In Russ.)
10. Kabakchi, V.V. 2009. *Anglojazychnoe opisanie russkoy kultury = Russian Culture Through English*. Moscow: Academia. Print. (In Russ.)

Bio Note:

Irina L. Lebedeva is a PhD., Associate Professor for the Department of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: lebedevamsu@yandex.ru

Сведения об авторе:

Лебедева Ирина Леонидовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: lebedevamsu@yandex.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-542-552

Научная статья

Принципы и приемы формирования компетенции в русской диалогической речи у иракских студентов в Багдадском университете

М.М. Кадим, Х.А. Хуссейн

*Багдадский университет
Ирак, Багдад, 79СН+G8*

Названы принципы и приемы формирования компетенции в русской диалогической речи у иракских студентов в Багдадском университете; дано определение понятия «компетенция» в диалогической речи как способность успешно реализовывать устноречевую иноязычную деятельность в диалогической форме в соответствии с ситуацией общения; установлено, что компетенция в диалогической речи базируется на полученных знаниях (декларативных и процедурных), навыках (фонетических, лексических и грамматических) и умениях (речевых, учебных, интеллектуальных и компенсационных); определено, что реализация каждого из названных компонентов компетенции в диалогической речи у иракских студентов в Багдадском университете происходит с помощью реализации определенных принципов (принцип активности, принцип наглядности, принцип ситуативности, принцип опережающей профессиональной направленности содержания учебного материала, принцип новизны, принцип функциональности), а также приемов, или технологий (работа в парах, работа в тройках, работа в малых группах, карусель, аквариум), которые дадут возможность достичь высоких результатов при обучении русскому языку как иностранному иракских студентов в Багдадском университете.

Ключевые слова: принципы, приемы, компетенция в диалогической речи, иракские студенты, Багдадский университет

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 14.07.2020

Дата принятия к печати: 29.09.2020

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

© Кадим М.М., Хуссейн Х.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Кадим М.М., Хуссейн Х.А. Принципы и приемы формирования компетенции в русской диалогической речи у иракских студентов в Багдадском университете // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 4. С. 542—552. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-542-552

Research Article

Principles and Techniques for Competence Formation in Russian Dialogical Speech among Iraqi University of Baghdad Students

M.M. Kadhim, H.A. Hisham

University of Baghdad
79CH + G8, Baghdad, Iraq

The article has an attempt to name the principles and techniques for competence formation in Russian dialogical speech among Iraqi University of Baghdad students. The notion of competence in dialogic speech is defined as the ability to successfully implement spoken foreign language activities in a dialogic form in accordance with the situation of communication. It is established that the competence in dialogical speech is based on the acquired knowledge (declarative and procedural), skills (phonetic, lexical and grammatical) and skills (speech, training, intellectual and compensatory). It is reported that the implementation of every of the above components of competence in the dialogical speech for Iraqi University of Baghdad students occurs through the implementation of certain principles (activity principle, visibility principle, situationality principle, the principle of advanced professional orientation of educational material, novelty principle, functionality principle), and methods or technologies (work in pairs, work in triples, work in small groups, carousel, aquarium), which will enable to achieve high results in training Russian as a foreign language for the Iraqi University of Baghdad students.

Key words: principles, techniques, competence in dialogical speech, Iraqi students, the University of Baghdad

Article history:

Received: 14.07.2020

Accepted: 29.09.2020

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Kadhim, M.M., and A.H. Hisham. 2020. "Principles and Techniques for Competence Formation in Russian Dialogical Speech among Iraqi University of Baghdad Students". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (4), 542—552. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-542-552

Введение

Современный этап развития методики преподавания иностранных языков охарактеризован О. Быковой таким образом: если одни языки завоевывают мир, другие уходят на второй план, а третьи продолжают занимать свою нишу, но уже в качестве не первого, а второго или третьего иностранного языка [1]. Поэтому наиболее актуальными остаются вопросы этноориентированного и национально ориентированного обучения русскому языку как иностранному за пределами России, которые оказывают влияние и на методику преподавания русского языка как иностранного для иракских студентов в Багдадском университете.

На сегодняшний день одним из актуальных остается вопрос формирования компетенции в русской диалогической речи у иракских студентов, который обусловлен прежде всего необходимостью рассмотрения этой проблемы с позиций компетентностного подхода, в рамках которого должно происходить обучение иностранным языкам (в том числе и русскому) и на всех уровнях в любом образовательном учреждении.

Диалогическая речь (ДР) как таковая и методика ее преподавания занимали одно из ведущих мест в научных исследованиях многих ученых, среди которых А. Алхазишвили, М. Вайсбурд, Г. Мильруд, А. Миролубова, Е. Пассов, А. Петрашук, J. Anderson, N. Bilbrough, L. Dawes, S. Thornbury и др. В их трудах изучаются вопросы, связанные с условиями обучения ДР, типологией упражнений, контролем уровня сформированности речевых навыков и умений говорения в целом и ДР в частности. Хотя проблема формирования компетенции ДР у будущих филологов является не новой, некоторые вопросы, которые касаются формирования компетенции в русской диалогической речи у иракских студентов в Багдадском университете, остаются открытыми, например, в плане определения ключевых принципов и приемов.

Критически проанализировав основную методическую литературу, хотим отметить исследования, которые посвящены, с одной стороны, обучающему потенциалу русской языковой среды и основным аспектам работы преподавателя в таких условиях (Т. Балыхина, В. Вагнер, М. Давер, Е. Корчагина, А. Мамонтов, Л. Московкин, Е. Пассов, И. Просвиркина, Н. Формановская, А. Шукин и др.), а с другой стороны, национально обусловленным лингвометодическим и культурологическим характеристикам преподавания русского языка как иностранного в определенной стране (В. Божко, В. Вегвари, Г. Николаева, Е. Попова, Н. Решке, Т. Ткач и др.). Кроме этого, стоит отметить труды, которые касаются лингвистических характеристик ДР (А. Балаян, Т. Винокур, М. Михлина, И. Святогор, Л. Якубинский и др.), а также методической составляющей при обучении ДР (М. Абдуллаева, Г. Городилова, Э. Иванова, Д. Изаренкова, Г. Рожкова, Н. Хасанова и др.).

Цель статьи — назвать принципы и приемы формирования компетенции в русской диалогической речи у иракских студентов в Багдадском университете.

Обсуждение

Главной целью обучения русскому языку как иностранному иракских студентов как будущих филологов является формирование способности к межкультур-

ному общению. Реализация этой цели предполагает формирование у таких студентов, с одной стороны, иноязычной коммуникативной компетенции, а с другой стороны, компетенции в ДР. Так, анализ научных трудов ученых, которые исследовали проблему формирования русскоязычной компетенции в ДР, показал, что несмотря на имеющиеся на сегодняшний день труды [2—9], современные ученые продолжают изучать проблему обучения ДР и, соответственно, формирование компетенции в ДР, пытаясь найти новые и более эффективные способы и приемы для ее формирования [10—14]. Прежде всего предлагаем рассмотреть, как определяют компетенцию в ДР в современной методике преподавания иностранного языка.

Компетенция в ДР — это способность успешно реализовывать устноречевую иноязычную деятельность в диалогической форме в соответствии с ситуацией общения [15. С. 9; 11. С. 136]. Как полагает Е. Соловова, для реализации такой деятельности и разрешения ситуаций общения необходимы определенные навыки и умения организовать вещание, логично, последовательно и убедительно его построить, достичь поставленной цели и т.д. [15. С. 9]. В связи с этим В. Черныш предложила схему: компетенция в ДР базируется на полученных знаниях (декларативных и процедурных), навыках (фонетических, лексических и грамматических) и умениях (речевых, учебных, интеллектуальных и компенсационных) и предусматривает, что говорящий умеет планировать, осуществлять и корректировать собственное коммуникативное поведение во время порождения и варьирования иноязычной речи в различных типах диалогических высказываний в соответствии с определенной ситуацией общения, речевой задачей и коммуникативным намерением, а также в соответствии с правилами общения в определенной национально-культурной общности [11. С. 128]. Попытаемся рассмотреть подробно каждый из упомянутых компонентов.

1. **Декларативные и процедурные знания.** Если декларативные знания определяют как внешние или теоретические, которые содержат только представление о структуре отдельных явлений и понятий, то процедурные знания, или так называемые динамические знания», — это освоенные действия оперирования декларативными знаниями при планировании, реализации и коррекции диалогического высказывания определенного функционального типа. Декларативные и процедурные знания не существуют отдельно друг от друга, поскольку они взаимосвязаны взаимодополняющими компонентами, причем декларативные знания могут модифицироваться в процедурные при многократных упражнениях и интенсивной практике в устном общении [11. С. 139, 146—147].

Как отмечает Н. Гальскова, к декларативным знаниям относятся языковые знания (фонетические, лексические, грамматические характеристики иноязычной ДР, тематики общения и коммуникативных ситуаций, функциональных типов диалогов, регистров речи и их языковых особенностей, средств коммуникативно адекватного поведения, компенсаторных стратегий и т.д.), прагматические знания (способы организации, реализации и интерпретации речевого акта в соответствии с условиями общения), страноведческие знания (фоновые, знания паралингвистических средств общения, стандартов коммуникативного поведения и т.д.) [5. С. 140—142]. При этом процедурные знания проявляются через реали-

зацию предметных знаний в процессе диалогической речи [5. С. 123]. Процедура знания помогает определить, когда, в каких условиях и как использовать приобретенные декларативные знания и применять определенные стратегии действия и т.д. К процедурным знаниям можно отнести знания о том, как планировать, структурировать, организовывать, осуществлять и корректировать будущие высказывания определенного функционального типа, каким образом использовать средства невербального общения, уместность применения речевых средств, каким образом использовать компенсаторные и коммуникативные стратегии и т.д. [5. С. 147—148].

2. Навыки. Выделяют фонетические (артикуляционные и интонационные), лексические (владение лексическими единицами, речевыми клише и идиоматическими высказываниями на уровне надфразового единства и текста), грамматические (правильность оформления устноречевого сообщения в соответствии с нормами изучаемого иностранного языка) навыки [5. С. 1]. Под навыками, вслед за Е. Пассовым, понимаем автоматизированные речевые операции с учебным материалом, которые характеризуются следующими параметрами: полная автоматизированность, соответствие норме и узусу языка, нормальный темп речи, гибкость, репродуктивность, сознание, самостоятельность [9. С. 200]. Таким образом, сформировать навыки значит обеспечить студентам возможность строить собственные иноязычные высказывания и понимать высказывания собеседников.

3. Умения. Формируются на основе речевых навыков. Показателем сформированности речевых умений является способность личности использовать речевые навыки с учетом ситуации общения для самостоятельного и осознанного выражения мыслей и намерений и адекватного понимания других людей [5; 7]. Умения делятся следующим образом:

— речевые: умение применять при общении декларативные и процедурные знания; устанавливать контакт с собеседником; поддерживать разговор, используя речевой репертуар с учетом социокультурных норм и особенностей общения; умение вести диалоги различных функциональных типов и т.п.;

— интеллектуальные: умение делать вероятный прогноз, критически оценивать полученную во время общения информацию, сочетать мнемическую и логико-смысловую деятельность, классифицировать, систематизировать информацию, использовать справочную литературу, привлекать межпредметные связи;

— учебные: умение организовывать собственное обучение, планировать свои действия по освоению определенного материала и т.д.;

— компенсационные: умение пользоваться лингвистической и контекстуальной догадкой, применять компенсаторные и коммуникативные стратегии и т.п.;

— организационные: умение самостоятельно обучаться [11. С. 148—149, 156].

Названные компоненты полностью укладываются в процесс формирования компетенции в ДР у иракских студентов как будущих филологов, что позволяет развивать их коммуникативные способности, которые обеспечивают эффективность коммуникативной деятельности участников общения. Таким образом, коммуникативные способности включают внутреннюю мотивацию — желание к взаимодействию, способность коммуниканта к организации своей речи, ориентации в ситуации общения, адекватную реакцию слушателя на предложения других,

умение слушать, не прерывать собеседника, принимать услышанное во внимание и т.д.

Принципы и приемы формирования компетенции. Для реализации каждого из компонентов компетенции в ДР у иракских студентов в Багдадском университете необходимо придерживаться определенных принципов, а также приемов, или технологий, которые дадут возможность достичь высоких результатов при обучении русскому языку как иностранному. Рассмотрим основные принципы.

Вслед за В. Роговой, под принципами обучения понимаем исходные положения, определяющие содержание, методы, организацию обучения, которые являются взаимосвязанными и взаимообусловленными [16. С. 85]. Если говорить о преподавании русского языка как иностранного, следует упомянуть общеметодические принципы, которые являются универсальными для методики обучения любому иностранному языку, так как они выступают во взаимодействии с теми методическими принципами, которые разрабатываются для определенного вида речевой деятельности [5. С. 5]. Конечно, основное внимание следует сосредоточить на методических принципах формирования речевой компетентности в ДР у иракских студентов в Багдадском университете. Принципы обучения говорению на иностранном языке рассматривались, в частности, в научных трудах Е. Пасова и других ученых [9–17]. Принципы Е. Пасова были модифицированы по отношению к формированию речевой компетентности в ДР у иракских студентов в Багдадском университете.

1. **Принцип активности** предполагает участие студентов в поисковой деятельности в процессе обучения, творческое выполнение студентами самостоятельной работы, активное усвоение учебного материала, активизацию мыслительной деятельности и сообщение учебному процессу проблемного характера. Учет принципа активности позволяет:

— развивать мыслительную деятельность и механизмы мышления. При этом проблемное задание является толчком для реализации принципа активности, направленного на развитие механизмов мышления: ориентации в ситуации, оценки сигналов обратной связи и принятия решений; прогнозирования (результатов, содержания), выбора (мыслей, фактов);

— повысить мотивацию в общении уже на начальной ступени обучения в языковой высшей школе. При формировании мотивации приоритет отдается темам, которые являются интересными для студентов. Коммуникативная потребность студента может совпадать с актуальной темой речи, которая отвечает его личным и возрастным особенностям, становится внутренним мотивом для иноязычного общения, именно это приводит в состояние активности более сложные механизмы отображения, обдумывания и оперативной памяти [7. С. 111];

— развивать умения самостоятельной работы во время и после аудиторных занятий, а также индивидуализации обучения.

2. **Принцип наглядности** — один из ведущих методических принципов. Согласно этому принципу обучение строится на конкретных образах, которые воспринимаются студентами. Есть два направления реализации принципа наглядности на занятиях по русскому языку как иностранному: использование наглядности в

качестве средства обучения и средства познания. В первом случае это специально подобранные зрительные и слуховые образцы (звукозапись, таблицы, схемы, ситуативные картинки, интеллектуальные карты, искусственные и естественные опоры и более сложные для восприятия образцы наглядности — видеосюжеты телепередач), которые помогают студентам овладеть произносительными, лексико-грамматическими нормами языка, научиться понимать речь на слух и выражать свои мысли в пределах отобранного круга тем и ситуаций общения. Во втором случае средства наглядности выступают в качестве источника информации, например, информация о стране изучаемого языка или будущей профессии студента.

3. Принцип ситуативности означает, что формирование компетенции в ДР происходит на основе и с помощью ситуаций. Понятие «ситуация» на занятиях по русскому языку как иностранному можно рассматривать в нескольких плоскостях:

— ситуация как основа обучения предполагает практическое использование языка путем создания проблемной ситуации в аудиторных условиях, поскольку обсуждение проблем стимулирует к иноязычной коммуникации [18. С. 252];

— ситуация как основа отбора и организации языкового материала с целью его функционирования в жизненных ситуациях и темах [7. С. 5];

— ситуация как способ презентации материала (вслед за Е. Пассовым под презентацией понимаем показ функционирования в говорении определенного речевого образца, в процессе чего происходит первое знакомство студентов с новым материалом [9. С. 67]).

4. Принцип опережающей профессиональной направленности содержания учебного материала предусматривает организацию учебного процесса, который направлен на решение задач общения, связанных с будущей профессиональной деятельностью студента. Этот принцип обуславливает включение в обучение ситуаций и тем устного профессионального общения (например: «Будущая профессия», «Трудоустройство» [9. С. 58—65]), а также предусматривает моделирование в учебном процессе ситуаций профессионального общения, в частности дискуссии, в условиях выполнения определенных социальных ролей: учителя, преподавателя или работника образования во время конференций, семинаров, в ходе беседы с зарубежными коллегами и т.п.

5. Принцип новизны [19] получил широкое применение в практике преподавания русского языка как иностранного и реализуется при наличии следующих критериев:

— новизна условий для формирования навыков и развития речевых умений, а именно: постоянная смена речевых задач, трансформация речевых образцов, вариативность словосочетаний, компонентов и т.д.;

— новизна содержания должна быть на таком уровне, чтобы студенты почувствовали острую необходимость обсудить проблему;

— новизна других аспектов процесса обучения, например, приемов и видов работы, организационных форм.

Правильная реализация этого принципа обеспечивает общение уже на начальном этапе, что является важной предпосылкой формирования компетенции в говорении, в частности в ДР.

6. Принцип функциональности предусматривает предъявление материала в виде моделей и речевых образцов, характерных для разнообразных сфер общения; они обуславливают последовательность усвоения материала. Согласно принципу функциональности, объектом усвоения являются не речевые средства сами по себе, а функции, которые выполняют эти средства. Отбор и организация материала происходит в зависимости от необходимости выражения студентами речевых функций: сомнения, похвалы, подтверждение мысли, отказа, уверенности и т.п.

Приемы, или технологии помогают достичь формирования компетентности в русской диалогической речи у иракских студентов в Багдадском университете, среди которых: работа в парах, работа в тройках, работа в малых группах, карусель, аквариум [20].

Работа в парах дает время подумать, обменяться идеями с партнером и только потом озвучить свои мысли перед аудиторией, способствует формированию навыков критического мышления, развивает умение выражаться, вести дискуссию и убеждать собеседника. Во время работы в парах можно быстро выполнять упражнения, которые при других условиях потребуют большой затраты времени: обсудить короткий текст, задания; взять интервью и определить отношение партнера к той или иной учебной деятельности; сформулировать итог занятия; дать ответы на вопросы преподавателя.

Работа в тройках — это более сложная работа, чем в парах, проводимая для обсуждения проблемы, обмена мнениями, подведения итогов.

Работа в малых группах (3—5 студентов). При обучении русскому языку как иностранному такую работу следует использовать для решения сложных проблем, требующих коллективного разума, когда задача требует совместной, но не индивидуальной работы. Важными моментами групповой работы является разработка содержания и представления группами результатов коллективной деятельности. В зависимости от содержания и цели обучения возможны различные варианты организации работы групп.

Карусель. Одновременно привлекаются к работе все участники учебного процесса. При этом происходит активное общение и обсуждение проблемы всеми студентами. Эту технологию следует применять для сбора информации по любой теме; интенсивной проверки объема и глубины знаний; развития умения аргументировать свою позицию. Группа студентов объединяется в несколько команд (зависит от количества проблем, которые будут решаться), и каждая из них выбирает представителя, который отвечает за сбор информации. Группы получают задания, обсуждают его и записывают на листе бумаги основные тезисы (до 3 мин.), после чего информация на листе передается по часовой стрелке от одной группы к другой. Каждая команда знакомится с записанными фактами и при необходимости дополняет своими. Когда «карусель» делает один оборот, группа обобщает материалы и отчитывается по определенной проблеме. Прием «карусель», в свою очередь, является формой деятельности студентов в малых группах, эффективной для развития умений общения, совершенствования умения дискутировать и аргументировать свое мнение.

Аквариум. Этот прием эффективен для развития и совершенствования умений общения в малых группах, умений дискутировать и аргументировать свое мнение.

Преподаватель может применять этот прием, если у студентов уже сформированы навыки групповой работы. При обсуждении проблемы студенты не только высказывают собственное мнение и дают оценку ситуации, но и учитывают аргументы собеседников, что позволяет принять совместное решение.

Заключение

Формирование компетенции в русской диалогической речи у иракских студентов в Багдадском университете как одной из способностей успешно реализовывать устноречевую иноязычную деятельность в диалогической форме в соответствии с ситуацией общения базируется на полученных знаниях (декларативных и процедурных), навыках (фонетических, лексических и грамматических) и умениях (речевых, учебных, интеллектуальных и компенсационных), реализация которых должна сопровождаться следованием определенным принципам (принципу активности, принципу наглядности, принципу ситуативности, принципу опережающей профессиональной направленности содержания учебного материала, принципу новизны, принципу функциональности), а также приемов, или технологий (работа в парах, работа в тройках, работа в малых группах, карусель, аквариум), которые дадут возможность достичь высоких результатов при обучении русскому языку как иностранному для иракских студентов в Багдадском университете.

Список литературы

1. *Быкова О.П.* Обучение русскому языку как иностранному в иноязычной среде (на примере южнокорейских университетов): дис. ... д-ра пед. наук. М., 2011.
2. *Алхазиашвили А.А.* Основы овладения устной иноязычной речью: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1988.
3. *Вайсбурд М.Л.* Использование учебно-речевых ситуаций при обучении устной речи на иностранном языке. М.: Титул, 2001.
4. *Гальскова Н.Д.* Обучение диалогической речи студентов языкового педагогического вуза с учетом их индивидуально-психологических особенностей (нем. язык): автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1982.
5. *Гальскова Н.Д., Гез Н.И.* Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие. М.: Академия, 2004.
6. *Зимняя И.А.* Педагогическая психология: учебник для вузов. 2-е изд., доп., испр. и перераб. М.: Логос, 2001.
7. *Зимняя И.А.* Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М.: Просвещение, 1985.
8. *Мильруд Р.П.* Организация обсуждения проблемы на уроке иностранного языка // Иностранные языки в школе. 1986. № 4. С. 104—121.
9. *Пассов Е.И.* Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению: пособие для учителей иностранных языков. 2-е изд. М.: Просвещение, 1991.
10. *Ананьева Л.В.* Обучение студентов языковых специальностей профессионально направленной диалогической речи с использованием деловой игры (французский язык): дис. ... канд. пед. наук. Киев, 2002.
11. *Черныш В.В.* Обучение англоязычному чтению и аудированию с использованием аудиокниг художественных произведений (средняя общеобразовательная школа с углубленным изучением иностранных языков): дис. ... канд. пед. наук. К., 2001.

12. *Brookfield S.D., Preskill S.* Discussion as a Way of Teaching: Tools and Techniques for Democratic Classrooms. 2nd ed. Jossey-Bass, 2005.
13. *Brown G.* Listening to Spoken English. 2nd ed. L. : Longman, 1990.
14. *Littlewood W.* Communicative Language Teaching. Cambridge : Cambridge University Press, 1998.
15. *Соловова Е.Н.* Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций: пособие для студ. пед. вузов и учителей. М. : Просвещение, 2002.
16. *Рогова Г.В.* О принципах обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 1974. № 6. С. 84—96.
17. *Пассов Е.И., Шаридова З.Г.* Коммуникативное мышление как феномен и его структура // Коммуникативный метод обучения иноязычной речевой деятельности: сб. науч. тр. Воронеж : Изд-во ВГПИ, 1982.
18. *Игнатова И.Б., Григоренко С.Е.* Речевая ситуация как основа обучения иностранных студентов-филологов речевому общению (этап включенного обучения) // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 9. С. 246—254.
19. *Пассов Е.И.* Коммуникативное иноязычное образование: концепция развития индивидуальности в диалоге культур. Липецк : Липецкий ГПИ, 1998.
20. *Бобрышев С.В., Смагина М.В.* Методы активизации процесса обучения: учебное пособие. Ставрополь : Изд-во СГПИ, 2010.

References

1. *Bykova, O.P.* 2011. "Obuchenie russkomu yazyku kak inostrannomu v inoyazychnoj srede (na primere yuzhnokorejskikh universitetov)": Dr. diss. Moscow. Print. (In Russ.)
2. *Alhaziyashvili, A.A.* 1988. *Osnovy ovladeniya ustnoj inoyazychnoj rech'yu: uchebnoe posobie.* Moscow: Prosveshchenie. Print. (In Russ.)
3. *Vajsburd, M.L.* 2001. *Ispol'zovanie uchebno-rechevyh situacij pri obuchenii ustnoj rechi na inostrannom yazyke.* Moscow: Titul. Print. (In Russ.)
4. *Gal'skova, N.D.* 1982. "Obuchenie dialogicheskoy rechi studentov yazykovogo pedagogicheskogo vuza s uchetom ih individual'no-psihologicheskikh osobennostej (nem. yazyk)": Candidate Diss. Moscow. Print. (In Russ.)
5. *Gal'skova, N.D., and N.I. Gez.* 2004. *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Lingvodidaktika i metodika: ucheb. posobie.* Moscow: Akademiya. Print. (In Russ.)
6. *Zimnyaya, I.A.* 2001. *Pedagogicheskaya psihologiya: uchebnyk dlya vuzov. 2-nd edition.* Moscow: Logos. Print. (In Russ.)
7. *Zimnyaya, I.A.* 1985. *Psihologicheskie aspekty obucheniya govoreniyu na inostrannom yazyke.* Moscow: Prosveshchenie. Print. (In Russ.)
8. *Mil'rud, R.P.* 1986. "Organizaciya obsuzhdeniya problemy na uroke inostrannogo yazyka". *Inostrannye yazyki v shkole* 4: 104—121. Print. (In Russ.)
9. *Passov, E.I.* 1991. *Kommunikativnyj metod obucheniya inoyazychnomu govoreniyu: posobie dlya uchitelej inostrannyh yazykov. 2-nd edition.* Moscow: Prosveshchenie. Print. (In Russ.)
10. *Anan'eva, L.V.* 2002. "Obuchenie studentov yazykovyh special'nostej professional'no napravlennoj dialogicheskoy rechi s ispol'zovaniem delovoj igry (francuzskij yazyk)": Candidate Diss. Kiev. Print. (In Russ.)
11. *Chernysh, V.V.* 2001. "Obuchenie angloyazychnomu chteniyu i audirovaniyu s ispol'zovaniem audioknig hudozhestvennyh proizvedenij (srednyaya obshcheobrazovatel'naya shkola s uglublennym izucheniem inostrannyh yazykov)": Candidate Diss. Kiev. Print. (In Russ.)
12. *Brookfield, S.D., and S. Preskill.* 2005. Discussion as a Way of Teaching: Tools and Techniques for Democratic Classrooms. 2nd ed. Jossey-Bass.
13. *Brown, G.* 1990. Listening to Spoken English. 2nd ed. London: Longman.
14. *Littlewood, W.* 1998. Communicative Language Teaching. Cambridge: Cambridge University Press.

15. Solovova, E.N. 2002. Metodika obucheniya inostrannym yazykam: bazovyy kurs lekcij: posobie dlya stud. ped. vuzov i uchitelej. Moscow: Prosveshchenie. Print. (In Russ.)
16. Rogova, G.V. 1974. "O principah obucheniya inostrannym yazykam". Inostrannye yazyki v shkole 6: 84—96. Print. (In Russ.)
17. Passov, E.I., and Z.G. Sharidova. 1982. "Kommunikativnoe myshlenie kak fenomen i ego struktura" in Kommunikativnyj metod obucheniya inoyazychnoj rechevoj deyatel'nosti. Voronezh: Izd-vo VGPI. Print. (In Russ.)
18. Ignatova, I.B., and S.E. Grigorenko. 2009. "Rehevaya situaciya kak osnova obucheniya inostrannyh studentov-filologov rechevomu obshcheniyu (etap vklyuchennogo obucheniya)". Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki 9: 246—254. Print. (In Russ.)
19. Passov, E.I. 1998. Kommunikativnoe inoyazychnoe obrazovanie: koncepciya razvitiya individual'nosti v dialoge kul'tur. Lipeck: Lipeckij GPI. Print. (In Russ.)
20. Bobryshev, S.V., and M.V. Smagina. 2010. Metody aktivizacii processa obucheniya: uchebnoe posobie. Stavropol': Izd-vo SGPI. Print. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Кадим Мундер Мулла — доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка Багдадского университета. E-mail: muntherkadhum@mail.ru

Хуссейн Хишам Али — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Багдадского университета. E-mail: hisham.hussein@colang.uobaghdad.edu.iq

Bio Notes:

Munder Mulla Kadhim is a Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language at the University of Baghdad. E-mail: muntherkadhum@mail.ru

Hisham Ali Hussein is a Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department at the University of Baghdad. E-mail: hisham.hussein@colang.uobaghdad.edu.iq

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-553-561

Научная статья

Адаптированная художественная литература в обучении иностранных студентов и студентов-билингвов русскому языку

Н.Д. Афанасьева, С.С. Захарченко, И.Б. Могилёва

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел России
Российская Федерация, 119454, Москва, просп. Вернадского, 76

Статья посвящена проблемам адаптации художественных текстов, чтение которых помогает иностранным студентам и билингвам на уроках русского языка развивать языковую, речевую, социокультурную, коммуникативную компетенции. Приводятся приемы, которые используются при адаптации, анализируются методы адаптации, которые были использованы преподавателями кафедры русского языка МГИМО МИД России при работе с текстами А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова.

Ключевые слова: адаптация, читательская компетенция, трансформация, комментирование, фоновые знания, картина мира

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 02.07.2020

Дата принятия к печати: 29.09.2020

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилёва И.Б. Адаптированная художественная литература в обучении иностранных студентов и студентов-билингвов русскому языку // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 4. С. 553–561. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-553-561

© Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилёва И.Б., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Adapted Fiction in Teaching Russian to Foreign and Bilingual Students

N.D. Afanasieva, S.S. Zakharchenko, I.B. Mogileva

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskiy Prospect, Moscow, 119454, Russian Federation

The article is devoted to the problems of adaptation of literary texts, reading of which helps foreign and bilingual students to develop linguistic, speech, socio-cultural, and communicative competence at the Russian language lessons. The authors give examples of techniques and analyze methods of adaptation which were used by the teachers of the Russian language Department at MGIMO-University working with texts by A. Pushkin and M. Lermontov.

Key words: adaptation, transformation, commenting, background knowledge, linguistic picture of the world

Article history:

Received: 02.07.2020

Accepted: 29.09.2020

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Afanasieva, N.D., S.S. Zakharchenko, and Mogileva I.B. 2020. "Adapted Fiction in Teaching Russian to Foreign and Bilingual Students". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (4), 553—561. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-553-561

Введение

Главной задачей обучения русскому языку является развитие языковой, речевой, социокультурной, коммуникативной компетенций. Именно этому способствует чтение — один из видов речевой деятельности, важное средство, развивающее у обучающихся логику мышления, способствующее приобретению лексических и грамматических навыков. Художественные тексты не только расширяют лексическую базу, иллюстрируют грамматические явления, развивают речевые навыки и читательскую компетенцию, способствуют приобретению новой информации и познанию окружающего мира, но и знакомят студента с поведенческими стереотипами представителей разных эпох, особенностями культуры. Если вопрос об адаптации художественных произведений для иностранных учащихся широко обсуждается, так как иностранные учащиеся неизбежно сталкиваются при чтении художественного текста с трудностями — лексическими, фразеоло-

гическими, синтаксическими, страноведческими и др., то, на наш взгляд, вопрос об адаптации художественного текста для студентов-билингвов кажется неактуальным, потому что при чтении художественной литературы они не испытывают больших затруднений. Билингвы, свободно говорящие на русском языке, начиная читать классические или современные произведения русских авторов, часто теряют к ним интерес, так как не понимают многие слова и реалии того времени и глубинный смысл произведения. Проблемы, поднимаемые автором, и его позиция оказываются для них непонятными. Объяснимо желание студентов прочитать в подлиннике рассказы, повести, романы великих русских писателей (А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова), но также ясно, что малоупотребительные слова, архаизмы, историзмы, неологизмы, встречающиеся в произведениях, мешают обучаемым понять содержание. Поэтому адаптирование текстов для билингвов (особенно текстов художественной литературы) на разных этапах обучения необходимо и методически оправданно, поскольку знакомство с образцами русской классической литературы важно в равной степени и для познания нового иноязычного мира, приобретения фоновых знаний, и для формирования социальных и нравственных качеств студентов. Так решаются образовательная и воспитательная цели обучения иностранному языку.

Обсуждение

Важность и сложность адаптирования художественной литературы при изучении русского языка методисты обсуждали на протяжении многих лет. Например, в работах Н.М. Шанского и Н.З. Бакеевой были описаны требования, выдвигаемые к адаптированию текстов [1]. Роль адаптации и использование адаптированных текстов при развитии и активизации разных видов речевой деятельности рассматривались И.П. Слесаревой [2]. С.В. Первухина исследовала разные приемы и виды адаптации художественного текста [3], проблемы комментирования и адаптирования анализировали Н.В. Кулибина [4], Е.В. Потемкина [5; 6] и др.

Справочник лингвистических терминов содержит следующее определение адаптации: «Адаптация (лат. *adaptatio* — прилаживание, приравнивание) — приспособление текста для недостаточно подготовленных читателей (например, «облегчение» текста литературно-художественного произведения для начинающих изучать иностранные языки)» [7]. В адаптированном художественном произведении система образов упрощается, часть второстепенного текстового материала сокращается (нелингвистическая адаптация), используется языковой материал, уже известный группе читателей, для которой предназначен текст (лингвистическая адаптация).

Н.В. Кулибина отмечает: «Идея упрощения текстов в целях обучения языку возникла в 1930-е гг. В это время Ч. Огден создал так называемый *Basic English*, главным принципом которого являлось лексическое упрощение (850 английских слов и система обучения). Дж. Пальмер и А. Хорнби оперировали лексическим минимумом из 1000 слов. М. Уэст не только разработал методику составления книг для чтения с использованием ограниченного словаря, но и предложил систему уровней сложности — для словарного запаса в 1000, 1500, 2000 и 3000 слов.

В конце 1960-х гг. А.А. Вейзе предложил анализ единиц и методов адаптации, а также попытался определить уровни адаптации. В ряде методических работ, посвященных обучению иностранным языкам (русскому как иностранному/неродному в том числе), проблема адаптации рассматривалась неоднократно» [8].

«Для изучающих иностранный язык, — отмечает С.В. Первухина, — большую сложность в понимании текста представляет не содержание, а способ выражения мысли: синтаксические конструкции, редко употребляемые слова, фразеологизмы, длина текста и т.д.» [3. С. 89].

Адаптированная художественная литература для чтения, аудирования используется в учебном процессе и на кафедре русского языка МГИМО МИД России: студентам-иностранцам и билингвам, число которых в университете ежегодно увеличивается, на разных этапах обучения предлагаются рассказы, повести, фрагменты романов и классиков, и современных авторов. Хотя приемы и виды адаптации художественного текста для иностранцев и билингвов во многом схожи, тем не менее необходимо отметить некоторые различия. Часто студенты-билингвы в меньшей степени, чем иностранные учащиеся, испытывают затруднения в понимании грамматических явлений, многое воспринимая интуитивно, но лексическая и культурологическая работа для них также является очень важной. Хотя существует мнение методистов, что нецелесообразно адаптировать классику для билингвов, у которых русский язык является одним из родных, так как по мере взросления они читают все более усложняющиеся тексты и способны перейти к чтению оригинальных классических произведений. В идеале это так, но, к сожалению, оторванность от культуры страны языка, образовательный уровень семьи, в которой воспитывается билингв, влияние иной культуры приводят к тому, что не всегда оригинальное классическое произведение доступно для понимания учащегося [9].

Выбирая художественные произведения, преподаватели руководствуются современными требованиями: текст должен быть интересен учащимся, т.е. содержать оценочные суждения, знакомить с обычаями, традициями страны изучаемого языка. Важным является смысловая завершенность текста [10]. Преподаватели кафедры адаптировали и издали учебные пособия для студентов по обучению чтению «Читаем Пушкина вместе (“Повести Белкина”», адаптация Н.Д. Афанасьевой, А.В. Буробина, С.С. Захарченко, уровень владения русским языком А2 [11], «М.Ю. Лермонтов. Княжна Мери», адаптация Н.Д. Афанасьевой, А.В. Буробина, уровень владения русским языком В2 [12].

Конечно, адаптированная проза русских классиков не сможет в полной мере продемонстрировать талант писателей, но сможет увлечь читателя развитием сюжета, заинтересует его, приведет к размышлениям и сопереживанию героям, пониманию картины мира русского человека.

Обычные приемы адаптации текста — трансформация и комментирование. Трансформация включает в себя сокращение некоторых фрагментов текста для формирования четкой и динамичной сюжетной линии, чтобы читатель следил за событиями, понимая языковую структуру текста. Обычно исключается описание действий второстепенных персонажей, сокращается подробное описание пейзажей, портретов героев произведения, авторские отступления. Также при транс-

формации может использоваться расширение, добавление, например, страноведческого комментария. Прием замены способствует снятию лексических, грамматических, страноведческих трудностей, когда упрощаются сложные грамматические конструкции, не соответствующие уровню владения языком читателя, слова и словосочетания заменяются на уже изученные.

Сокращение объема фрагмента в адаптированном тексте, упрощение смысла и языковой структуры текста в учебном пособии «Читаем Пушкина вместе» показано ниже:

Аутентичный текст	Адаптированный текст
1. Лошадь Муромского, не бывавшая никогда на охоте, испугалась и понесла. Муромский, провозгласивший себя отличным наездником, дал ей волю и внутренне доволен был случаем, избавляющим его от неприятного собеседника. Но лошадь, доскакав до оврага, прежде ею не замеченного, вдруг кинулась в сторону, и Муромский не усидел. Упав довольно тяжело на мерзлую землю, лежал он, проклиная свою куцую кобылу, которая, как будто опомнясь, тотчас остановилась, как только почувствовала себя без седока. Иван Петрович подскакал к нему, осведомляясь, не ушибся ли он. Между тем стремянный привел виновную лошадь, держа ее под уздцы. Он помог Муромскому взобраться на седло, а Берестов пригласил его к себе.	1. Лошадь Муромского испугалась и быстро поскакала. Муромский тяжело упал на землю. Берестов подъехал к нему, спрашивая, не больно ли ему. Он помог Муромскому сесть на лошадь и пригласил его к себе.
2. «Так вы знали мою Дуню? — начал он. — Кто же и не знал ее? Ах, Дуня, Дуня! Что за девка-то была! Бывало, кто ни проедет, всякий похвалит, никто не осудит. Барыни дарили ее, та платочком, та серезжками. Господа проезжие нарочно останавливались, будто бы победать, аль отужинать, а в самом деле только чтоб на нее подолее поглядеть. Бывало барин, какой бы сердитый ни был, при ней утихает и милостиво со мною разговаривает. Поверите ль, сударь: курьеры, фельдъегеря с нею по получасу заговаривались. Ею дом держался: что прибрать, что приготовить, за всем успевала. А я-то, старый дурак, не нагляжусь, бывало, не нарадуюсь; уж я ли не любил моей Дуни, я ль не лелеял моего дитяти; уж ей ли не было житье? Да нет, от беды не отбожишься; что суждено, тому не миновать».	2. «Так вы знали мою Дуню? — начал он. — Ах, Дуня, Дуня! Какая девушка была! Проезжие останавливались, говорили, что будут обедать или ужинать, а на самом деле хотели на нее посмотреть. Она все могла: и приготовить, и убрать. Я любил мою Дуню. Но чему быть, того не миновать».

Часто при адаптации текста сокращаются те части, которые описывают второстепенных персонажей, или эти персонажи (если этот прием не нарушает течения сюжета) не упоминаются в сокращенном варианте произведения. Например, в повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка» мастерски выписанный классиком в одном предложении портрет мисс Жаксон, гувернантки главной героини Лизы, к сожалению, полностью удален: «...сорокалетняя чопорная девица, которая белилась и сурьмила себе брови, два раза в год перечитывала “Памелу”, получала за то две тысячи рублей и умирала со скуки в этой варварской России». Также могут быть сокращены подробные пейзажные зарисовки, не играющие важной роли в развитии событий произведения.

Работа с лексикой в процессе адаптации текстов, во-первых, заключается в замене архаизмов, устаревших оборотов нейтральными синонимами и современными формами, например:

В аутентичном тексте	В адаптированном тексте
подле отобедать не извольте забывать иметь несчастье нынче поутру	возле пообедать не забывайте не повезло сегодня утром

Во-вторых, наличие историзмов в текстах затрудняет чтение, но они передают определенный колорит эпохи произведения (помещик, губерния, имение, дуэль и др.), и отказаться от них без ущерба понимания текста невозможно. В адаптированных текстах историзмы объясняются в предтекстовых комментариях к каждой части, либо студентам предлагается самостоятельно перевести эти слова и словосочетания (или послушать объяснения преподавателя и записать их).

В-третьих, в целях адекватного понимания содержания текста адаптация вынуждает заменять общеупотребляемыми синонимами слова (к примеру, глаголы при прямой речи), представляющие трудность для студентов данного этапа обучения и не входящие в лексический минимум. Например, глаголы в аутентичном тексте *произнести, воскликнуть, вскрикнуть, шепнуть, усмехнуться*, прибавить в адаптированном тексте заменяются на глаголы, входящие в лексический минимум определенного уровня владения языком: *сказать, рассказать, спросить, ответить, продолжать, закричать*. «“Родинка!” — пробормотал я сквозь зубы» в аутентичном тексте было заменено при адаптации на «“Родинка!” — сказал я»; «“Славно придумано! согласны! почему же нет?” — раздалось со всех сторон» в адаптированном тексте приняло вид «“Хорошо придумано! Согласны! Почему же нет?” — говорили все». При работе с художественным текстом в группе билингов преподаватель для расширения лексической базы учащихся может предложить им в некоторых случаях работу по подбору синонимов к словам, объясняя различия между ними, предлагая другие ситуации использования рассматриваемых слов.

В-четвертых, при чтении русской литературы у иностранцев (в том числе и у билингов, выросших вне языковой среды и знающих язык только на бытовом уровне) могут возникать трудности в понимании явлений, отсутствующих в культуре других народов. Чтобы помочь студентам сориентироваться в русских реалиях, особенно далеких от современности, в адаптированных произведениях необходимо объяснять эти культурные компоненты. Это могут быть и предтекстовые комментарии, и пояснения, включенные непосредственно в текст. Комментирование способствует лучшему пониманию его содержания, у читателя нет необходимости искать непонятную для него информацию в словарях или справочниках. Комментарий может быть страноведческого, лингвистического и литературоведческого характера. Приведем примеры страноведческого и лингвистического предтекстового комментария к повести М.Ю. Лермонтова «Княжна Мери»:

1) «юнкер — до 1918 года: младший офицер из дворян, который мог прослужить определенный срок, сдать экзамен и стать офицером»; «Азиатская война (или Кавказская война) — военные действия русской императорской армии, связанные с присоединением горных районов Северного Кавказа к Российской империи в первой половине XIX века»;

2) «послать свое последнее “прости” — попрощаться»; «пожимать / пожать плечами — выразить недоумение, неудовольствие», «разжаловать в солдаты — лишить офицера должности, чина, насильно перевести в солдаты», «водяное общество — то же, что светское общество; зд.: светское общество отдыхающих у

минеральных источников в Пятигорске», «роман в новом вкусе — западноевропейское романтическое произведение, в котором новый герой размышляет о смысле жизни, а автор описывает жизнь души, психологию героя» и др. [12].

Необходимо также отметить, что сохранение авторской стилистики художественного произведения (или максимально возможное приближение к нему) при адаптации возможно, в частности, при сохранении в тексте несложных, часто употребляемых и не вызывающих трудностей при понимании и запоминании студентами фразеологических оборотов: лежать глядя в потолок, броситься к ногам, кинуть жребий и др. Также часто используемый авторами-классиками прием инверсии в предложениях, придающих им особую эмоциональность, остается без изменений в адаптированных вариантах, например: *Характер мой вам известен. Сегодня утром зашел ко мне доктор. Жизнь его была в моих руках. Наконец... видим мы, сходит кто-то с балкона.*

При адаптации текстов преподаватели сохраняют определенный процент незнакомой учащимся лексики, которая может быть понятна из контекста и не вызывает трудностей при чтении. Это нужно для формирования языковой догадки, столь необходимой для развития читательской компетенции.

Заключение

Таким образом, вопрос о необходимости адаптации текстов для студентов-билингвов на кафедре русского языка МГИМО МИД России не вызывает сомнений и адаптированные тексты являются необходимой составляющей процесса преподавания русского языка иностранным учащимся и билингвам.

Литературные произведения не только способствуют получению знаний об определенной эпохе, человеческих характерах, но и создают коммуникативные ситуации, дают возможность обсудить самые различные проблемы, расширяют культурологический кругозор учащихся. Большая работа по ознакомлению студентов с русской художественной литературой на материале адаптированных текстов позволяет нам предоставить обучающимся информацию о русской классике, культуре, истории и пробудить их интерес к чтению литературы и изучению русской культуры, сформировать читательскую компетенцию. Именно таким образом, последовательно и постепенно, преподаватели могут подготовить учащихся к чтению оригинальных авторских текстов.

Список литературы

1. Русский язык в национальной школе: проблемы лингводидактики / под ред. Н.М. Шанского, Н.З. Бакеевой. М. : Педагогика, 1977.
2. *Слесарева И.П.* Проблемы описания и преподавания русской лексики. М. : URSS, 2010.
3. *Первухина С.В.* Виды адаптации текста // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2014. Том 11. № 1. С. 97—100.
4. *Кулибина Н.В.* Художественный текст в лингводидактическом осмыслении: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2001.
5. *Потемкина Е.В.* Комментированное чтение художественного текста в иностранной аудитории как метод формирования билингвальной личности: дис. ... канд. пед. наук. М., 2015.

6. Ружицкий И.В., Потёмкина Е.В. Проблема формирования билингвальной личности в лингводидактике // Мир русского слова. СПб., 2013. № 2. С. 81—90.
7. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. М. : Просвещение, 1972.
8. Кулибина Н.В. Адаптировать нельзя понять // Русский язык за рубежом. 2013. № 5. С. 23.
9. Формирование и оценка коммуникативной компетенции билингвов в процессе двуязычного образования / под ред. Е.Е. Юркова. СПб., 2012.
10. Стрельчук Е.Н. Роль художественной литературы в формировании и развитии русской речевой культуры иностранных студентов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. № 2—5. С. 1135—1139.
11. Афанасьева Н.Д., Буробин А.В., Захарченко С.С. Читаем Пушкина вместе («Повести Белкина»): учеб. пособие для студентов-иностранцев по обучению русскому языку. М. : МГИМО—Университет, 2015.
12. Афанасьева Н.Д., Буробин А.В. Подготовка текста и заданий. Лермонтов М.Ю. Княжна Мери. СПб. : Златоуст, 2019.

References

1. Russkij yazyk v nacional'noj shkole: Problemy lingvodidaktiki. 1977. Ed. by N.M. Shanskiy, N.Z. Bakeeva. Moscow: Pedagogika. Print. (In Russ.)
2. Slesareva, I.P. 2010. Problemy opisaniya i prepodavaniya russkoj leksiki. Moscow: URSS. Print. (In Russ.)
3. Pervuhina, S.V. 2014. "Vidy adaptacii teksta". Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika 11(1): 97—100. Print. (In Russ.)
4. Kulibina, N.V. 2001. "Hudozhestvennyj tekst v lingvodidakticheskom osmyslenii". Doctoral Thesis. Moscow. Print. (In Russ.)
5. Potemkina, E.V. 2015. "Kommentirovanoe chtenie hudozhestvennogo teksta v inostrannoj auditorii kak metod formirovaniya bilingval'noj lichnosti". Candidate Thesis in Pedagogical Sciences. Moscow. Print. (In Russ.)
6. Ruzhickij, I.V., and E.V. Potyomkina. 2013. "Problema formirovaniya bilingval'noj lichnosti v lingvodidaktike". Mir russkogo slova 2: 81—90. Print. (In Russ.)
7. Rozental', D.E., and M.A. Telenkova. 1972. Spravochnik lingvisticheskikh terminov: posobie dlya uchitelya. Moscow: Prosveschenie. Print. (In Russ.)
8. Kulibina, N.V. 2013. "Adaptirovat' nel'zya ponyat". Russkij yazyk za rubezhom 5: 23. Print. (In Russ.)
9. Formirovanie i ocenka kommunikativnoj kompetencii bilingvov v processe dvuyazychnogo obrazovaniya. 2012. Ed. by Yurkov E.E. SPb. Print. (In Russ.)
10. Strel'chuk, E.N. 2011. "Rol' hudozhestvennoj literatury v formirovanii i razvitii russkoj rechevoj kul'tury inostrannyh studentov". Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk 2 (5): 1135—1139. Print. (In Russ.)
11. Afanas'eva, N.D., A.V. Burobin, and Zaharchenko S.S. 2015. Chitaem Pushkina vmeste («Povesti Belkina»): ucheb. posobie dlya studentov-inostrancev po obucheniyu russkomu yazyku. Moscow: MGIMO—Universitet. Print. (In Russ.)
12. Afanas'eva, N.D., and A.V. Burobin. 2019. Podgotovka teksta i zadaniy. Lermontov M.Yu. Knyazhna Meri. SPb.: Zlatoust. Print. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Афанасьева Нина Дмитриевна — доцент, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой русского языка МГИМО МИД России. E-mail: afan-nina@yandex.ru

Захарченко Светлана Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка МГИМО МИД России. E-mail: sveta.zakharchenko@gmail.com

Могилёва Ирина Болеславовна — доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка МГИМО МИД России. E-mail: mogilevairina@yandex.ru

Bio Notes:

Nina D. Afanasieva is a Candidate of Pedagogy, a Head of the Department of Russian Language of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia). E-mail: afan-nina@yandex.ru

Svetlana S. Zakharchenko is a Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Department of Russian Language of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia). E-mail: sveta.zakharchenko@gmail.com

Irina B. Mogileva is a Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia). E-mail: mogilevairina@yandex.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-562-565

Essay

Reflections on *Nimble Tongues*

S.G. Kellman

University of Texas at San Antonio, USA
1 UTSA Circle, San Antonio, TX 78249

Article history:

Received: 17.09.2020

Accepted: 14.10.2020

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Kellman, S.G. 2020. "Reflections on *Nimble Tongues*". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (4), 562–565. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-562-565

Эссе

Размышления о книге *Nimble Tongues*

С.Г. Келлман

Техасский университет Сан-Антонио, США
1 Университетский округ, TX 78249

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 17.09.2020

Дата принятия к печати: 14.10.2020

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Келлман С.Г. Размышления о книге *Nimble Tongues* // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 4. С. 562–565. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-562-565

© Келлман С.Г., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Joseph Conrad wrote remarkable fiction not in his native Polish or even his second language, French, but in English, a language he began studying seriously only after settling in England while in his twenties. Conrad likened his literary translanguaging to arduous, dangerous labor. “I had to work like a coal-miner in his pit quarrying all my English sentences out of a black night”, he explained. The achievements of Conrad, Samuel Beckett, Vladimir Nabokov, and hundreds of other translanguaging authors inspired me to become a literary mineralogist, studying the ore — more precious than coal — that they have mined. In *The Translingual Imagination* (University of Nebraska Press, 2000), I offered a synoptic overview of the phenomenon. In *Switching Languages: Translingual Writers Reflect on Their Craft* (University of Nebraska Press, 2003), I collected statements on language by numerous authors who have used an adopted language as their literary medium. *Nimble Tongues: Studies in Literary Translingualism* (Purdue University Press, 2020) now offers further general thoughts on the phenomenon as well as case studies in particular examples of what Yoko Tawada, who writes in her native Japanese as well as German, prefers to call exophony.

The volume begins by posing the fundamental question: “Does translanguaging matter?” For the Puerto Rican novelist Rosario Ferré, it very much mattered each time she made a choice between Spanish and English. For her, “*a bilingual writer is really two different writers, has two very different voices, writes in two different styles, and, most important, looks at the world through two different sets of glasses*”. So it follows that a Ferré novel written in English is very different from one written in Spanish. However, the Indian novelist Raja Rao dismissed the whole subject as insignificant. “*The important thing*”, he contended, *in English, not his native Kannada, “is not what language one writes in, for language is really an accidental thing. What matters is the authenticity of experience, and this can generally be achieved in any language”*.

Nevertheless, many bilingual writers portray themselves as — often painfully — suspended between mutually exclusive worlds. For much of her 1989 memoir, appropriately titled *Lost in Translation*, Eva Hoffman describes her native Polish slipping away before she has acquired the fluency in English to be fully articulate in that language either. Employing the metaphor of home to describe their relationship to language (though he lives in Spain, Swiss novelist Martin Suter considers the German language his home: “*Heimat ist für mich meine Sprache*”), some writers seem homeless. J.M. Coetzee, who grew up speaking Afrikaans and English, mastered the latter well enough to have earned the Nobel Prize in Literature by using it as his medium. Nevertheless, he told an audience in India that the language he writes in, English, is not his home: “*As a child in South Africa, I was sent to an English medium school because my parents thought it was a way to the future. I then studied in English at the university level. Yet I can’t say that I can feel at home in English. I feel I am writing in someone else’s language*”.

Nimble Tongues moves from these and other general reflections — on subjects including the eroticism of language and the treason of translation — to an examination of the fascinating case of the Chilean-American author Ariel Dorfman and the profound changes introduced into his 1998 memoir *Heading South, Looking North when, a few months later, he rewrote it in Spanish as Rumbo al Sur, deseando el Norte*. The book also examines the career of Francesca Marciano, a native of Italy who has written dozens of screenplays in Italian but writes all of her books in English. Marciano’s linguistic counterpart is Jhumpa

*Lahiri, who — despite notable success writing fiction in English, her second language, after Bengali — fell in love with Italian, a language she had no prior connection with, and abandoned English to write in it. Even odder is the case of Hugo Hamilton, who was born in Dublin to a German-speaking mother and an Irish-speaking father. Fanatically devoted to Irish cultural independence, Hamilton's father forbade his children from speaking English in their home. However, Hamilton grew up to be a formidable English-language author. But perhaps the most bizarre example of translingualism examined in *Nimble Tongues* is *Incubus*, a 1965 horror film that is the only feature-length motion picture made in Esperanto, the constructed international auxiliary language that is the native tongue of almost no one. It was certainly foreign to the film's cast and crew, and their exclusive use of Esperanto delivers an additional frisson while defamiliarizing the common tropes of its movie genre.*

The final two chapters of *Nimble Tongues* go beyond literary and cinematic translingualism to larger cultural and political issues. A discussion of linguaphobia analyzes the pervasive fear and mistrust of other languages, i.e., languages of The Other. In the United States in particular, hostility toward the use of any language but English has increased dramatically and alarmingly in recent years, even though the nation has been multilingual since its inception and Spanish, Chinese, Tagalog, Vietnamese, Arabic, French, Korean, Russian, German, and hundreds of other languages continue to be widely spoken.

The book concludes with reflections on the Universal Declaration of Human Rights, a statement of ideals adopted by the United Nations General Assembly in 1948 in reaction to the atrocities of World War II. Said to be the most widely translated document, the Universal Declaration now exists in more than 500 linguistic versions. However, each linguistic rendition is supposed to be equally valid; the rights enshrined in the UDHR are meant to be absolute, independent of their embodiment in any particular language and applicable to speakers of any tongue. It is supposed to be irrelevant whether they are read in Abkhaz or Zulu. Nevertheless, as any student of translingual literature should realize, each language embodies its own Weltanschauung; the meaning is never precisely the same when transposing from one language to another. Aside from the question — argued heatedly by lawyers, politicians, and anthropologists — of whether rights *are* genuinely universal, the very meaning of the word *rights* — like that of other key words throughout the UDHR — has only approximate equivalents in other languages. The English word *right* does not translate perfectly into the Russian право (prava) the Chinese 權 (quán), or the Hindi सही (sahī). The Greek word δικαιώματα (dikaiómata) and זכויות (zkhuyot), the Hebrew word, lack any authoritative association with the dominant right hand found in the words *rights*, *droits*, *derechos*, and *Rechte*.

Thus, *Nimble Tongues* ends, appropriately, on a note of caution. Just as the translingual project is doomed to imperfect approximation, so, too, is its study. No one scholar possesses the linguistic equipment to take on alone the task of exhausting the rich variety of translingual expression. If there are approximately 5,000 languages in the world, the number of translingual possibilities would equal $5,000 \times 4,999 \div 2 = 12,497,500$. And that is only calculating the number of *bilingual* translingual possibilities; authors who, like Kamala Das, Vladimir Nabokov, and George Steiner, move among three or more languages add even more possibilities to the challenge of mapping out the universe of translingual literature. *Nimble Tongues* is my humble contribution to the collective effort.

Bio Note:

S.G. Kellman is a Professor at the Department of English, University of Texas at San Antonio, USA. E-mail: steven.kellman@utsa.edu

Сведения об авторе:

Келлман Стивен — профессор Департамента английского языка Техасского университета Сан-Антонио, США. E-mail: steven.kellman@utsa.edu

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-566-570

Рецензия

**Рецензия на книгу:
Валентинова О.И., Денисенко В.Н.,
Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А.
Системный взгляд как основа филологической мысли.
М. : Языки славянских культур, 2016. 440 с.
(Язык. Семиотика. Культура)**

О.В. Никитин

Московский государственный областной университет
Российская Федерация, 141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27.05.2020

Дата принятия к печати: 29.07.2020

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Никитин О.В. Рецензия на книгу: Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 440 с. (Язык. Семиотика. Культура) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 4. С. 566–570. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-566-570

© Никитин О.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

**Book Review: Valentinova O.I., Denisenko V.N.,
Preobrazhenskij S.Yu., Rybakov M.A.
Sistemnyj vzglyad kak osnova filologicheskoy mysli.
M.: YaSK, 2016. 440 s.
(Yazyk. Semiotika. Kul'tura)**

O.V. Nikitin

Moscow State Regional University
24, St. Vera Voloshina, Mytishchi, Moscow region, 141014, Russian Federation

Article history:

Received: 27.05.2020

Accepted: 29.07.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Nikitin, O.V. 2020. "Book Review: Valentinova O.I., Denisenko V.N., Preobrazhenskij S.Yu., Rybakov M.A. Sistemnyj vzglyad kak osnova filologicheskoy mysli. M.: Izdatel'skij Dom YaSK, 2016. 440 s. (Yazyk. Semiotika. Kul'tura)". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (4), 566—570. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-566-570

Монография посвящена анализу идей системности в истории мировой филологической мысли. Этот взгляд на изучение языка еще со времени Вильгельма фон Гумбольдта стал прорывом в научном и общественном сознании, во многом перевернул представления ученых на саму материю Логоса, стер державшиеся веками перегородки традиций логики и метафизики, открыл новые культурные горизонты в области исследования смысловых категорий, типологии текстов, эволюции языка, его истории и теории, способствовал обоснованию и моделированию передовых концепций. Фактически с конца XVIII века системность как направление в науке стала главной движущей силой не только в естественных («технических») отраслях знания, но и в гуманитарных. Правда, В.М. Алпатов считал, что эта идея зародилась немного раньше, в XVII столетии, когда появились описательные грамматики языков, но они были лишь одним из звеньев в цепочке пересмотра философских концепций и приблизили функциональное взаимодействие линейных и нелинейных связей в лингвистике и в филологии в целом. Так или иначе осмысление пройденного этапа, выделение в нем тех ключевых позиций, на которых сейчас основывается представление о системности (у авторов книги — в мельниковском понимании, как совершенный адаптивный объект, все свойства которого обусловлены функцией поддержания определенных

свойств надобъекта) и многомерности культурных традиций в науке и их эволюционного характера — все это необходимые части для воссоздания правдивой истории знания и построения интегральных ценностей в лингвистике.

Авторы этой книги — ученые Российского университета дружбы народов, занимающиеся изучением интересных феноменов в истории и теории филологии: языковым моделированием и структурой, функциональной лингвистикой и типологией, сакральными текстами, экспериментальной поэтикой и другими актуальными вопросами современного языкознания, выходящими за рамки традиционности и включающими само понятие язык в смыслотекстовые парадигмы «системологии» и ее многомерных связей и отношений.

Остановимся на характеристике некоторых интересных моментов рецензируемой книги.

Часть I «Развитие представлений о типологическом сходстве языков: от многомерной классификации Э. Сепира до системной типологии Г.П. Мельникова» дает анализ основных проблем лингвистической типологии и подходов ученых к классификации языков. М.А. Рыбаков, автор этой части, последовательно излагает идеи ученых, начиная с истории типологии В. фон Гумбольдта и завершая взглядами А.Ф. Лосева. Автор обсуждает концепции Э. Сепира, особенно его синхронно-семантическую типологию, идеи структуралистов Н.С. Трубецкого и Р.О. Jakobsona, московской и бодуэновской школ, стадиальную схему И.И. Мещанинова, работы С.Д. Кацнельсона и В.Г. Адмони, говорит об истоках семантической типологии, рассматривает постулаты теории Г.П. Мельникова и др. Во всем изложении видны грамотный анализ фактов, корректные обобщения, глубокое знание теории предмета и его культурных связей. Однако здесь почему-то не нашлось места отдельному обзору грамматических трудов А.А. Потетбни — первого в России системного эксперимента описания частей речи и членов предложения с учетом достижений сравнительно-исторического и типологического направлений (в большей степени первого). Хотя ссылки на него и присутствуют, нам показалось это недостаточным. Ведь опора на его идеи живет в представлениях и современных лингвистов, развивающих семасиологию, философию языка и поэтику. Правда, и сейчас, как, впрочем, и в свое время, А.А. Потетбня стоял особняком среди теоретиков и свои гениальные прозрения излагал очень скромно, тем не менее рассмотреть в ключе обозначенных в монографии проблем его грамматические идеи и особенно теорию словесности для объективного изображения эволюции лингвистической мысли XIX—XX веков нам кажется весьма необходимым. В целом, эта часть показала как старые, утвердившиеся в науке подходы, так дала и некоторые прогнозы потенциала системного метода преимущественно в языкознании. Его конечная цель, как полагают авторы, состоит в том, чтобы дать концентрированную формулировку своеобразия системной организации объекта, то есть его внутренней детерминанты.

Часть II «Моделирование системы языка» (автор — В.Н. Денисенко) содержит краткий обзор теоретических идей языковой личности и метода семантического поля. Думаем, что изложенные в ней идеи могут найти применение в вузовской практике, так как мы на разных этапах работы со студентами и аспирантами сталкиваемся с этими проблемами. Здесь же они включены в типологический контекст исследования и тем самым освежают знакомые многим положения.

Часть III «Системный подход к исследованию текста и стиля: обоснование причинной типологии текстов» (автор — О.И. Валентинова) анализирует эволюцию семантических моделей текста от средневековых проповедей и житий до А.С. Пушкина и далее. В кругу многочисленных работ по теории художественного текста, изучающих в основном определенные жанры, эпохи и традиции, здесь в пятой главе этой части О.И. Валентинова предприняла успешную попытку реализовать заявленное: через поиски механизмов понимания (доминанты) к проблеме изучения уровней анализа — идейно-эстетического, образно-композиционного и эстетико-языкового. Вот как она пишет: «Подвергнуть язык художественного произведения сугубо лингвистическому анализу — значит принять иллюзию действительности (языковой действительности) за саму действительность. Такая методологическая ошибка — в лучшем случае — сведет к нулю исследовательские усилия. В худшем случае — приведет к грубейшим герменевтическим ошибкам» [С. 295]. В этой части мы находим немало интересных наблюдений ученого над проблемами текстологии и их современного освещения.

Часть IV «Системный анализ стиха» представляет собой оригинальное авторское исследование С.Ю. Преображенского, талантливого поэта и ученого-филолога, решавшего и в других своих работах непростые задачи «примирения» традиционного стиховедения, каким оно сложилось в XX веке, с русской поэтической культурой XVIII—XIX столетий и необходимостью найти, а может, и смоделировать новые приемы построения такого текста. Здесь автор прежде всего анализирует стихемы («термин, обозначающий единицы стихового членения речи, выступающие как специфическое супraseгментное фонетическое средство» [С. 430]) и в этом ключе шестисложник, говорит о гипотезе типологической близости «микрополиметрии и молитвословного стиха», выдвигает живые версификационные гипотезы на основе изучения польской акцентной системы и др. Этот очерк насыщен яркими параллелями, поэтическими примерами, смелыми догадками и пересечениями и воспринимается нами как своего рода эксперимент. В настоящем научном творчестве по-другому не бывает!

Книгу завершают тематический и именной указатели, а также Словарь концептуально значимых терминов, куда включены актуальные для настоящего исследования понятия традиционного инвентаря науки и в то же время термины в интерпретации их авторов, такие как «благодатное слово», «боговдохновенные книги», «“готовый” (сформированный) символ», «десакрализация», «доминанта как деятельность», «категоризация», «логаэд адоний (стопа)», «риторическая изощренность», «семиотическая ошибка». «символическое значение», «системность в языке» и многие другие.

Любая отвечающая этому жанру рецензия требует постановки критических вопросов и обсуждения заявленных авторами тезисов, иначе она рискует превратиться в пустой панегирик. Избранная О.И. Валентиновой, В.Н. Денисенко, С.Ю. Преображенским, М.А. Рыбаковым проблематика, конечно же, выходит за границы представленных аналитических обзоров и идей и кажется нам необъятной. Мы можем взять для анализа практически любой предмет и включить его в парадигму культурных символов: от фонемы до проповеди (как это и было показано в книге). На наш взгляд, здесь есть некоторый дисбаланс между изучением истории вопроса (части I и II) и текстологией (части III и IV), которые выгля-

дят почти как самостоятельные исследования, лишь в некоторых положениях связанные с заявленными концепциями В. фон Гумбольдта, Ф. де Соссюра, И.И. Мещанинова и других лингвистов. Понятно, что авторам хотелось показать всю палитру связей и объединить свои филологические интересы под знаком эволюции, но последовательность концепции книги в таком случае несколько нарушается, хотя и разбавляется интересными «сюжетами» о средневековых моделях текста и его жанрах, о литературных опытах А.С. Пушкина, об уровнях художественного текста и, наконец, о системном взгляде на анализ стиха. Мы видели бы данные части как *самостоятельные* авторские концепции, и они на самом деле такими являются. Читателям этой оригинальной книги не хватило общего заключения в конце работы. Может быть, он и сретушировал бы наши наблюдения в сторону большей определенности и вывел принципиальные итоги и достижения авторов монографии как научного коллектива с единой концепцией. С другой стороны, такой разброс идей позволяет обсуждать принципиальные вопросы, не входящие в стандартные учебники и диссертации, и задумываться над полифонизмом в языке и речи: проникать в глубь веков глазами самых ярких и в чем-то противоречивых систематизаторов, учиться у классиков, например, у А.Ф. Лосева, созданию семантических моделей, анализировать вместе с учеными смыслы древнерусского вербального искусства, задумываться над вопросами анализа художественного текста, разбираться с ритмикой стиха — видеть то новое и авторское, что часто остается за пределами известных всем подходов. В этом отношении нам показались более интересными части «Системный подход к исследованию текста и стиля: обоснование причинной типологии текстов» (автор — О.И. Валентинова) и «Системный анализ стиха» (автор — С.Ю. Преображенский). Глава 1 части II «Моделирование системы языка», где дается краткий обзор концепций языковой личности, видится нам незаконченной, фрагментарной (обсуждает преимущественно идеи Ю.Н. Караулова). Но может быть, в книге была изложена часть подготовленного авторами материала?

В заключение нашей рецензии хочется подчеркнуть, что интересный опыт системного подхода к филологии О.И. Валентиновой, В.Н. Денисенко, С.Ю. Преображенского, М.Ю. Рыбакова заставляет читателей задумываться над сложными проблемами философии языка, воспринимать его не как законченное явление, а, подобно нашим мечтательным предкам, как «энергею». Показательно и другое: антиномический характер смысла и формы, на который указала О.И. Валентинова, может быть концептуализован в типологии текстов. Значит, размышления над системностью обязательно стоит продолжить.

Сведения об авторе:

Никитин Олег Викторович — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета. E-mail: ov.nikitin@mgou.ru

Bio Note:

Oleg V. Nikitin is a Doctor of Philology, Professor of the Department of the History of the Russian Language and General Linguistics of the Moscow State Regional University. E-mail: ov.nikitin@mgou.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-571-582

Рецензия

**Посмотри в глаза чудовищ.
Рецензия на книгу: Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза.
Москва : АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 512 с.**

А.В. Жучкова

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27.04.2020

Дата принятия к печати: 29.05.2020

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Жучкова А.В. Посмотри в глаза чудовищ. Рецензия на книгу: Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза. Москва : АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 512 с. // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 4. С. 571–582. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-571-582

Book Review

**Look into the Eyes of the Beasts. Book Review:
Yakhina G.Sh. Zuleikha Opens Her Eyes.
Moscow: AST: Redakcyu Eleny Shubinoi, 2015. 108 p.**

A.V. Zhuchkova

Peoples' Friendship University of Russia
6, St. Miklukho-Maklaya, Moscow, 117198, Russian Federation

© Жучкова А.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Article history:

Received: 27.04.2020

Accepted: 29.05.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Zhuchkova, A.V. 2020. "Look into the Eyes of the Beasts. Book Review: Yakhina G. Sh. Zuleikha Opens Her Eyes. Moscow: AST: Redakciya Eleny Shubinoi, 2015.512 p.". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (4), 571—582. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-571-582

Успех романа Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» вызван, на мой взгляд, тем, что в нем соединилось несоединимое, скрестилось нескрещиваемое: татарский и русский менталитет, патриотическая идея и либеральная повестка, «большая» и массовая литература, свое и чужое слово. Причем этот симбиоз настолько мало отрефлексирован автором, что текст предоставляет читателю полную свободу. Множественность ракурсов интерпретации обусловлена тем, что авторская позиция не выражена в тексте прямо и авторских предпочтений нет. Подчас автор наполняет текст даже не своими «находками». Изображение 30-х годов в Казани — калька с булгаковской Москвы 20—30-х годов. Описание униженного положения женщины в патриархальном обществе — проговаривание феминистской повестки. Колониальная тема — реверанс в сторону Запада. Страх и ненависть в СССР, «адском заповеднике, придуманном одним из величайших злодеев человечества» (как пишет Л. Улицкая в предисловии), — дань либерализму.

А самой Гузели Яхиной просто хотелось рассказать историю о бабушке, сильной и смелой женщине — раскулаченной, вывезенной в Сибирь и выжившей — которой автор явно гордится! В эту историю Яхина вкладывает сердце, именно она делает книгу живой. Вся искренность и непосредственность, доступная автору, приходится на этот сюжет: дорога к месту ссылки и выживание в Сибири (внешняя робинзонада); избавление от неуверенности, страха и обретение своего Я — внутренняя динамика образа.

История мужества и любви, рассказанная в «Зулейхе», могла бы быть рассказана и в любых других декорациях и ничего бы от этого не потеряла. Снаружи — робинзонада, внутри — избавление от страха. Дыхание книги, ее жизнь — в этом.

В начале романа смерть пугает Зулейху. Она боится духов кладбища, до дрожи боится смерти, живущей в урмане. Но на Ангаре Зулейха берет в руки винтовку и убивает с одного выстрела медведя, ходит в одиночку в урман и смерти там больше не видит. Теперь она понимает, что жизнь и смерть существуют вместе. И продолжают одна другую. Мертвая свекровь, Упыриха, приходит к героине в видениях. И мучает ее — но лишь до тех пор, пока Зулейха готова мучиться сама. Упыриха — аллегория неполноты и ущербности Зулейхи, и, когда героиня обретает свое Я, она освобождается от этого страха. И хотя Упыриха все так же приходит, Зулейха больше не боится ее. Приходится ей справиться и со страхом потери сына, самым тягостным в ее жизни. Преодолев его, отпустив сына во взрослую жизнь, Зулейха впервые не опускает глаза.

В этой истории про бабушку, т.е. про женщину, осознавшую свое Я, реалии советского времени не имеют никакого значения. Все ужасы репрессий не персонифицированы. Злодеев нет, есть бюрократия: отчеты, приказы, бумаги. Надо отправить столько-то ссыльных таким-то маршрутом, а поездов не хватает — уплотним. Очень жаль, да, но делать нечего — отчет есть отчет. Нельзя ссыльным на палубе плыть, могут убежать, значит, запрем их в трюме. Там они и пойдут ко дну вместе с баржей. Никто не виноват. Так вышло. Более того — главный «злодей», непреклонный энкавэдэшник Игнатов, убивший мужа Зулейхи, к концу книги начинает мучиться совестью и во сне видит всех убиенных — еще немного, и «Зулейха» могла бы превратиться в «Лавр» Е. Водолазкина. И были бы у нас женский и мужской вариант книги, где герои в декорациях неисчислимого времени и пространства проходят путь самосовершенствования.

Ведь резонанс и «Лавра», и «Зулейхи» был в первую очередь вызван тем, что среди постмодернистского декаданса эти авторы первыми заговорили о человеке в позитивном, жизнеутверждающем ключе.

Роман «Зулейха открывает глаза» вышел в 2015 году. Какие еще книги появились в этом году? А. Варламов «Мысленный волк», А. Геласимов «Холод», В. Данихнов «Колыбельная», А. Ганиева «Жених и невеста», А. Снегирёв «Вера», Т. Москвина «Жизнь советской девушки», Р. Сенчин «Зона затопления». В большинстве из них герои, не справившись с жизнью, умирают. «Уля качалась над бездной и ждала, когда налетит порыв, который подтолкнет ее и навсегда оторвет от кровавой, грязной земли. Она больше не хотела ей принадлежать...» (А. Варламов «Мысленный волк»). «Кончалось, кончалось и тихо, беззвучно кончилось. Осталось только море. И плеск подступающих волн, и бульканье вина» (А. Ганиева «Жених и невеста»). «...в ее сиплом дыхании мне чудится запах свежей могилы и разложения... Она шепчет мне что-то своим ласковым голосом. Я не могу разобрать слов, но, наверное, это колыбельная, потому что мне хочется спать, мне так сильно хочется спать, господи, как же мне хочется спать» (В. Данихнов «Колыбельная»).

Некоторые из этих текстов являются развернутой метафорой смерти: «Холод» А. Геласимова, «Колыбельная» В. Данихнова, «Зона затопления» Р. Сенчина. Другие демонстрируют тот вариант развития событий, при котором «колесо еще вертится, хотя хомяк уже умер». А. Снегирёв в романе с многозначительным названием «Вера» рассказывает историю о потере человеком себя. Стирание личности — основная тема «Жизни советской девушки» Т. Москвиной.

И среди всего этого декаданса маленькая татарочка Зулейха решила открыться глаза. Преодолеть покорность мыслям о смерти, которыми была заполнена вся ее жизнь: «Смерть была везде... биение жизни в живом останавливалось, уступая место распаду и гниению... И судьба ее собственных детей была тому подтверждением. Четыре младенца, рожденные лишь для того, чтобы умереть... смерть ждала каждого — таилась в нем самом или ходила совсем рядом... Смерть была вездесуща — хитрее, умнее и могущественнее глупой жизни, которая всегда проигрывала в схватке» [1].

Но ради жизни сына Зулейха вступает в борьбу со смертью, голодом и судьбой. Ради любви к нему отказывается от личного счастья, уверенная — ослабни хоть на мгновение ее упорство в противостоянии со смертью — и сын обречен [2. С. 67].

Она перестает бояться урмана и вообще всего: «В этой схватке проиграла смерть... Смерть была тесно, неразрывно переплетена с жизнью — и оттого не страшна. Больше того, жизнь в урмане всегда побеждала. Как бы ни бушевали осенью страшные торфяные пожары, как ни была бы холодна и сурова зима, как ни свирепствовали бы оголодавшие хищники, Зулейха знала: весна придет, и брызнут юной зеленью деревья, и шелковая трава затопит выжженную некогда дочерна землю, и народится у зверья веселый и обильный молодняк» [1].

Таково послание романа: вера в жизнь, крепко связанная с силами природы и любви. Как ни жестоко историческое время (а когда оно в России иное?), находились и находятся люди, верящие в жизнь: доктор Лейбе лечит людей, начальник лагеря спасает заключенных. И травму XX века тут легко заменить на травму монголо-татарского ига или на что-то еще...

Это был бы прекрасный образец сентиментальной массовой литературы, если бы не желание автора рассуждать на «злобу дня». Идеологические присадки к жанру сентиментального романа привели к странной картине. Читаем: главные героини живут в поселке на Ангаре, каждый в своем домике (Игнатов один, Зулейха с сыном и доктором Лейбе, Горелов с Аглаей), ходят в лес за грибами и за ягодами, на охоту «с винтовкой» (и это ссыльные), масляными красками на холсте пишут (везти холст в лесной поселок за 400 км от Красноярска?), но — спохватывается вдруг писательница — ведь нужен ужас репрессий, «адский заповедник», «любовь в аду», как наказывала Людмила Евгеньевна — и вот уже все хлебуют «что-то серо-зеленое, с комочками» и стоят перед начальником — «испуганные, с мятыми щеками и вздыбленными волосами». И сразу забылось, что начальника этого в благодарность за то, что от голода спас, они в виде ангела изобразили на потолке клуба и даже поселок в честь него назвали.

Несостыковок в романе много. Забитая и неграмотная Зулейха, никогда из деревни не выезжавшая, оказавшись в Казани, разглядывает прохожих и видит в их руках: «папки, портфели, тубусы, ридикюли, букеты, торты». «Ну это понятно, — иронично комментирует Вадим Чекунов, — с папкой муж-Муртаза частенько ходил на работу в поле, в портфеле Зулейха сама носила корм животным в хлев, в ридикюле зерно для кур, а с тубусами все деревенские татары традиционно ходят в лес по грибы-ягоды, удобная вещичка ведь... “Ветер вырывает из рук худенького очкастого юноши стопку нот”. Тут тоже нет вопросов — вернувшись с поля с тротом в руках, муж-Муртаза, откинув фалды суконного чекменя, садился за рояль посреди избы, играл Шопена, а верная жена стояла рядом и нотные листы переворачивала. Ведь каким-то образом она знает, что это именно ноты улетели у казанского очкарика...» (https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=681751625701873&id=100016011241430). Да и навыки чтения у героини внезапно появляются: «Громыхая шестеренками тяжелых колес, катит громадина агитационного трактора, тащит за собой большой треснутый колокол, вокруг которого обвилась кумачовая змея транспаранта: “Перекуем колокола на тракторы!”» [1].

Потому и нравится роман многим, и не нравится тоже многим, что состоит он весь из скрещений и пересечений.

Первое скрещенье — просчитанная «выигрышность трагизма» на фоне истории (В. Пустовая). Личная история бабушки Яхиной, неумело вписанная в кон-

текст травмы XX века ради стремления попасть в высшую литературную лигу. Об этом мы уже сказали.

Второе, всколыхнувшее общественность скрещенье, — наложение друг на друга татарского и русского менталитетов и их искажение.

К моменту публикации романа Гузель Яхина уже много лет жила в Москве, но татары, конечно, считали ее татарской писательницей. И к татарской писательнице Гузель Яхиной у них оказалось очень много вопросов. Первый — почему она подвергает аберрациям национальные традиции? Второй — зачем предаёт татарский народ?

Начнем с того, что вера в единого бога не подразумевает языческих обрядов задабривания духов кладбища, поиска домового в вагоне теплушки и прочих ритуальных действий, которыми занимается у Яхиной верующая в Аллаха Зулейха. Но не только это оказалось для татар неприятно, а подчас и оскорбительно:

«Какую черту татарского национального характера молодой автор выдвигает на первый план?!

1. Зулейха — воровка. Она крадет домашние запасы, чтобы... умилостивить духа околицы!

2. Зулейха — язычница. Татарка из Заказанья начинает утро не с соответствующих гигиенических процедур с кумганом и проникновенной утренней молитвы, а с воровства, размышлений о языческих духах. Молодая женщина надеется, что дух околицы договорится с духом кладбища? Общеизвестно, что сельские жители, пересекая околицу, читают соответствующее дога, дают садака (милостыню) одиноким старухам или больным. Но никогда не совершают никаких языческих действий с едой. Еда для татар священна... Описание того, как женщина бросала на ветер пастилу, воспринимаются как авторское нововведение, вызванное желанием автора любой ценой завладеть вниманием читателей. Достаточно заглянуть в Татарский мифологический словарь, чтобы убедиться в том, что Г. Яхина плохо ориентируется в татарском фольклоре... Так, Шурале — дух леса, поэтому он не живет на кладбище. Шурале не беспокоит духов мертвых, его интересуют — живые: одинокие путники, которые посещают лес либо на закате, либо на рассвете. Кошунственно писать, что “злые озорные шурале” забавляются среди могил! Если следовать логике автора, то шурале играют в “щекотки” с мертвыми. Если Шурале задумает озорничать, то обычно летом во время ночного почти до смерти загоняет лошадь, чаще белой масти, либо заводит в глушь одинокого путника. Если внимательно перечитать поверья Каюма Насыри, то сразу станет понятно, что духи не дружат друг с другом, у каждого свой функционал и локус» (<https://zvezdapovolzhya.ru/kultura-i-iskusstvo/retsenziya-na-roman-01-08-2016.html>).

Лингвисты упрекают Яхину в незнании татарского языка и — невладении языком русским:

«— А? — Иконников отнимает кисть от холста и оборачивается. Глаза его строги, брови — косматы, вислый профиль — грозен.

— Вконец обезумевшее от ужаса сердце прыгает в горло. Юзуф срывается с места и топчет за дверь» [1] — помимо того, что Юзуф видит Иконникова одновременно и анфас, и в профиль, он еще и умудряется сорваться с места и топотать к двери. А это разные типы движения, разная скорость, стремительность.

Прочитав около 10 страниц, я выписала страницу таких примеров. Страница лингвистических неточностей на 10 страниц текста! Господа, товарищи, филологи, критики, это текст автора Тотального диктанта. Заметьте, я ничего не говорю про его смысл или фактические нестыковки. Только стиль.

«Зулейха пересказывала сыну все слышанные в детстве от родителей сказки и легенды: про длиннопалых лохматых шурале, до смерти щекочущих запоздалых лесных путников; про лохматую водяную су-анасы, что добрую сотню лет не может расчесать свои космы золотым гребнем» [1]. «Лохматый», покрытый шерстью шурале и такая же лохматая (тоже покрыта шерстью?) су-анасы. Знала ли Зулейха сказки Тукая? Возможно, Яхина имеет в виду, что волосы у водяной всклокочены. Как бы то ни было, прилагательное одно и в обоих случаях относится к объекту в целом: «лохматые шурале», «лохматая водяная». Возникает сопоставление. А это — удар по культурному коду. На этих сказках мы все выросли, это азы. Это все равно что сказать: и у попа, и у Балды был толоконный лоб, но в разных значениях: у попа — глупый, а у Балды мудрый и крепкий.

«— Зулейха Валиева! — Я. За всю жизнь она не произнесла столько раз “я”, как за месяц в тюрьме. Скромность украшает — не пристало порядочной женщине якать без повода. Даже язык татарский устроен так, что можно всю жизнь прожить — и ни разу не сказать “я”: в каком бы времени ты ни говорил о себе, глагол встанет в нужную форму, изменит окончание, сделав излишним использование этого маленького тщеславного слова. В русском — не так, здесь каждый только и норовит вставить: “я” да “мне”, да снова “я”...» [1]. Да, татарский язык — это язык агглютинативного типа, глагольное окончание может заменить местоимение. Но зачем же такая лобовая аналогия (тем более, что в русском языке тоже можно избегать излишнего яканья и не случайно существует поговорка «я — последняя буква в алфавите»). Татарское местоимение «мин» часто является эмфазой для противопоставлений: «мин яратам, э син — яратмыйсың». Да и почему тогда в начале книги Зулейха постоянно использует местоимение «я» («Я только горшок мамин вынесла — и обратно...» «Мне абыстай рассказывала, а ей — ее бабка». «Я умру», «Я скоро умру?»)? Зачем надо было тогда выпячивать эту речевую черту? (<https://www.facebook.com/tatyana.shahmatova/posts/2911642172253122>).

Но наиболее жестким для татар оказался удар не по языку или фольклору — а по национальной гордости. Героиню зовут Зулейха, что для татар — национальное женское имя, как Аленушка для русских. «Зулейха Кул Гали, Зулейха Г. Исхаки — это “карлыгачлар” татарской литературы (“ласточки”), на крыльях которых начертано проникновенное слово о татарском мире» (<https://zvezdapovolzhya.ru/kultura-i-iskusstvo/retsenziya-na-roman-01-08-2016.html>). Представьте такой сюжет: злой немец убивает мужа Аленушки (которого она считает хорошим мужем) и увозит ее в Германию, где Аленушка влюбляется в немца и становится его любовницей.

Финальное преображение Юзуфа Валиева в Иосифа Игнатова (и горделивое предвкушение героя, как он будет жить и учиться в Москве) — татарам тоже радости не добавило.

Но и русскому читателю желание Яхиной усилить национальный колорит не пошло на пользу. Потому что метод она избрала нетипичный — приводить названия предметов татарского быта без перевода: «Раскладывает на сяке табан для Муртазы, достает с высоких киштэ подушки, забирается на самую высокую лэукэ, поддевает висящую высоко над входом ляухэ» [1] и т.д. Русский читатель, наталкиваясь на татарское слово, просто не понимает, о чем идет речь. Сбой коммуникации.

Переводит татарские слова Яхина тоже неверно. «Устойчивое выражение “жебеген тавык” Г. Яхина ошибочно калькирует и переводит как “мокрая курица”, тогда как носители языка используют это устойчивое выражение в значении “клуша”, т.е. “нерасторопная курица”».

В наложении татарского и русского контекстов пострадали и татары, и русские — все русские персонажи (за исключением Игнатова) предстают жестокими и наглыми, без чести и совести. Никто из русских (за исключением Игнатова) не видит в представителях других наций людей. В пересыльной казанской тюрьме, в поезде, на барже — везде русские (кроме Игнатова) ведут себя как звери, трусливые и агрессивные одновременно: убивают и морят голодом «врагов», подсиживают «друзей», устраивают провокации, расстреливают невиновных, чтобы продвинуться по службе, первыми покидают тонущую баржу с пленными, ну и, конечно, в любой ситуации пьют.

Вот только Игнатов — возлюбленный Зулейхи — исключение. Хотя и убивает ее мужа без всякой надобности. Но в дальнейшем оказывается хорошим человеком. Совестьным. Подкармливает *личными* продовольственными запасами тысячу ссыльных, которые едут в поезде полгода, в одиночку пытается спасти триста тонущих заключенных, каждый день добывает в зимнем лесу еду на тридцать человек. Типичный эпический герой!

Это — потому что перед нами сентиментальный роман. И не стоит требовать от него достоверности. Реалистические подробности Яхиной только мешают. Так, в разросшемся поселке на Ангаре на охоту будет ходить одна Зулейха, а кашу на мясном бульоне кушать четыреста человек. Как можно кормить ребенка пару месяцев кровью из пальцев — представить сложно. Почему ссыльные, прибывшие на берег Ангары летом, не смогли запасти на зиму грибы, орехи и ягоды — непонятно. Также непонятно, почему ловить рыбу при наличии снастей они стали лишь несколько недель спустя после прибытия, да и то занимался этим один Лукка. А когда Лукка заболел, все лежали и страдали от голода.

Ехали ссыльные к месту поселения как в сказке — долго ли, коротко ли, неизвестно. Выехали они из Казани 1 марта 1930 года. Далее читаем: эшелон то стремительно мчался по железной дороге, то неделями стоял в отстойнике, «покрываясь сугробами и примерзая колесами к рельсам». То есть весна все не наступала и не наступала. Потом нам сообщают: «ехали уже два месяца». А несколько страниц спустя — «апрель на носу». Эпическое время, однако!

Итак, ни с фольклором, ни с языком, ни с национальным характером, ни с достоверностью у Яхиной не вышло. Обидела и татар, и русских, и просто хороших людей со здравым смыслом.

Третье скрещение — либеральная и патриотическая повестка. Первая выполнена Яхиной четко — по пунктам, изложенным в предисловии Людмилой Улицкой.

Л. Улицкая: «У нас была прекрасная плеяда двукультурных писателей. Фазиль Искандер, Юрий Рытхэу, Анатолий Ким, Олжас Сулейменов, Чингиз Айтматов... Традиции этой школы — глубокое знание национального материала, любовь к своему народу, исполненное достоинства и уважения отношение к людям других национальностей, деликатное прикосновение к фольклору... пришел новый прозаик, молодая татарская женщина Гузель Яхина и легко встала в ряд этих мастеров».

Этот пункт Яхина выполняла, можно сказать, со страстью. Только вот деликатно и уважительно не получилось. Да и знание национального материала оказалось не на высоте. Может, по другим пунктам получилось лучше?

Л. Улицкая: «Словосочетание “женская литература” несет в себе пренебрежительный оттенок — в большой степени по милости мужской критики. Между тем женщины лишь в двадцатом веке освоили профессии, которые до этого времени считались мужскими: врачи, учителя, ученые, писатели. Роман Гузель Яхиной — вне всякого сомнения — женский».

Вот верно — женский! Мы это уже поняли по некоторым проблемам со счетом, достоверностью и прочим. Но тут у Гузель Яхиной получилось не специально. А вот феминистскую повестку — изображение униженности женщины в патриархальном обществе — писательница отработала осознанно. В первой части романа мы видим Зулейху все время на коленях: «она встает на колени и ползет к лестнице», «встав на колени, принимается месить веники», «сползает на пол, встает на колени», «мыть полы была приучена на коленях» и т.д. (процитированы далеко не все «колени»). Еще Зулейха постоянно ползает: на первых двадцати страницах «ползет» она 12 раз: и по чердаку ползет, и по избе, и по лестнице вверх «ползет», а вниз «сползает», и «ползком прошмыгивает», и подол кафтана чистит, ползая вокруг него. Кафтан же, деспот патриархальный, «висит на толстом медном гвозде, лоснится пышными рукавами, милостиво позволяет щуплой Зулейхе ползать в ногах и счищать капли грязи». Апофеоз унижения Зулейхи в том, как она моет полы: на коленях, «припав животом и грудями к самому полу» и «скользя ящерицей» (технически это невозможно, но униженность показана на пять).

Живя в доме зажиточного мужа, конскую колбасу Зулейха по полгода не ест, только вздыхает о ней. Пастилу — ворует тайком. Такого морального и физического истощения Зулейхи, как после одного дня мирной жизни в доме мужа, мы в романе больше нигде не встретим. Куда там тюрьме, теплушке и ссылке! Так что феминистскую повестку писательница отработала на отлично. Значительно лучше, чем следующее задание Людмилы Евгеньевны: «трудовой лагерь, адский заповедник, придуманный одним из величайших злодеев человечества...»

Надо признать, репрессивный «ад» и «величайший злодей человечества» остались в этом романе недоработанными. Про «адский заповедник» с ягодами, охотой, живописью на холсте и росписью потолков мы уже говорили. А «величайший злодей» появляется только в усатых бюстикках, которые ссыльный скульптор лепит из хлебного мякиша, а Зулейха съедает. Но зато в следующей книге, «Дети

мои», Яхина сделала работу над ошибками. И там уж Сталин такой злодей, что вызывает праведный гнев. Никто, правда, не понял, к чему он там? как вписывается в образную систему романа? А ответ-то был на поверхности: ошибки надо исправлять — Людмила Евгеньевна сказала, что должен быть злодей, значит, будет. Пусть и в другом романе.

Но самое интересное и непонятное, как и зачем на эту либеральную систему координат наложилась русская патриотическая идея о великой империи, в столицу которой отправляется Юзуф, чтобы жить, служить и работать. Зачем Аленушку-Зулейху влюбить в Игнатова, зачем сыну Зулейхи давать русскую фамилию и отправлять в Советскую Москву? Единственное объяснение — так было на самом деле в истории бабушки Гузель Яхиной. Поэтому здесь она либеральных советчиков уже не послушала.

Четвертое скрещение — свое и чужое слово. Вначале стоит поговорить о заимствованиях из Булгакова: из московского текста Булгакова целые картины перенесены в казанский текст Яхиной. Яхинский профессор Лейбе играет профессора Преображенского, муж Груни Степан — Шарикова и немного Алоизия Могарыча. Коммунальная кухня и спор женщин у плиты — тоже из «Мастера и Маргариты». А вот революционный деятель-хозяйственник Денисов в романе — это шолоховский Давыдов, даже фамилия Давыдов встречается в тексте вместо Денисова. Так что пересказывать Яхина умеет. Но свое слово дается сложнее. Есть неувязки с характерами героев. Мало того, что кроме нескольких главных персонажей мы других и не видим, хотя действие призвано изображать широкую историческую панораму. Но и с главными — смысловые пробелы. Профессор Лейбе, живя в Казани, не подозревает, что его уплотнили, так как сошел с ума, но когда через несколько лет на Ангаре он должен будет принять роды у Зулейхи, то вновь обретает рассудок силой собственной воли — вероятно, это какая-то неизвестная форма *контролируемого* расстройства психики. Игнатов, когда нужно, — злодей, когда не нужно, — святой (испытывает влечение к Зулейхе, но годами молчит и терпит, хотя он начальник лагеря, а она ссыльная; и мальчики кровавые в глазах — об этом мы уже говорили). Та же незадача с языком. Все подчинено авторскому расчету и простой формуле сентиментального романа: горькое сделай горче, сладкое — слаше. Так появляются и «зеленые сугробы зелени», и «мед», сопровождающий каждую мысль Зулейхи об Игнатове. Как только подумает Зулейха про Игнатова, так Яхина сразу добавляет мед: «ощущала, как в мед постепенно превращается она сама», «от одного его взгляда, превратилась в мед — вся, без остатка, как потекла ему навстречу», «медовый запах обволакивает ее, затапливает», «нестерпимо пахнет медом. Горячая вода, бинты, даже самогон — медом. И игнатовское тело» [1]. Зачем варианты, если эта формула хорошо работает?

И тут мы подходим к пятому и последнему скрещению, вызвавшему кипучие споры о достоинствах и недостатках романа.

Пятое скрещение — высокая и массовая литература. Яхина работает не с психологией героев, не с историей, не с реалистической достоверностью, а с шаблонными, формульными представлениями обо всем вышеназванном. Эмоциональный эффект ее текста силен потому, что образы и сюжетные ходы в нем настоль-

ко схематичны, что работают как абстракции высокого уровня, заставляя каждого читателя, вернее, каждую читательницу, представлять что-то свое, близкое именно ей.

Вот Зулейха стоит на коленях возле кровати сына, мечущегося в бреду. Две ночи стоит, три. Эмоциональное напряжение растет. Четыре ночи! Она не отходит ни на минуту. Это уже эпическая картина, не реализм, но каждая мать вспоминает болезнь собственного ребенка и собственную боль. А вот Зулейха прощается с сыном, уезжающим навсегда. Они были одним целым, для него она пожертвовала всем — не только кровью из левой руки, но и любовью к Игнатову, в общем, как говорится, жизнь положила. А он бросает ее, уезжает. Этот момент наступает в жизни каждой женщины. И мы откликаемся, плачем.

А вот моя любимая — по голливудской образности и общему абсурду — сцена. Ссылная Зулейха пошла в лес за черникой. «Расстиляет в тени сосен шаль, сажает на нее Юзуфа. Накидывает на волосы платок, чтобы не напекло голову... Зулейха сама наелась, накормила Юзуфа. Тот улыбается, блестя чернильными от ягод зубами». (О, эти бессмысленные и беспощадные переходы из настоящего времени в прошедшее и обратно почти в каждом абзаце!) Вдруг черные сапоги — Игнатов! До этого за несколько лет не сказав Зулейхе ни слова, тут он вдруг начинает раздеваться: «расстегивает верхнюю пуговицу рубахи, вторую, третью. Снимает ремень — пряжка на груди, пряжка на поясе. Рвет через голову рубаху» [1]. Мужик! Молчал годами, а теперь, видно, решил — пора! Но Зулейха выхватывает у него ружье и говорит: не подходи! Игнатов, между прочим, начальник лагеря, он мог за эти несколько лет сделать все, что хотел. Но не сделал. А Зулейха вдруг это забыла и давай ружьем угрожать. По-человечески поговорить, конечно, нельзя. Но это еще не все. Прицелившись в Игнатова, Зулейха замечает, что к сыну, сидящему на шали, приближается медведь. Спрашивает у Игнатова, как стрелять. Тот советует взвести курок. Зулейха сразу все понимает и взводит. И с одного выстрела убивает медведя. Бурные аплодисменты... Людмиле Улицкой, которая пишет в предисловии: «Автор возвращает читателя к словесности точного наблюдения, тонкой психологии».

Конечно, «Зулейха» напрочь лишена психологии, ибо скроена по лекалам сентиментального романа: честная девушка, злой муж, ведьма-свекровь, добрый доктор и романтический враг в декорациях неважно какой катастрофы. «Ни автор, ни текст не задумываются о том, почему произошла коллективизация, какие причины ее вызвали, какой исторический смысл она несла. Никакой логики, никаких причин. Просто страшная катастрофа» (<https://www.spb.kp.ru/daily/26946.5/3997927/>). Никакого психологического обоснования в романе нет: тридцатилетняя героиня тайком носит на могилы дочерей пастилу и страшно боится старой слепой свекрови. (Никогда не поверю, что страх перед свекровью более сильное чувство, чем трагическое материнство.) На вопрос, что за человек, что за женщина Зулейха? — ответить не получится. Мы не только не видим ее портрета (лишь зеленые глаза и густые брови), мы абсолютно не знаем, какой у нее характер. Да и другие герои «вряд ли не давали писательнице покоя, велели писать про себя день и ночь, вряд ли вдруг поворачивали линии своих судеб неожиданным для автора образом. Она их создала, сконструировала, все выстроила»

ла и с каждого краю подравняла. Вышли ладно и складно. Да вот только — зачем?» (<https://pechorin.net/articles/view/iest-tol-ko-to-cto-iest-o-romanie-g-iakhinoi-zulieikha-otkryvaet-ghlaza>).

«Язык в “Зулейхе” то топорно-простой (“Игнатов берет с подноса тарелку. Полипов смиренно вытягивает руки по швам”), то сентиментально-слащавый (мед, да), то нуждающийся в бесконечных ремарках, как костылях: “И бесшумное, по-лакейски услужливое скольжение двери (вправо-влево, вправо-влево...), и щегольские фестончатые занавески в тонкую, еле заметную полоску (положим, с открытыми окнами — никак, но рюшечки-то зачем?), и безукоризненно чистое большое зеркало над объемистой воронкой рукойойника (смотрелся в него только по необходимости — утром, когда брился)”» [2].

«Его слабость пытались объяснить сценарной техникой. Но сама по себе сценарная техника не плоха. У нее много приемов (смена ракурсов, общих и крупных планов, лаконизм, ремарки), которые можно чередовать с поэтической выразительностью, но Яхину попытка перейти от конспекта к художественной речи заводит в дремучую сентиментальность: “Убийца мужа смотрел на нее взглядом мужа — и она превращалась в мед. От этого становилось мучительно, невыносимо, чудовищно стыдно. Словно весь ее стыд, прошлый и настоящий, слился воедино, вобрал в себя все, за что недостыдилась в этот безумный год... полог задерживался — все плотское, стыдное, некрасивое оставалось там, внутри. Зулейха вскакивала на большого аргамака и, крепко сжимая его босыми пятками, уносилась прочь не оборачиваясь”» [2].

«Зулейха» — это «сентиментальный роман с отзвуком исторической травмы. Без приключений языка, без осмысления времени, без психологии, без достоверности. Формульная литература — под эгидой большой истории» (<http://cavalry.voplit.ru/may2019#rec124100245>).

Большинство читательниц именно сентиментальность и привлекает: «Пробирает до мурашек по позвоночному столбу и выжимает слезу», «В каждой главе боль, надрыв, переживания», «Очень трогательно и по-домашнему как-то» (<https://www.litres.ru/guzel-yahina/zuleyha-otkryvaet-glaza-18274205/> Дата обращения: 20.08.2019).

Но в то же время популярность «Зулейхи» подтверждает, что самое интересное происходит сейчас на стыке высокой литературы и массовой. Этот симбиоз — явление продуктивное, более того — закономерное. «В эпоху разложения какого-нибудь жанра — он из центра перемещается в периферию, а на его место из мелочей литературы, из ее задворков и низин wpłyвает в центр новое явление», — писал Ю. Тынянов [3].

Так что спасибо «Зулейхе» за то, что маркировала эту тенденцию.

Спасибо, что заговорила о преодолении уныния и безысходности в литературе десятих годов. Спасибо, что была смелой и мужественной.

Однако говорить спасибо Гузель Яхиной мне не хочется. Хочется пожелать ей такого же терпения, каким обладала ее бабушка, чтобы использовать его в писательской работе. Хотя Зулейха за шестнадцать лет общения с питерскими интеллигентами так и не научилась читать, у Гузель Яхиной есть шанс — рано или поздно научиться писать.

Список литературы

1. Яхина Г.Ш. Зулейха открывает глаза. М. : АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 108 с. URL: <https://online-knigi.com/page/251924>
2. Жучкова А.В. Поединок жизни со смертью на страницах современного романа // Вопросы литературы. 2016. № 5. С. 67—80.
3. Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977.

References

1. Yakhina, G. Sh. 2015. Zuleikha Opens Her Eyes. Moscow: AST: Redakcyia Eleny Shubinoi. Web. URL: <https://online-knigi.com/page/251924> (In Russ.)
2. Zhuchkova, A.V. 2016. "Poedinok zhizni so smert'yu na stranitsakh sovremennogo romana". Voprosy literatury 5: 67—80. Print. (In Russ.)
3. Tynyanov, Yu. 1977. Poetika. Istoriya literatury. Kino. Moscow: Nauka. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Жучкова Анна Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов. E-mail: capra@mail.ru

Bio Notes:

Anna V. Zhuchkova is a Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature of the Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: capra@mail.ru

РУКОВОДСТВО ДЛЯ АВТОРОВ

При подготовке рукописи для направления в редакцию авторам следует руководствоваться следующими правилами, составленными с учетом требований российских и международных ассоциаций и организаций, в том числе принципов и правил COPE (Committee on Publication Ethics), ORI (the Office of Research Integrity), CSE (Council of Science Editors), EASE (European Association of Science Editors), указаний АНРИ (Ассоциация научных редакторов и издателей) и требований ВАК (Высшая аттестационная комиссия).

1. Рукопись

Рукопись направляется в редакцию в электронном варианте через online-форму. Загружаемый в систему файл со статьей должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, или *.rtf).

1.1. Объем полного текста рукописи (оригинальные исследования, лекции, обзоры), в том числе таблицы и список литературы, не должен превышать 25 000 знаков (с учетом пробелов). Количество слов в тексте можно узнать через меню Word («Файл» — «Просмотреть свойства документа» — «Статистика»). В случае, когда превышающий нормативы объем статьи, по мнению автора, оправдан и не может быть уменьшен, решение о публикации принимается на заседании редколлекции по рекомендации рецензента.

1.2. **Формат текста рукописи.** Текст набирается шрифтами, включенными в Windows, а если это невозможно, то шрифты должны быть предоставлены в редакцию вместе со статьей. Текст должен быть напечатан шрифтом Times New Roman, иметь размер 14 pt и междустрочный интервал 1,5 pt. Отступы с каждой стороны страницы 2 см. Выделения в тексте можно проводить только *курсивом* или **полужирным** начертанием букв, но НЕ подчеркиванием. Из текста необходимо удалить все повторяющиеся пробелы и лишние разрывы строк (в автоматическом режиме через сервис Microsoft Word «найти и заменить»).

1.3. Файл с текстом статьи, загружаемый в форму для подачи рукописей, должен содержать всю информацию для публикации (в том числе рисунки и таблицы).

2. Структура рукописи

Структура текста должна соответствовать приведенному ниже шаблону (может меняться в зависимости от типа работы).

2.1. Русскоязычная аннотация

Название статьи. Название статьи должно полноценно отражать предмет и тему статьи, а также основную цель (вопрос), поставленную автором для раскрытия темы.

Авторы. При написании авторов статьи фамилию следует указывать после инициалов имени и отчества (П.С. Иванов, С.И. Петров, И.П. Сидоров).

Учреждения. Необходимо привести официальное полное название учреждения (без сокращений). После названия учреждения через запятую необходимо на-

писать название города, страны. Если в написании рукописи принимали участие авторы из разных учреждений, необходимо соотнести названия учреждений и ФИО авторов путем добавления цифровых индексов в верхнем регистре перед названиями учреждений и после ФИО соответствующих авторов.

Резюме статьи (аннотация) должно быть (если работа оригинальная) структурированным: актуальность, цель, материалы и методы, результаты, заключение. Резюме должно: содержать основные положения, изложенные в работе; отражать взгляд автора на обсуждаемую в рукописи проблему с учетом проанализированного материала и полученных результатов; позволять читателю понять уникальность данной статьи (исследования или обзора) — чем эта статья отличается от аналогичных работ. Объем текста резюме должен быть в пределах 100—300 слов.

Ключевые слова. Необходимо указать ключевые слова — от 3 до 10, способствующих индексированию статьи в поисковых системах. Ключевые слова должны попарно соответствовать на русском и английском языке.

2.2. Англоязычная аннотация

Article title. Англоязычное название должно быть грамотно с точки зрения английского языка, при этом по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию.

Author names. ФИО необходимо писать в соответствии с заграничным паспортом или так же, как в ранее опубликованных в зарубежных журналах статьях. Авторам, публикующимся впервые и не имеющим заграничного паспорта, следует воспользоваться стандартом транслитерации BSI (см. ниже).

Affiliation. Необходимо указывать официальное англоязычное название учреждения. Наиболее полный список названий учреждений и их официальной англоязычной версии можно найти на сайте РУНЭБ eLibrary.ru

Abstract. Англоязычная версия резюме статьи должна по смыслу и структуре (Aim, Materials and Methods, Results, Conclusions) соответствовать русскоязычной и быть грамотной с точки зрения английского языка, и также включать 100—300 слов (для оригинальных работ крайне желательно, чтобы структурированное резюме содержало не менее 200 слов).

Key words. Необходимо указать ключевые слова — от 3 до 10, способствующих индексированию статьи в поисковых системах. Ключевые слова должны соответствовать друг другу на русском и английском языке.

2.3. Полный текст (на русском, английском) должен быть структурированным по разделам. Структура полного текста рукописи, посвященной описанию результатов оригинальных исследований, должна соответствовать общепринятому шаблону и содержать разделы: Введение (обоснование), цель, материалы и методы, результаты; Обсуждение; Выводы/Заключение.

2.4. Дополнительная информация (на русском, английском или обоих языках)

Информация о конфликте интересов. Авторы должны раскрыть потенциальные и явные конфликты интересов, связанные с рукописью. Конфликтом интересов может считаться любая ситуация (финансовые отношения, служба или работа в

учреждениях, имеющих финансовый или политический интерес к публикуемым материалам, должностные обязанности и др.), способная повлиять на автора рукописи и привести к сокрытию, искажению данных или изменить их трактовку. Наличие конфликта интересов у одного или нескольких авторов не является поводом для отказа в публикации статьи. Выявленное редакцией сокрытие потенциальных и явных конфликтов интересов со стороны авторов может стать причиной отказа в рассмотрении и публикации рукописи.

Информация о финансировании. Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.). Указывать размер финансирования не требуется.

Благодарности. Авторы могут выразить благодарности людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся ее авторами.

Информация о вкладе каждого автора (и лиц, указанных в разделе «благодарности»). Пример:

Участие авторов: Иванов И.И. — концепция исследования; Петров П.П. — сбор и обработка материалов; Сидоров С.С. — анализ полученных данных, написание текста.

2.5. Список литературы

Пристатейный список литературы должен быть нумерованным — каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи, где их следует приводить в квадратных скобках арабскими цифрами. В списке литературы все работы перечисляются в порядке цитирования, а не в алфавитном порядке.

В списке литературы приводятся только опубликованные материалы (ссылки на Интернет-ресурсы допускаются).

Следует избегать самоцитирования, за исключением случаев, когда оно представляется необходимым (например, если нет других источников информации, или настоящая работа проведена на основе или в продолжение цитируемых исследований). Самоцитирование рекомендуется ограничить тремя ссылками.

Все источники в списке литературы следует оформить в соответствие ГОСТ Р 7.0.5—2008.

Подробные правила оформления библиографии можно найти в специальном разделе оформления библиографии.

2.6. References

Дополнительный список литературы в романском алфавите (References) необходимо приводить для соответствия публикуемых работ требованиям международных баз данных.

Список источников в References должен полностью соответствовать таковому в Списке литературы. В отличие от Списка литературы, русскоязычные источники в References следует привести в их латиноязычном эквиваленте — они должны быть написаны буквами романского алфавита:

— те исходно русскоязычные источники (и их части), у которых существует официальный перевод на английский (или другой язык, использующий романский алфавит), должны быть приведены в переводе;

— те источники (или те части библиографического описания), для которых перевод не существует, должны быть транслитерированы.

Все источники в References следует оформлять в стиле **MLA (The Chicago Manual of Style (16th edn))**.

2.7. Контактная информация

Необходимо последовательно указать контактную информацию всех авторов.

Раздел должен содержать следующие данные **о каждом авторе**:

— ФИО (полностью);

— ученая степень, ученое звание, должность, структурное подразделение и полное наименование организации (основного места работы);

— почтовый рабочий адрес (с индексом и указанием страны), адрес электронной почты,

— идентификатор **ORCID** (подробнее тут: <http://orcid.org/>), **eLibrary SPIN-код** (подробнее тут: http://elibrary.ru/projects/science_index/author_tutorial.asp)

3. Английский язык и транслитерация

При публикации статьи часть или вся информация должна быть дублирована на английский язык или транслитерирована (написана латинскими буквами). При транслитерации рекомендуется использовать стандарт **BSI (British Standard Institute, UK)**. Для транслитерации текста в соответствии со стандартом **BSI** можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.ru/?account=bsi>.

4. Таблицы

Их следует помещать в текст статьи, они должны иметь нумерованный заголовок и четко обозначенные графы, удобные и понятные для чтения. Данные таблицы должны соответствовать цифрам в тексте, однако не должны дублировать представленную в нем информацию. Ссылки на таблицы в тексте обязательны.

Каждую таблицу в тексте вместе с нумерованным заголовком следует привести дважды — в русскоязычном и англоязычном вариантах. Сначала следует привести русскоязычную версию нумерованного заголовка и таблицы. Сразу за ними следует поместить англоязычную версию нумерованного заголовка и таблицы, при этом номер заголовка и данные в таблице (но не текст!) должны совпадать. При создании англоязычного варианта таблицы и заголовка не следует использовать транслитерацию — необходимо давать полноценный перевод на английский. Текст англоязычного варианта заголовка таблицы может не точно совпадать с текстом русскоязычного варианта, особенно в тех случаях, когда целесообразно в заголовке дать дополнительные пояснения к содержанию таблицы.

5. Рисунки

Объем графического материала минимальный (за исключением работ, где это оправдано характером исследования). Каждый рисунок должен сопровождаться нумерованной подрисуночной подписью. Ссылки на рисунки в тексте обязательны.

Нумерованную подрисуночную подпись следует дать дважды — на русском и английском языке. Обе подрисуночные подписи следует располагать непосредственно под изображением, англоязычную версию подрисуночной подписи следует ставить сразу после русскоязычной. Подрисуночная подпись на английском языке может, при необходимости, содержать более детальное пояснение иллюстрируемых данных, чем русскоязычная. Пример:

Рис. 1. Динамика показателей изучаемых процессов

Fig. 1: Dynamics of indicators of studied processes

При наличии текста на изображении (например в случае текстовых схем), кроме оригинального рисунка в рукопись следует вставить его копию, содержащую англоязычный вариант всего русскоязычного текста. Если на изображении мало текстовых элементов (например, только единицы измерения и подписи осей графика), допустимо не делать его англоязычную копию, а дублировать текст на английском непосредственно на оригинальном изображении.

Иллюстрации (графики, диаграммы, схемы, чертежи), рисованные средствами MS Office, должны быть контрастными и четкими. Иллюстрации должны быть выполнены в отдельном файле и сохранены как изображение (в формате *.jpeg, *.bmp, *.gif), и затем помещены в файл рукописи как фиксированный рисунок. Недопустимо нанесение средствами MS WORD каких-либо элементов поверх вставленного в файл рукописи рисунка (стрелки, подписи) ввиду большого риска их потери на этапах редактирования и верстки.

Фотографии, отпечатки экранов мониторов (скриншоты) и другие нерисованные иллюстрации необходимо не только вставлять в текст рукописи, но и загружать отдельно в специальном разделе формы для подачи статьи в виде файлов формата *.jpeg, *.bmp, *.gif (*.doc и *.docx — в случае, если на изображение нанесены дополнительные пометки). Разрешение изображения должно быть >300 dpi. Файлам изображений необходимо присвоить название, соответствующее номеру рисунка в тексте. В описании файла следует отдельно привести подрисуночную подпись, которая должна соответствовать названию фотографии, помещаемой в текст (пример: Рис. 1. Сеченов Иван Михайлович).

Если в рукописи приводятся рисунки, ранее опубликованные в других изданиях (даже если их элементы переведены с иностранного на русский язык), автор обязан предоставить в редакцию разрешение правообладателя на публикацию данного изображения в другом журнале (с правильным указанием соответствующего журнала), в противном случае это будет считаться плагиатом (см. подробно «Этика научных публикаций»).

6. Сокращения

Все используемые аббревиатуры и символы необходимо расшифровать в примечаниях к таблицам и подписям к рисункам с указанием на использованные статистические критерии (методы) и параметры статистической вариативности (стандартное отклонение, стандартная ошибка среднего и проч.). Статистическую достоверность / недостоверность различий данных представленных в таблицах, рекомендуется обозначать надстрочными символами *, **, †, ††, ‡, ‡‡ и т.п.

7. Соответствие нормам этики

Для публикации результатов экспериментальных исследований с участием людей необходимо указать, подписывали ли участники исследования информированное согласие. Необходимо указать, был ли протокол исследования одобрен этическим комитетом (с приведением названия соответствующей организации, ее расположения, номера протокола и даты заседания комитета). Подробно о принципах публикационной этики, которыми при работе руководствуется редакция журнала, изложены в разделе «Этические принципы журнала».

8. Сопроводительные документы

При подаче рукописи в редакцию журнала необходимо дополнительно загрузить файлы, содержащие сканированные изображения заполненных и заверенных сопроводительных документов (в формате *.pdf или *.jpg).

В число обязательных документов входит сопроводительное письмо, подписанное всеми авторами статьи (или несколько писем, в совокупности содержащие подписи всех авторов рукописи).

В случае, когда авторы рукописи работают в разных учреждениях, городах, странах, можно представить несколько сопроводительных писем; при этом в редакции журнала должны оказаться подписи всех авторов рукописи.

Для статей сотрудников и обучающихся в РУДН (в том числе — в аспирантуре и докторантуре), сопроводительное письмо должно быть оформлено на официальном бланке факультета/института и заверено у руководителя факультета/института и научного руководителя (аспиранта или докторанта, соответственно).

Подготовка статьи. При передаче рукописи в редакцию на рассмотрение, авторам необходимо согласиться со всеми следующими пунктами. Рукопись может быть возвращена авторам, если она им не соответствует.

Отсутствие плагиата в тексте. Авторы гарантируют, что эта статья целиком или частично не была раньше опубликована, а также не находится на рассмотрении и в процессе публикации в другом издании. Если рукопись ранее была подана для рассмотрения в другие издания, но не была принята к публикации, обязательно укажите это в сопроводительном письме, в противном случае редакция может неверно истолковать результаты проверки текста на наличие неправомерных заимствований и отклонить рукопись.

Правильный формат. Отправляемый файл рукописи имеет формат Microsoft Word или RTF — *.doc, *.docx, *.rtf. При оформлении рукописи соблюдены все требования редакции по оформлению текста, рукопись отформатирована в соответствии с указаниями официального сайта журнала.

Author Guidelines

Preparing the manuscript, authors are kindly requested to adhere to the following guidelines.

These guidelines are prepared in accordance with COPE (Committee on Publication Ethics) guidelines, ORI (the Office of Research Integrity), CSE (Council of Science Editors) and EASE (European Association of Science Editors) guidelines.

I. Manuscript requirements. We accept submissions strictly online, via the form available at our website.

Please upload your manuscript as a Microsoft Office Word document (*.doc, *.docx and *.rtf formats).

1. Length of the manuscript from an original study, lecture or literature review (including tables and list of references) should not exceed 6000 words. Short reports and letters to the editor should not exceed 1500 words. Please consult the MS Word built-in statistics service prior to submission in order to find out the exact length of your manuscript. Should your manuscript exceed the aforementioned limits, the editorial board will carry out the final decision on its publication based on recommendations from your reviewer.

2. Text formatting. The text is typed by fonts included in Windows, and if this is not possible, the fonts should be provided to the editor with the article. Lettering in Times New Roman is preferable in all cases (font size 12 pt with 1.5 line spacing and 2 cm margins). Kindly refrain from using underlining in your document (italic and bold formatting is acceptable).

3. File structure. The journal editorial board prefers to receive a manuscript as a single complete file with all figures, tables and any additional supplemental materials. Please organize your text according to the following template:

- Writing an abstract.
- Article title. Best article titles bear short, clear and distinctive messages.
- Authors and their affiliated institutions, linked by superscript numbers, should be listed beneath the title on the opening page of the manuscript.
- Abstract of an original study should start with some brief background information and statement of the study's AIMS, followed by MATERIALS & METHODS and finishing with the RESULTS. The closing sentence should outline the main CONCLUSIONS of the study in the most comprehensible terms. Please note that your abstract should be 300 words or less.
- Choice of keywords. 3 to 10 keywords are preferable.
- The body of the text should start with a brief Introduction, describing the paper's significance. In the case of an original study, the body of the paper should follow a common structured approach to the description of the studies aim, its materials, methods and results, as well as Discussion and Conclusions sections.
- Acknowledgements section may be presented in Russian, English or both languages. It should comprise the following:

Clarification regarding any potential or actual conflicts of interest of the authors. Any affiliations, financial relations, financial or political interests in the manuscript as a whole or in part, including employment and other liabilities that may result in withholding or deliberate corruption of data or adversely influenced interpretation, are considered a conflict of interest and must be explicitly stated as such. Please note that conflicts of interest do not impede a publication, though failure to disclose one does.

A brief list of funding sources for the results reported in the paper, as well as the publication process itself (*e.g.* a commercial organization, a foundation or government grant, *etc.*).

An optional note describing the roles or responsibilities of the authors. You may also place here an acknowledgment for any individuals or organizations that assisted in your work.

II. List of references should be organized according to the guidelines by U.S. National Information Standards Organization NISO Z39.29-2005 [R2010] in MLA — The Chicago Manual of Style (16th edn) or http://www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide.html). For detailed instructions on bibliographic formatting, see «References list guidelines». The following are the principle points you should be aware of while preparing your manuscript for submission:

— References should be numbered in the order in which they are cited.

— Number of references is limited to 60 for literature reviews, and to 20 for original studies and lectures.

— Within the body of the text references should be provided in Arabic numerals enclosed in square brackets.

— A complete list of all authors should be presented in every bibliographical entry. Please put an “et al.” notation after the third name if cited paper has more than 4 authors. Do not shorten titles of your citations. Shortened journal titles should correspond to the MedLine catalogue. If the journal is not indexed by MedLine, please provide its full title.

III. Enumerate your **tables**, give those a heading and clearly marked columns that would be easy to read and comprehend. Please make sure that table data is in line with the numbers in the body of the text (but does not simply duplicate them).

IV. Reduce graphical material to minimum (unless the nature of your study dictates otherwise). Photographs should be rich in contrast, illustrative artwork should be clear and of high resolution (dpi).

— If you wish to include in your paper any graphical material created other than by means of standard office applications (*e.g.* results of diagnostic imaging, photographs, screenshots, digital artwork, *etc.*), please submit them as separate files via our web form in *.jpeg, *.bmp or *.gif formats. The absolute minimum for acceptable resolution is 300 dpi, though higher is preferable. Do keep in mind that image files should be tagged with numbers corresponding to the enumeration within the manuscript. In addition, file description should provide the caption of your image as it would appear in the paper (*exp.*: “Fig. 1. Elliott Proctor Joslin, M.D. (1869—1962).”).

— Graphs should be labeled on the ordinate and abscissa with the parameter or variable being measured, the units of measure, and the scale.

- Units should be metric and follow SI convention.
- Kindly take care to provide references to all of your supplementary materials (tables, graphs, etc.) within the body of the text.

V. Ethics statement. In accordance with **COPE** (Committee on Publication Ethics) guidance authors must provide an ethics statement if the study made use of human or vertebrate animal subjects and/or tissue. Approval from the relevant body is required for studies involving:

- humans (live or tissue), including studies that are observational, survey-based, or include any personal data;
- animals (live or tissue), including observational studies;
- non-commercial cell lines.

VI. Cover letter. The journal editorial board requires authors to submit a scanned copy of a cover letter from authors team in *.pdf format. We expect a cover letter to summarize concisely why your paper is a valuable addition to the scientific literature and briefly relate your study to previously published work. Cover letter should be signed by all of your co-authors. We accept separate letters from authors if they have different affiliations declared in the manuscript.

VII. Using the WEB-form to submit a manuscript. Indexing in Russian and international databases requires certain metadata to be provided for your paper.

1. **Authors.** Please provide us with:

- names, affiliations and scientific degrees for all authors;
- contact information (an e-mail address) for all authors (an e-mail address for corresponding author will be published in open access to facilitate contact with your team).

2. Article title and Abstract. These should *exactly* match the text of the corresponding fields in your manuscript file.

3. Keywords. Please make sure to add 3 to 10 concise and accurate keywords, preferably chosen from the MeSH (Medical Subject Headings) thesaurus.

4. Language. Indicate the language (or languages in case of a bilingual manuscript) of your paper (exp. *[ru; en]*).

5. List of references should be organized according to the guidelines by U.S. National Information Standards Organization NISO Z39.29-2005 [R2010]) in **Vancouver style**. For detailed instructions on bibliographic formatting, see «References list guidelines».

6. Supplementary materials should be submitted as separate files with an appropriate caption (exp.: “Fig. 3. Cyst gross specimen”).

7. Completing submission. Please check the list of attached files prior to finishing the procedure. Within next 7 days, the editorial **board** will inform you by e-mail of receiving submitted materials. Feel free to contact the editors or the reviewers should you have any questions regarding the processing of your manuscript. Accessing your personal account on-site will allow you to monitor its progress online.

Submission Preparation Checklist

As part of the submission process, authors are required to check off their submission's compliance with all of the following items, and submissions may be returned to authors that do not adhere to these guidelines.

— Absence of plagiarism. The submission has not been previously published, nor is it before another journal for consideration (or an explanation has been provided in Comments to the Editor).

— Correct manuscript format. Manuscript file format is Microsoft Word (has the extension *.doc, *.docx, *.rtf). The text adheres to the stylistic and bibliographic requirements outlined in the Author Guidelines, which is found in "For Authors" section.

Примеры оформления ссылок

	ГОСТ	MLA
КНИГА ОДНОГО АВТОРА	1. <i>Лотман М.Ю.</i> Внутри мыслящих миров. М. : Азбука-Классика, 2016. 448 с.	1. Lotman, M. Yu. 2016. Vnutri myslyashchikh mirov. Moscow: Azbuka-Klassika publ. Print. (in Russ.)
КНИГА ОТ ДВУХ ДО 7 АВТОРОВ	1. <i>Маслова В.А., Пименова М.В.</i> Коды лингвокультуры. М. : ФЛИНТА: Наука, 2016. 180 с.	1. Maslova, V.A., and M.V. Pimenova. 2016. Kody lingvokul'tury [Codes of Linguoculture]. Moscow: FLINTA: Nauka publ. Print. (in Russ.)
ПЕРЕИЗДАННАЯ КНИГА	1. <i>Жолковский А.К.</i> Блуждающие сны: статьи разных лет. 3-е изд. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 512 с.	1. Zholkovskii, A.K. 2016. Bluzhdayushchie sny: stat'i raznykh let [Wandering Dreams: Articles of Different Years]. 3-rd ed. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. Print. (in Russ.)
ГЛАВА В КНИГЕ	1. <i>Эсалнек А.Я.</i> Архетип. Введение в литературоведение. М. : Академия, 2012. 720 с. С. 345 – 359.	1. Esalnek, A.Ya. 2012. "Arkhetip." In Vvedenie v literaturovedenie, edited by L.V. Chernets, 345-359. Moscow: Akademiya publ. Print. (in Russ.)
КНИГА ПОД РЕДАКЦИЕЙ	1. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М. : Гнозис, 2007. 512 с.	1. Karasik, V.I., and I.A. Sternin, eds. 2007. Antologiya kontseptov. Moscow: Gnozis publ. Print. (in Russ.)
ПЕРЕВЕДЕННАЯ КНИГА	1. <i>Чиксентмихайи М.</i> Поток. Психология оптимального переживания / пер. с англ. М. : Смысл, 2013. 461 с.	1. Chiksentmikhaii, M. 2013. Potok. Translated by E.Perova. Moscow: Smysl publ. Print. (in Russ.)
ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА	1. <i>Тлостанова М.В.</i> От философии мультикультурализма к философии транскulturации. М. : РУДН, 2008. 251 с. [электронный ресурс]. URL:XXXXXXXXXXXXX Дата обращения: 00.00.00.	1. Tlostanova, M.V. 2008. Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turatsi. Moscow: RUDN publ. http://XXXXXXXXXXXXX. Web. (in Russ.)
СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ	1. <i>Муранска Н.</i> Словацкая поэзия в русских переводах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. No 1. С. 102—109. doi: 0.22363/2312-8011-2017-14-1-102-109	1. Muranska, N. 2017. Slovak Poetry in Russian Translations. RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices 14 (1): 102 – 109. doi: 0.22363/2312-8011-2017-14-1-102-109
МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ	– Если по итогам Конференции опубликован Сборник трудов, работа оформляется так же, как статья в журнале. – Если работа была представлена на Конференции в устной форме, необходимо указать следующие данные: 1. <i>Бахтикиреева У.М., Валикова О.А.</i> Среди миров // Материалы ежегодной Конференции Науки и Искусства, Болгария (21.07.17. – 30.07.17.)	1. Bakhtikireeva, U.M., and O.A.Valikova. 2017. "Sredi mirov". Paper presented at the annual meeting for the Science and Arts, Bulgaria, August 21-30.
ИНТЕРНЕТ	Как правило, ссылка на сайт дается ВНУТРИ текста в круглых скобках: (по данным сайта РУДН от 09.03.17, http://www.rudn.ru/). Нет необходимости помещать эти данные в REFERENCES/СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ. В случае, если Вы ссылаетесь на электронную книгу/журнал, Вы оформляете их по образцам, представленным выше.	
ПЕРИОДИКА	Ссылка на информацию из газет и журналов приводится ВНУТРИ текста в круглых скобках: – «ЦИТАТА ИЗ ГАЗЕТЫ/ЖУРНАЛА» (PSYCHOLOGIES, июнь, 2015).	

	ГОСТ	MLA
МЕДИА	Если Вы ссылаетесь на информацию, представленную в форме CD-записи, кинофильма, ролика, пожалуйста, укажите следующее: Автора работы, Год выпуска, Название, Формат: 1. Цветаева М. Лирика. Читает Анна Большова. CD.	1. Tsvetaeva, M. 2014. <i>Lirika</i> . Read by Anna Bolshova. Compact disc.
ЗАРУБЕЖНЫЕ ИСТОЧНИКИ (смотрите расширенный список в блоке REFERENCES на англоязычной странице сайта)		
ОДИН АВТОР	1. <i>Ortiz F.</i> Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London : Duke University Press, 1995.	1. Ortiz, F. 1995. <i>Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar</i> . Durham, and London: Duke University Press. Print.
НЕСКОЛЬКО АВТОРОВ	1. <i>Garcia O., Wei L.</i> Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York : Palgrave Macmillan, 2014. Print	1. Garcia, O., and L. Wei. 2014. <i>Translanguaging: Language, Bilingualism and Education</i> . New York: Palgrave Macmillan. Print
СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ	1. <i>Huggan G.</i> Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge // <i>Literature Interpretation Theory</i> . 2015. Issue 26. Vol. 2. Pp. 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxx	1. Huggan, G. 2015. Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge. <i>Literature Interpretation Theory</i> 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxx

Требования к оформлению статей

О СТИЛЕ ЦИТИРОВАНИЯ	<p>Уважаемые авторы! С 1 номера 2018 года наш журнал переходит к стилю MLA в оформлении библиографических данных. Это касается в первую очередь структурного блока REFERENCES, который будет формироваться в соответствии с Руководством указанного стиля. Внутри текста мы сохраняем сквозное (последовательное) цитирование, помещая ссылку на источник в квадратные скобки с указанием его порядкового номера и страницы: [1. С. 432], [2. P. 67]. Более подробную информацию Вы можете получить по ссылке http://www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide.html</p> <p>В таблице представлены образцы оформления РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ в блоке REFERENCES (Примечание: РУССКОЯЗЫЧНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ОФОРМЛЯЕТСЯ В СООТВЕТСТВИИ С ГОСТ).</p> <p>Обратите внимание, что в русскоязычном списке указывается количество страниц (для книги) и номеров страниц (для журнала), а для REFERENCES эта информация факультативна; однако для стиля MLA важно указание о том, печатная или электронная книга представлена (Print/Web), а также данные о языке оригинала (in Russ.).</p>	
КНИГА ОДНОГО АВТОРА	Список литературы	References
	<i>Лотман М.Ю.</i> Внутри мыслящих миров. М.: Азбука-Классика, 2016. 448 с.	Lotman, M. Yu. 2016. Vnutri myslyashchikh mirov. Moscow: Azbuka-Klassika. Print. (in Russ.)
КНИГА БОЛЕЕ ДВУХ АВТОРОВ	<i>Маслова В.А., Пименова М.В.</i> Коды лингвокультуры. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 180 с.	Maslova, V.A., and M.V. Pimenova. 2016. Kody lingvokul'tury. Moscow: FLINTA: Nauka. Print. (in Russ.)
ПЕРЕИЗДАННАЯ КНИГА	<i>Жолковский А.К.</i> Блуждающие сны: статьи разных лет. 3-е изд. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 512 с.	Zholkovskii, A.K. 2016. Bluzhdayushchie sny: stat'i raznykh let. 3-rd ed. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. Print. (in Russ.)
ГЛАВА В КНИГЕ	<i>Эсалнек А.Я.</i> Архетип. Введение в литературоведение. М.: Издательский центр «Академия», 2012. 720 с. С. 345—359.	Esalnek, A.Ya. 2012. "Arkhetip". In Vvedenie v literaturovedenie [Introduction to Literary Criticism], edited by L.V. Chernets, 345—359. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiya». Print. (in Russ.)
КНИГА ПОД РЕДАКЦИЕЙ	Антология концептов / под. ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. 512 с.	Karasik, V.I., and I.A. Sternin, eds. 2007. Antologiya kontseptov. Moscow: Gnozis. Print. (in Russ.)
ПЕРЕВЕДЕННАЯ КНИГА	<i>Чиксентмихайи М.</i> Поток. Психология оптимального переживания / пер. с англ. М.: Смысл, 2013. 461 с.	Chiksentmihaii, M. 2013. Potok. Translated by E.Perova. Moscow: Smysl. Print. (in Russ.)
ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА	<i>Тлостанова М.В.</i> От философии мультикультурализма к философии транскультурации. М.: РУДН, 2008. 251 с. [электронный ресурс]. URL: XXXXXXXXXXXXXXXX (дата обращения: 00.00.00.)	Tlostanova, M.V. 2008. Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turatsii. Moscow: RUDN. http://XXXXXXXXXXXXX . Web. (in Russ.)
СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ	<i>Муранска Н.</i> Словацкая поэзия в русских переводах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 1. С. 102—109. doi: 0.22363/2618-897X-2017-14-1-102-109	Muranska, N. 2017. "Slovatskaya poeziya v russkikh perevodakh". RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices 14 (1): 102—109. doi: 0.22363/2618-897X-2017-14-1-102-109

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ	Если по итогам конференции опубликован Сборник трудов, работа оформляется так же, как статья в журнале. Если работа была представлена на Конференции в устной форме, необходимо указать следующие данные: Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Среди миров // Материалы ежегодной Конференции Науки и Искусства, Болгария (21.07.17. — 30.07.17.)	Bakhtikireeva, U.M., and O.A. Valikova. 2017. "Sredi mirov". Paper presented at the annual meeting for the Science and Arts, Bulgaria, August 21—30.
ИНТЕРНЕТ	Как правило, ссылка на сайт дается ВНУТРИ текста в круглых скобках: (по данным сайта РУДН от 09.03.17, http://www.rudn.ru/). Нет необходимости помещать эти данные в REFERENCES/СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ. В случае, если Вы ссылаетесь на электронную книгу/журнал, Вы оформляете их по образцам, представленным выше.	
ПЕРИОДИКА	Ссылка на информацию из газет и журналов приводится ВНУТРИ текста в круглых скобках: — «ЦИТАТА ИЗ ГАЗЕТЫ/ЖУРНАЛА» (PSYCHOLOGIES, июнь, 2015).	
МЕДИА	Если Вы ссылаетесь на информацию, представленную в форме CD-записи, кинофильма, ролика, пожалуйста, укажите следующее: Автора работы, Год выпуска, Название, Формат: Цветаева М. Лирика. Читает Анна Большова. CD.	Tsvetaeva, M. 2014. Lirika. Read by Anna Bolshova. Compact disc.
ЗАРУБЕЖНЫЕ ИСТОЧНИКИ (смотрите расширенный список в блоке REFERENCES на англоязычной странице сайта)		
ОДИН АВТОР	Ortiz F. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. 1995	Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print.
НЕСКОЛЬКО АВТОРОВ	Garcia O., and L. Wei. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. 2014. Print	Garcia, O., and L. Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print
СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ	Huggan G. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge". Literature Interpretation Theory. Issue 26, vol. 2: 85—105. 2015. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx	Huggan, G. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge". Literature Interpretation Theory 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx

ABOUT THE STYLE OF CITING (MLA)	Beginning with the first issue of 2018, we take as a basis the MLA style for processing bibliographic data. However, instead of the alphabetical list of literature, we continue to use the order of quoting sources in the text (ORDINAL CITATION). Below the rules and examples for REFERENCES are given. For full information on this style, see The Chicago Manual of Style (16th edn) or http://www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide.html
IN THE TEXT (PLACEMENT)	Sources are cited in the text, usually in square brackets, by ordinal number in the text, and a page number. Full details are given in the Reference list (under the heading References). Place the reference at the appropriate point in the text; normally just before punctuation: [1. P. 34].
REFERENCE LIST	GENERAL PRINCIPLES
ORDER	As the source is mentioned in the text. In the Reference list all cited works are given sequentially: 1. Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Spanish edition. / Transl. into English by Harriet de Onis. New York: Knopf, (1940)1947. Reprint: Durham, NC, and London: Duke University Press Books, USA. IMPORTANT: Please, use the form of the author name as it appears on the title page or head of an article. Typically, the author's name is given in full: Ortiz, Fernando; Kellman, Stephen , etc., but you may also use initials: Ortiz, F.; Kellman, S. Choose only one variant of spelling a name, and use it in the list of References. We kindly ask you not to mix these two types.
PUNCTUATION	Headline-style capitalization is used. In headline style, all major words (nouns, pronouns, verbs, adjectives, adverbs) are capitalized. For non-English titles, use sentence-style capitalization.
BOOK	<p>ONE AUTHOR №. Surname, Name. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web</p> <p>Example: 1. Ortiz, Fernando. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print. OR 1. Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print.</p> <p>TWO AUTHORS №. A1 Surname, Name, and A2 Name Surname. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web.</p> <p>Example: 1. Garcia, Ofelia, and Lee Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print. OR 1. Garcia, O., and L. Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print</p> <p>THREE AUTHORS №. A1 Surname, Name, A2 Name Surname, and A3 Name Surname. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web.</p> <p>Example: 1. Harrison, John, Elizabeth Owl, and Kate Green. 2012. Book Title: The Subtitle. Abingdon: Routledge. Print. OR 1. Harrison, J., E. Owl., and K. Green. 2012. Book Title: The Subtitle. Abingdon: Routledge. Print.</p>

	<p>ORGANISATION AS AUTHOR:</p> <p>University of Chicago Press. 2012. The Chicago Manual of Style. 16th ed. Chicago: University of Chicago Press.</p> <p>BOOK IS NOT IN ENGLISH:</p> <p>№. Surname, Name. Year. Title in transliteration [Translation into English]. City: Publisher. Print/Web.</p> <p>Example: №. Tlostanova, Madina. 2008. <i>Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turacii</i> [From multiculturalism philosophy to transculturation philosophy]. Moscow: RUDN Press, 2008. Print.</p> <p>OR №. Tlostanova, M.V. 2008. <i>Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turacii</i> [From multiculturalism philosophy to transculturation philosophy]. Moscow: RUDN Press, 2008. Print.</p> <p>ONLINE Cite the online version, include the URL or DOI:</p> <p>Harrison, John. 2016. Book Title: The Subtitle. Oxford: Clarendon Press. doi: xxxxxxxxxxxx.</p> <p>Harrison, John. 2016. Book Title: The Subtitle. Oxford: Clarendon Press. http:// xxxxxxxxxxxx/.</p>
<p>JOURNAL</p>	<p>ONE AUTHOR</p> <p>1. Surname, Name. Year. "Article Title: The Subtitle". Journal Title in Full Issue: pages. doi:xxxxxxxxxxxxxxxxxx.</p> <p>1. Huggan, Graham. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge". <i>Literature Interpretation Theory</i> 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>OR 1. Huggan, G. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge". <i>Literature Interpretation Theory</i> 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>TWO AUTHORS</p> <p>1. A1 Surname, Name, and A2 Name Surname. Year. "Article Title: The Subtitle". Journal Title in Full Issue: pages. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx.</p> <p>Example: 1. Mutekwa Anias, and Musanga Terrence. 2013. "Subalternizing and Reclaiming Ecocentric Environmental Discourses in Zimbabwean Literature: (Re)reading Doris Lessing's The Grass is Singing and Chenjerai Hove's Ancestors". <i>Interdisciplinary Studies in Literature and Environment</i>. 20 (2): 239—257. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>OR 1. Mutekwa A., and M. Terrence. 2013. "Subalternizing and Reclaiming Ecocentric Environmental Discourses in Zimbabwean Literature: (Re)reading Doris Lessing's The Grass is Singing and Chenjerai Hove's Ancestors". <i>Interdisciplinary Studies in Literature and Environment</i>. 20 (2): 239—257. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>THREE AUTHORS</p> <p>A1 Surname, Name, A2 Name Surname, and A3 Name Surname. Year. "Article Title: The Subtitle". Journal Title in Full Issue: pages. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>Example: 1. Loginova, Olga, Galina Ivanova, and Aizhan Shakirtova. 2016. «Multicultural Education in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: General Trends and National Peculiarities». <i>Journal of Education</i> (9): 3301—3312. doi: xxxxxxxxxxxx</p>

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

20830

(индекс издания)

**«Полилингвильность
и транскультурные
практики»**

Количество
комплектов:

на 2021 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

20830

(индекс издания)

**«Полилингвильность
и транскультурные практики»**

Стои- мость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2021 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

--

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Количество комплектов:

--

на 2021 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

--

(индекс издания)

ПВ	место	литер

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Стоимость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2021 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)